

ЗА СТОЛОМ ГРАДЛА

*сборник эссе под редакцией
Джона Мэттьюза*

ЗА СТОЛОМ ГРАДЛЯ

*сборник эссе под редакцией
Джона Мэттьюза*

ТАМБОВ • 2013

**Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.**

Мэттьюз Д.

За столом Грааля. — Тамбов, 2013. — 192 с.

Предание Грааля пересказано в бесчисленных вариациях, и символ его уходит корнями во многие, весьма разрозненные, культуры и традиции. При этом Грааль всегда имеет личную ценность, далеко за пределами интересов литературы или истории: Грааль — вместилище Всего, живой миф, открывающий путь к архетипическим силам. Лежащий вне времени Грааль всегда направлен к поиску цельности личности, к вечному сверхъестественному приключению навстречу единственному призванию, исполнению собственной индивидуальной судьбы — это и есть идеал подлинного рыцарства Грааля.

Сборник, созданный авторитетнейшим британским знатоком артурианского цикла, основывается на исследовательских работах двенадцати авторов, прослеживающих многие исторические и мифические аспекты Грааля. На этом фундаменте вырастают размышления о значимости Грааля в современности, как для отдельного человека, так и общества в целом. В завершении читателю предложено лично войти в миф Грааля и собственное внутреннее приключение с целью обнаружения подлинной сути Самости.

© Издательство «Ex Nord Lux»,
перевод с английского,
издание книги на русском языке, 2013

Оглавление

АВТОРЫ	4
ВВЕДЕНИЕ ДЖОНА МЭТТЮЗА	7
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ ГРААЛЯ.....	11
ИСТОКИ И МОТИВЫ	13
Джеффри Эш «Грааль золотого века».....	14
Ханна Клосс «Встреча вод»	29
Адам МакЛин	
«Алхимическая трансмутация в истории и в символах».....	45
ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИИ ГРААЛЯ.....	58
Джон Мэттьюз «Храмы Грааля».....	59
Хелен Люк «Возвращение Диндрейны»	76
Кэйтлин Мэттьюз «София, спутница в поиске».....	91
Брайан Клив «Нужда мира»	105
Лоис Ланг Симс «Желание сердца»	118
МАГИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ ВООБРАЖЕНИЯ	127
Гарет Найт «Мерлин и Грааль»	128
Боб Стюарт «Грааль как телесный сосуд»	141
Долорес Эшкрофт–Новицкая «Путь к Граалю»	161
Питер Лэмборн Уилсон «Глатиссант и Грааль».....	176

Авторы

Долорес Эшкрофт–Новицкая (Dolores Ashcroft–Nowicki), руководительница исследований в оккультной школе «Слуги Света», основанной ею совместно с Уолтером Эрнестом Батлером. Путешествовала по всему миру, выступая с докладами на оккультные темы. Автор книг «First Steps in Ritual» (1982) и «The Shining Paths» (1983).

Джеффри Эш (Geoffrey Ashe) более всего известен всесторонними штудиями мифов артурианского цикла; в 1982 году им были написаны книги «Kings and Queens of Early Britain» и «Avalonian Quest». В период с 1966 по 1970 годы был секретарем комитета исследования Камелота, проводившего раскопки замка Кэдбери в Сомерсете в поисках реальных следов легендарного Камелота; в 1981 году опубликовал материал о поразительных новых находках, имеющих отношение к вопросу установления личности легендарного Артура. Также им написаны книги «The Virgin» (1976), «The Ancient Wisdom» (1977) и «Camelot and the Vision of Albion» (1971).

Брайан Клив (Brian Cleeve), родившийся в Англии в 1921 году, во время войны служил в Британском торговом флоте, а после стал телевизионным ведущим и писателем–новелистом. В 1956 году в Ирландском национальном университете получил степень доктора философии. Им написаны две книги о мистической религии: «The House on the Rock» и «The Seven Mansions», опубликованные в 1980 году, и некоторые другие, неопубликованные работы сходной тематики.

Ханна Клосс (Hannah Closs) родилась в Лондоне в 1905 году, умерла в Бристоле в 1953. Она училась в школе изящных искусств Слейда и Венском университете. Среди ее книг — прекрасная трилогия об альбигойском крестовом походе «High are the Mountains», «Deep are the Valleys» и «The Silent Tarn» (переизданы в 1978 году). Ее весьма новаторские сочинения о Граале и движении катаров остались почти неизвестными. Приведенный в этом сборнике текст был напечатан в 1948 году.

Гарет Найт (Gareth Knight) посвятил последние тридцать лет увлеченному изучению магии. Он обучался в оккультной школе основанной Дианой Форчун, и известен как автор ряда значительных трудов о магии, совмещающих академический кругозор с практическим опытом. В их число входит «A Practical Guide to Qabalistic Symbolism» (1965), «Experience of the Inner Worlds» (1975), «A History of White Magic» (1978) и «The Secret Tradition in Arthurian Legend» (1983). Он также написал множество журнальных статей и очень востребован в

качестве лектора. Заслужил степень почетного доктора исследованиями в области магии и вкладом в аналитическую психологию.

Лоис Ланг–Симс (Lois Lang–Sims) провела немалую часть жизни в окрестностях Кентерберийского собора, некоторое время проработав здесь экскурсоводом. Совершала далекие странствия (как духовные, так и телесные) в Индию и Египет, прекрасно описав их в двух автобиографических томах: «A Time to be Born» (1971) и «Flower in a Teacup» (1973). Ее авторству принадлежит и замечательная книга «The Christian Mystery» о мистическом богословии в духе Иулиании Норвичской и Чарльза Уильямса.

Хелен Люк (Helen Luke) родилась в Англии в 1904 году, изучала итальянскую литературу в Оксфордском Университете и психологию К. Г. Юнга в Лондоне и Цюрихе. В 1949 году переехала в Лос–Анджелес, где работала консультантом, а позже основала «Сообщество яблочной фермы», где жила и преподавала до смерти в 1995 году. Ею написаны книги «Woman, Earth and Spirit» (1981), «Dark Wood to White Rose: A Study of Meanings in Dante's Divine Comedy» (1975), и «The Inner Story» (1982). Некоторые сборники ее повестей ожидают издания.

Адам МакЛин (Adam McLean), основатель «The Hermetic Journal», издания об алхимии и сопутствующих темах. Автор множества отдельных статей и книги «The Spiritual Science of Alchemy» (1978). Он также осуществляет редакцию и издание серии «The Magnum Opus Hermetic Sourcebooks», где печатаются редкие и ценные алхимические труды, до сих доступные только в виде рукописей.

Кейтлин Мэттьюз (Caitlin Matthews), поэтесса и музыкант, многие годы изучавшая таинства женственности в Божестве, в частности, всё относящееся к образу Софии божественной мудрости и культу Черной Девы. Ею написано объемное стихотворение «The Search for Rhiannon» (1980) и книга «Тропы Запада» (1988).

Джон Мэттьюз (John Matthews) последние двадцать лет изучал мотив Грааля, постоянно выступая с докладами по этой и близким темам. Вместе с Грэмом Берресфордом Янгом в 1978 году основал журнал искусств «Labrys». Автор «The Grail, Quest for Eternal Life» (1981), и многих других книг, рассматривающих тексты артурианского цикла.

Боб Стюарт (Bob Stewart), шотландский композитор, автор и музыкант, живущий в Западной Англии. Он записал четыре альбома собственных песен и инструментальных композиций, а также звуковое сопровождение к аудиокниге «The Hobbit», начитанной Николем Вильямсоном. Среди его изданных литературных работ — «Where is

Saint George?» (1976) и «The Waters of the Gap» (1981) — исследование кельтской мифологии и магии, основанное на результатах археологических раскопок храма Сулис–Минервы в Бате.

Питер Лэмборн Уилсон (Peter Lamborn Wilson) родился в 1945 году близ Балтимора, штат Мэриленд, учился в Колумбийском университете, а после изъездил Ближний Восток, где навсегда прикипел душой к суфийской традиции. До падения режима шаха занимал должность редактора журнала Имперской иранской академии «Sophia Perennis», а после возобновил путешествия, география которых оказалась весьма обширна. Опубликовал несколько переводов, работал на радио и телевидении, и, среди прочего, издал книги «Angels» (1980), «Divan» (1978) и «The Winter Calligraphy» (1975).

Введение Джона Мэттьюза

Один из текстов о Граале, известный как «Perlesvaus», завершается так: когда чудодейственный сосуд исчезает, чтобы никогда больше не показаться здесь, а рыцарь Персеваль отправляется в земли неведомые, замок Грааля оказывается заброшенным и превращается в руины. Многие желали узнать, чем на самом деле был этот замок, но правда изгладилась из памяти, и люди решили, что это зловещее место, населенное призраками. Никто не отваживался отправиться туда, кроме двух валлийских рыцарей:

То были и вправду славные рыцари, весьма молодые и очень воодушевленные, они поклялись, что отправятся туда, и, волнуясь сильно, вошли в замок. Они оставались там долгое время. А когда покинули замок, то зажили отшельниками, нося власяницы и бродя по лесам, питаясь лишь кореньями; то была тяжкая жизнь, но доставляла им большую приятность, а когда люди спрашивали их, отчего они живут так, то слышали в ответ лишь: «Отправьтесь сами туда, где были мы, и вы узнаете, отчего».

Любой, не сидевший за столом Грааля, должен испытывать отенок недоумения, даже презрения к группе людей, желающих забраться в такие ветхие руины, какими кажется замок Грааля. Немногие прочие разделят желание двух валлийских рыцарей: страсть к познанию и свершению. Но, как и упомянутым рыцарям, нам нелегко рассказать об этом опыте; мы можем лишь еще раз предложить «отправиться туда, и узнать самим».

Не все рыцари Грааля отплыли к берегам Сарраса на мистическом корабле, да и Грааль не стал внезапно недостижим для тех, кто пришел после. Руины замка Грааля располагаются не в каком-либо тайном месте, путь к которому можно указать по карте (хотя карты и действительные исторические архитектурные постройки могут помочь некоторыми намеками). Братство Грааля здесь, среди нас, в этом мире: его участники с одинаковой вероятностью могут быть и обычными людьми, и рьяными мистиками, членами могущественного эзотерического ордена. На самом деле, в границы замка Грааля вошли уже целые города и даже страны, далеко за пределами Британии, — и стол Грааля ныне также огромен. Но что сказать про сам Грааль? Разумеется, чаша Тайной вечери для многих будет не слишком притягательным объектом поиска: она просто чужда их религиозной традиции. А как быть тем, кто религиозной традиции не имеет вовсе? Значит ли это, что они не годятся для Приключения, и не могут быть допущены к Столу? Ответим им так: несмотря на то, что символ Грааля сейчас

принято считать тесно связанным с христианской традицией, толкование его вовсе неоднозначно.

Известно, что элементы традиции Грааля происходят из весьма разнящихся источников, и складываются в многомерный, мультирелигиозный образ, такой же разносторонний, как и компания сидящих за Столом. Для тех, кто был воспитан вне всякой традиции или отверг формальное воспитание в рамках какого-либо духовного учения, ясное выражение своего представления о сущности Грааля может оказаться непростой задачей. Для них могут быть полезны размышления над тем, что контекст преданий Грааля, хотя и христианский по большей части, всё же принадлежит к насыщенной и пестрой атмосфере средневекового мира, теснее связанного с древними языческими традициями и мироощущением. Вдохновенно рассказанная история в этом мире находила куда более пылкий отклик, чем в сердцах и умах мира современного.

Путей к Граалю столько же, сколько дорог, ведущих в Рим — и каждый из них справедлив. Артур вполне мог быть христианским королем, но он продолжал осознавать, что его королевство хранит и другие представления, которые могут послужить только общему благу Круглого стола. Усаживаясь за стол Грааля в замке Короля-рыбака, духовного представителя Артура в Британии, — мы понимаем, что вместе с нами здесь присутствуют многие, для кого здешний берег не родной. Их опыт приносит новые стороны понимания, а личная инициатива каждого служит укреплению духовного здоровья всего собрания искателей. Мы начинаем постигать, что отжавившиеся на Приключение Грааля (как и следующие мистическим путем любой традиции) образуют собой братство и орден. Они разделяют общий язык, образ мышления, — как некий условный тайный знак, по которому можно признать собрата. Понимание этого помогает развеять ощущение одинокой покинутости, нередко преследующее искателей Грааля.

И мы не должны впадать в заблуждение, считая историю Грааля очаровательной средневековой легендой. Это составная часть куда более обширной традиции, к которой принадлежим мы все. Мистическая традиция любого народа обычно представлена совокупностью письменных сочинений, священных писаний, повествующих о герое и его приключении. Хотя такие писания часто объявляются единственным правомочным источником мистических познаний, мы не должны забывать о предшествующих им мифах, а также связанных с ними «апокрифах». На свой манер, такие «еретические» составляющие традиции очень многое могут сообщить о нашем духовном поиске, также являясь частью нашего наследия. Хотя наша причастность к ним не облегчает понимания: часто они состоят из множества последовательных смысловых слоев, сформировавшихся за долгие годы роста, череды изменений и перерождений. Эта книга опишет множество воплощений Грааля: кубок и камень, блюдо и лоно; чаша, «из которой каждая индивидуальная жизнь получает сущностное питание и питье»,

или проявление женского начала. Для кого-то это один из множества подобных сосудов, для других он вовсе не существует в реальности, а является скорее лучезарной идеей, готовой воплотиться, откликаясь на нужду личности. А кто-то видит в нём элемент длящегося действия преобразования: алхимической мечты души, ищущей эволюции человека, единства с Богом.

Как бы ни разнились эти взгляды, они сходятся в одном: Грааль это наставник, советник, помощник и врата к внутренней жизни, внутреннему путешествию, которое мы, подвергаясь опасностям, сомнениям, страху и потере веры, должны пройти до конца. И в той мере, в какой наша цель истинна и не замутнена злом — остается неизменным и присутствие Грааля, тогда он сияет, будто свет в сумерках непроглядной чащи.

Вы многое сможете узнать на этих страницах; но даже если вы просто узнаете о присутствии Грааля в собственном существе — вы обнаружите истину, которая вас никогда не оставит, и осветит путь к исполнению вашего предназначения.

При избытке ни к чему не ведущих эмоциональных переживаний и теоретических правд, в наши времена всё таким же редким остается подлинное чувство, ведущее к восприятию нетленных ценностей. Каждый, пустившийся в Приключение Грааля, претерпевает изменения: получаемый опыт может показаться вначале незначительным, оставаться почти незамеченным, но постоянно возникающие и повторяющиеся образы сложатся в цепочки смыслов — узоры, в которых странник увидит самого себя с бесчисленных точек зрения.

Всякий, кто прочтет эту книгу с открытым разумом и сердцем, увидит эти узоры: возникающие и растворяющиеся с каждым новым определением, с каждым воплощением Грааля. Вновь и вновь зазвучит эхо — вначале, возможно, далекое, но проясняющееся с каждым прочтением, — пока, наконец, личное послание Грааля не будет провозглашено в сводах души с предельной ясностью.

Некоторые из авторов пожелали особо подчеркнуть утрату женского начала, и, что более важно — его ожидаемое возвращение, необходимость которого очевидна: в эпоху более всех других отмеченную разрушительными побуждениями, мужественной страстью к войне, возникает всё возрастающая нужда в более деликатном, действующем изнутри женственном подходе — присущем как женщинам, так и мужчинам, пусть и в менее явной форме. В образности Грааля женское начало проявляется в сюжете о корабле Соломона, когда Галахад, обретший Грааль, и два его спутника отплывают, наконец, в святой город Саррас. Они везут и тело Диндрейны, отдавшей кровь ради жизни другой дамы: это утраченный принцип женственности, покинувший мир — и утрата его стала раной, недугом. Всякому искателю Грааля сегодня следует желать возвращения судна из Сарраса, а

с ним и Диндрейны — более не мертвой, но вызванной к жизни необходимостью момента.

Книгу заключает раздел, включающий руководство по управляемым рассудком видениям и современную авторскую повесть Грааля. Первое предназначено для того, чтобы отправить желающего в собственное Приключение; оно же может оказаться весьма полезным и для того, кто уже находится в пути. История сарацина Паламида, завершающая книгу, станет возможностью получить новые прозрения — раскрывая способы, которыми личное видение Грааля может влиться в его традиционный символизм. Заключительной, практической части книги, предшествуют разнообразные авторские очерки, написанные людьми, преданными Внутреннему Странствию, и находящимися на разных его этапах. Возможно, по мере чтения вы будете вспоминать давно постигнутые и забытые идеи — и это может оказаться вашим путем в земли Грааля. Там вы обретете новые озарения о своем бытии — правды, которые сделают жизнь богаче и светлее, чем когда-либо прежде; ведь в этом приключении мы ищем абсолюты.

Итак, следом за двумя валлийскими рыцарями, мы приглашаем вас войти в замок и сесть за великим Круглым столом Грааля, который может уместиться в стенах вашего сердца, в то же время, простираясь до крайних пределов звездного пространства. Оттуда нам открывается путь, ведущий туда и так, как мы желаем.

Краткое изложение истории Грааля

Почти каждая из традиций Грааля (а их немало) рассказывает свою историю. В наши дни наиболее известно сухое изложение Теннисона. В XV веке наиболее известным пересказом была «Смерть Артура» сэра Томаса Мэлори — а сама эта книга была просто сокращенным сводом более ранних историй «французского происхождения». А им в свою очередь предшествовали кельтские мифы, явившие наиболее раннюю форму Грааля как чудотворного сосуда, — но даже и в них общее представление о Граале не так уж сильно отличается от современного. Чтобы помочь сориентироваться в имеющемся изобилии разнящихся текстов, мы представим здесь краткий свод того, что можно назвать каркасом всех историй. Многое, разумеется, придется опустить; всё же, такое введение поможет читателю, вовсе незнакомому с предметом, ориентироваться в последующих эссе.

Некоторые традиции называют Грааль драгоценным камнем, изумрудом из короны Светоносца: Люцифера, Денницы, Ангела Утра. Камень упал с небес в ходе войны ангелов. Другие считают, что Сиф, сын Адама и Евы, возвратился в райские кущи, где ему был дан Грааль в знак того, что Бог не оставил людей. Каким бы ни было происхождение Грааля, в библейской истории он впервые появляется при распятии Христа: Иосиф Аримафейский вступает во владение Чашей Тайной вечери, и ловит ею капли крови и пота с тела распятого Мессии — и с этого момента Чаша делается священным предметом. Затем Иосиф вместе с группой последователей (первыми рыцарями Грааля) уносит Чашу на запад: прибыв в Гластонбери в Сомерсете, он основывает здесь церковь Божьей матери, ставшую хранилищем Грааля. После этого Грааль упоминается уже во времена Артура, когда и были записаны события первого великого Приключения. Тогда считалось, что Грааль хранится в замке, носившем название Мунсальвеш или Карбонек, и располагавшемся в мире отчасти запредельном. Рыцари-искатели Грааля должны были найти этот замок, преодолевая многие опасности и испытания. Именно изложения этих приключений выступают для нас главным источником сведений о Граале, его качествах и значениях. В Камелоте Грааль явился в луче сияющего света, даруя каждому рыцарю пищу и питье по его выбору — символ того, как Грааль питает дух, поддерживая каждую индивидуальную сущность. Из другого текста мы узнаем, что Грааль обладает пятью переменчивыми обликами, составляющими неизъяснимое таинство. Грааль ищут все: кто во благо, кто во зло, — но находят его только чистые и верные; нам известны имена трех рыцарей, исполнивших Приключение Грааля: Галахад, Персеваль и Борс. Из всех людей Артура лишь они добираются до замка и встречают загадочного Короля-Рыбака, раненого в чресла и неспособного исцелиться, пока не прозвучит ритуальный вопрос: обычно «Кому служит Грааль?» или иногда «Кто служит

Граалю?» — и ответ на него. Тогда выздоравливает Король и зацветают его земли, бывшие до того пустынными. Три рыцаря, завладевшие Граалем, отплывают на корабле в священный город Саррас на востоке, где происходит окончательное свершение таинств Грааля, а Галахад, чистейший из троих, — возносится, растворяясь дымкой священности. Персеваль возвращается в замок Грааля, чтобы стать его новым королем, а Борс отправляется в Камелот, чтобы поведать о чудесах исполненного Приключения.

Такова история в самых общих очертаниях. Существует множество различных пересказов и бесчисленное число приключений отдельных рыцарей-искателей, но суть остается той же. Послание Грааля неизменно, и тогда, и сейчас, — что мы и надеемся показать на последующих страницах.

ИСТОКЪ
·ъ·
МОТЪИВЪ

Джеффри Эш «Грааль золотого века»

Возможно, именно чувство ностальгии выступает важнейшим импульсом, заставляющим нас сопереживать историям Грааля. Кажется, в них воплощена необходимость повторного возвращения в счастливые былые дни, будь то туманные дали нашего собственного детства или давно забытые исторические времена. И личный поиск любого рода всегда является сердцевинной стремления к достижению чего-либо очевидно недостижимого, но вместе с тем и совершенно реального. Эти противоречивые качества как раз и описывают Грааль: в таких образах мы находим его практически во всех историях, от языческой «Вторжение в Аннун» до христианской «Поиски Святого Грааля». Джеффри Эш расценивает такую образность как ностальгическое воспоминание о временах, когда язычество и христианство могли образовывать нечто вроде гармоничного союза — вероятно, о временах короля Артура. Дохристианские образы Грааля: котлы возрождения и вдохновения — стали основой для более поздних христианизированных образов, в которых первостепенную важность обрело содержимое сосуда. Но когда обретала форму матрица расового бессознательного, времена отдаленного прошлого сохранились в ее глубинах, расцветая будто отдаленным золотым отблеском горных вершин. Потому существует потребность искать нечто вечно незыблемое, во что можно поверить. Эта страсть и сегодня побуждает личность искать Грааль — и Приключение Грааля всё так же ее утоляет.

В различные времена учение и мифология христианства переживали обширное дохристианское содержание — и это в особенности верно в отношении мифа Грааля. Обособленное положение символа Грааля в христианстве обусловлено даже не фактом заимствования, но самим характером символа. Речь здесь идет не просто о «принятии», «включении» дохристианского содержания, но о характерном примере *создания* мифа, так и не ставшего сущностно христианским. Таинство Грааля незримо витает на периферии христианского воображения, но никогда не получает от Церкви «официального» определения, и не становится предметом проповедей.

Даже в Гластонберийском аббатстве, неотъемлемой частью традиции которого является фигура Иосифа Аримафейского, хранителя Грааля — сам Грааль остается чем-то будто совсем неважным. Летописец, живший там в XIV веке, пишет о приходе Иосифа, и даже приспособляет к своему рассказу отрывки двух романов Грааля. Однако чудотворный сосуд он заменяет двумя «фиалами», содержащими капли крови и пота Христа — несомненно существующими святыми реликвиями. Определенно, ранняя история Грааля каким-то образом связана с

Гластонбери, однако никто в средневековье не сделал ясного утверждения о том, что Иосиф принес сюда Грааль. Насколько мне известно, до Теннисона об этом вообще никто не упоминал.

Помимо языческих коннотаций, был целый ряд причин тому, что Грааль не нашел себе места в христианской ортодоксии. Самое очевидное: его нельзя было однозначно отождествить ни с одной известной реликвией — в разных историях он принимал разные формы, и ни одна из них не была очевидно христианской, разве только выдавалась за христианскую в конкретном сочинении. Церкви нечего было сказать о столовой утвари Тайной вечери — и потому терялась возможность связать церковное учение с текстами Робера де Борона «Роман о Граале» или «Поиски Святого Грааля».

Повторим, что дух этого мифа был чужд средневековью. Хотя назвать его еретическим нельзя: автор «Поисков» сделал свою утомительно-долгую историю носителем ортодоксального церковного учения, — и потому последний, венчающий опыт непорочного Галахада кажется выражением христианского понимания Бога и вознесения во плоти. Однако даже в этом благочестивом тексте поиск Грааля остается личным приключением, не связанным с общественным укладом Церкви: он ведет к ортодоксии, но через атмосферу колдовства, тайного знания и посвящения. Такая ортодоксия эзотерична и тем подозрительна.

Таким образом, отторжение Грааля христианством нельзя всецело списать на языческие мотивы и их неприятие духовенством. Но такие мотивы действительно существовали и никогда не смогли стать полностью приспособленными к христианству — и факт отторжения свидетельствует как раз о невозможности такого приспособления.

Природа этих мотивов до конца не ясна и часто становится предметом споров. Наиболее древнее уцелевшее описание Приключения Грааля, и единственное чисто языческое — таинственная валлийская поэма «Вторжение в Аннун». Ее автором предположительно является бард Таллиесин, живший в VI веке, но имеющий у нас список моложе оригинала на четыреста лет. Он описывает (или скорее, избегает описывать) набег под командованием Артура на Аннун — кельтское иномирье, подземный мир. Герои отправились туда по воде, выстояли в смутных опасностях, и только семеро сумели вернуться. Их задачей, по-видимому, было нахождение магического котла, который стерегли девятéro дев.

Этот стих, несомненно, полон отголосками кельтской религии: священные котлы нам хорошо известны — прекрасный образец обнаружен в Дании близ поселка Гундеструп. Римский автор Помпоний Мела упоминает о действительно существовавшем объединении девяти сестер-жриц на острове Иль-де-Сен у побережья современной Бретани: сестры были целительницами и прорицательницами, якобы умели превращаться в животных и управлять погодой. Группа из девяти женщин, принадлежащих иному миру, вновь появляется в «Жизни Мерлина» Гальфрида Монмутского, работе, написанной в XII веке.

Они живут на Острове Яблок или Авалоне. Главная среди них — чародейка Фея Моргана, обладавшая теми же способностями, что приписывались женщинам с Иль-де-Сен, а прямая ее предшественница — кельтская богиня Матрона.

С 1180-х годов языческие образы в романах Грааля начинают уступать христианским, но никогда не исчезают полностью. Женщинам принадлежит исключительная роль в таинствах как волшебных котлов, так и чудотворного сосуда Грааля — и такое положение сохраняется даже после несомненной христианизации. Вначале действия с сосудами, кажется, связаны с магией плодородия и «источниками жизни», по выражению Уильяма Батлера Йейтса. Иногда замок Грааля расположен в Бесплодной земле, а в нём обитает раненый король. Когда искатель Грааля произносит ритуальный вопрос — король исцеляется, а Бесплодная земля вновь наполняется жизнью: идея, очень созвучная фрезеровской «Золотой ветви».

К концу XII века Робер де Борон первым из авторов (насколько нам известно) назвал Грааль сосудом Тайной вечери, таким образом, вовлекая его в священнодействия Христа. Робер описывает Грааль как кубок или чашу, другие — как блюдо или поднос. В любом случае, даруемая им «жизнь», жизненная сила дохристианской магии, превращается здесь в «жизнь вечную» — преображение павшей природы Бесплодной земли. Однако даже в исключительно духовном романе «Поиски святого Грааля», героем которого выступает непорочный Галахад, сосуд по-прежнему утоляет и телесный голод: Грааль скрыто является рыцарям Артура, и те наслаждаются сверхъестественным пиром. В «Парцифале» Грааль (описанный как камень) регулярно насыщает спутников. Автор «Перлесвауса» намекает на таинство преображения, сообщая, что Грааль последовательно приобретает пять различных обликов, в конце концов, становясь кубком. Как он выглядел раньше, как и почему сменялись образы? Об этом ничего не сказано.

Тот же самый автор утверждает, что в сочинении своего романа пользовался неким документом из Гластонберийского аббатства. Он не первый указывает на такую связь: Робер де Борон, излагая свою христианскую версию происхождения Грааля, говорит, что тот был принесен в долины Авалона, то есть, в центральный Сомерсет. Ученые исследователи отвергли заявление автора «Перлесвауса», поскольку его описание Гластонбери неверно — следовательно, он там никогда не был. На самом деле, автор всё же прав. Исследователи не озаботились тем, чтобы проверить все сведения должным образом и проглядели ту группу гластонберийских холмов, которую имел в виду автор романа. Так что утверждения автора о существовании некоего первоисточника в аббатстве могут быть вполне обоснованы. Очевидно, он всё же был знаком с этим уголком, и заявление его было не беспричинным.

Помня о неприятии Грааля аббатством, будет естественным предположить, что гластонберийский вклад (если он вообще имел

место) в миф состоял из сказаний о ранних христианах и короле Артуре, — то есть относился к фоновому материалу и деталям персонажей, но никак не сюжетной сердцевине. Всё же, следует обратить внимание на теорию Джеффри Расселла¹, предположившего, что предпринятая авторами рыцарских романов христианизация языческого приключения вызвана некоторыми действительными событиями, так или иначе связанными с Гластонбери. Согласно этой теории, тексты романов восходят к куда более раннему времени — когда языческие культурные сюжеты были совершенно понятны, а христиане сознательно пытались приспособить их к своему учению. Подобные предположения уже выдвигались Джесси Уэстон, чья работа вдохновила Томаса Стерна Элиота и легла в основу его «Бесплодной земли». Но Уэстон не упоминала о Гластонбери — Расселл же однозначно указывает на эту местность, и его заявления частично подтверждаются.

Его внимание сосредоточено не на самом аббатстве, но на Торе — высочайшем холме из гряды, окружающей городок. Этот холм выглядит так необычно, что посетители часто спрашивают, не насыпан ли он людьми. Это не так, хотя имеются признаки того, что некоторые его очертания были искусственно изменены. Холм со всех сторон окружен семью уровнями старых и выветрившихся уступов с причудливыми волнообразными изгибами и внезапными обрывами. На вершине расположены руины башни — всё, что осталось от церкви, посвященной Архангелу Михаилу. Попытки объяснить возникновение уступов эрозией или сельскохозяйственными работами потерпели неудачу. В 1966 году Расселл выдвинул любопытное предположение: возможно, это останки огромного сложного доисторического лабиринта, подобного тем, что обнаружены в Греции, на Крите, в Италии и в других местах на Британских островах — и они явно имеют магическое значение. Участники обряда, идущие по лабиринту, по спирали поднимались на холм Тор, и, завершая последний виток, принимали участие в некой церемонии или ритуале посвящения. Расселл утверждал, что первые христиане в Гластонбери (согласно легенде, возглавляемые Иосифом Аримафейским) приспособили лабиринт и его легенду для посвящения своих неофитов и заменили христианским символом (возможно, чашей) неизвестный объект, использовавшийся в дохристианских ритуалах. В историях Грааля смутно отражена подобная традиция: само приключение напоминает долгий, окольный и сложный путь через лабиринт.

В пользу теории Расселла свидетельствует тот факт, что многие века назад Тор считался местом входа в Аннун: иномирье, подземный мир преисподней, где обретается Грааль в древнейшей известной форме, форме котла. Это верование зафиксировано в легенде о святом Коллене, который вошел в холм и встретился там с кельтским полубогом Гвин ап Нудд, правителем Аннуна. До сих пор местные жители

¹ Geoffrey Russell.

считают, что в Торе имеется полость, в которую можно войти — но это якобы очень опасно. Целый ряд мифологий ассоциирует лабиринт с подземным миром, — и возможно, что идущий по лабиринту Тора, завершал путь, уходя с поверхности холма в некую подземную камеру.

Разумеется, связи эти весьма непрочные, а Аннун — слишком размытое и ничего не доказывающее понятие. Потому убежденность Расселла в адаптации христианами языческого ритуала выглядит надуманной, что не отменяет его общей правоты: полевые исследования 1979 года предоставили серьезные подтверждения реальности лабиринта Тора, и роли Гластонбери как священной площадки кельтских язычников — и более древних культур. Здесь открываются пути сообщения с дохристианским миром, здесь мы видим, как он просачивается в христианскую мифологию и даже христианские практики, а также имеет определенное отношение к Граалю (хоть, возможно, не столь однозначное, как указывает Расселл).

Например, используемая в холме Тор спиральная схема воплощена и в лабиринте Крита. Древнейший мифологический слой говорит и о божественном образе Госпожи Лабиринта — который в классической версии мифа, вероятно, представлен фигурой Ариадны, помогающей Тесею найти путь. Есть повод думать, что лабиринт Тора также имел подобную богиню-управительницу, и что расположенный под холмом Колодец Чаши был ее священным источником, а сама она и есть та Мать, которую кельты звали Матроной. И она же скрывается под обличем колдуньи Феи Морганы: дамы Авалона, стоящей во главе девяти сестер-жриц.

Достоверно известно, что ее культ вдохновил посвящение первой гластонберийской церкви Марии, матери Иисуса Христа — и случилось это невероятно рано: судя по сохранившимся документам, посвящать церкви Богоматери на Британских островах стали лишь века спустя! Определенно, именно в Гластонбери для этого имелись некие особые, весомые причины. Важно отметить, что во всей северо-западной Европе лишь здесь такое посвящение приходится на начальный этап зарождения культа Богоматери; в это же время в Италии и на христианском востоке Мария занимала место еще не забытых богинь: Артемиды, Афины, Афродиты, Изиды, Кибелы. В Гластонбери же Мария могла наследовать Матроне, память о которой сохранялась в зримых объектах: террасах вокруг Тора и водном источнике у его подножия. И, кроме того, из всех романов о Граале, именно «Перлесваус», в котором роль Марии наиболее значима, — заявляет о своей связи с Гластонбери.

Более того, Расселл верно указал, что семиуровневый Тор мог, подобно многим священным холмам, мистически соответствовать «космической горе», присутствующей в ряде мифологий. Представление об этой горе подразумевает ее связующим мостом между землей и небесами, на вершине ее помещается рай богов. Авторы историй Грааля как будто не знали об этом мифе — но вот Данте заимствовал образ этой горы из исламской литературы и вывел ее поэтический христианизиро-

ванный образ: семиуровневая гора Чистилища, на вершине которой расположен Рай Земной, а также путь в небеса к экстатическим видениям «Божественной комедии» (Чарльз Вильямс² замечает их сущностное сходство с опытом переживания Грааля Галахадом). Любые предположения о существовании прямого влияния, например, догадки о тайных учениях тамплиеров — обречены на бездоказательность. Вот всё, что мы можем утверждать наверняка: некоторые плоды средневекового воображения стремились в одном направлении и руководствовались одной духовной логикой — но уж это — то очевидно и неоспоримо.

Поэтический гений Данте был, разумеется, способен совершить любое преобразование всякого предмета. Он — величайший из авторов, касавшихся мифа Грааля, масштаб его творчества просто не с чем сравнивать; и в нём также нечто из более древнего мира передалось христианскому воображению, произошло ли это в Гластонбери или каком-то ином месте. Но этот кочующий импульс отличался неоднородной структурой и смутной неопределённостью; в отсутствии воли единого творца его распространение зависело только от особой среды: давней атмосферы кельтского христианства Британских островов.

«Особенности» же кельтской церкви часто бывали преувеличены и неверно истолкованы. Протестанты нередко пытались приписать ей следующие черты: отделённость от католической церкви, отличное от общекатолического учение и неподчинение Риму — это неверно. Раннее кельтское христианство не были ни схизматичным, ни противным ортодоксии. Но автохтонные вливания и прочие факторы привели к длительной изоляции кельтской церкви: долгие годы она могла рассчитывать лишь на собственные силы. Так что кельтская церковь выработала собственные практики — ставшие причиной ожесточённых споров с Римом, когда впоследствии тот обрел здесь достаточное влияние и попытался восстановить единообразие. Даже такие епископы как Колман Линдисфарнский из синода в Уитби, противостоявшие папской власти и отказывавшиеся ей подчиняться, никогда не подвергали сомнению сам принцип главенства Папы и его обоснование — помазанничество Божие.

Так что упомянутые споры вовсе не являлись неким несостоявшимся зародышем Реформации, однако они весьма отчетливо выявили то, что не было озвучено. Разногласия оказываются более глубокими, чем можно предположить. Решавшиеся в спорах вопросы, например установление даты Пасхи, были своеобразными призывами занять одну из сторон в столкновении различных позиций. Дух кельтского католицизма иной, менее догматичный и авторитарный — и одно из важнейших различий между ними (возможно, не до конца понятое защитниками Рима) состоит в разном отношении к древним богам и предшествовавшему христианству языческому колдовскому

² Charles Williams.

миру. То есть к тому, что стало наиболее глубокими пластами предположений к развитию мифа Грааля.

Британские и ирландские кельты не считали всё дохристианское антихристианским, и, следовательно, не полагали необходимым его подавление, замещение или преобразование до неузнаваемости. В их представлении старая мифология могла прижиться в новой схеме, не утратив своего сущностного характера. В других местах святые могли сменять богов местного фольклора, Дева Мария могла занимать место богинь — однако, новые фигуры при этом, перенимая положительные аспекты старых, предавали их полному забвению (в лучшем случае, древние божества могли выживать лишь в поэзии). У кельтов же подобные перемены были проведены более деликатно и бережливо: многие сущности продолжили жить и принимать почести, в то время как христиане иных земель предали бы их проклятию.

Можно предположить, что такая ситуация была обусловлена некой реально существовавшей преемственностью. До сего дня сохраняется возникшее в XVIII веке представление, будто друиды были протохристианами, а само христианство, следовательно — развитой формой друидизма. Однако такие вычурные умозрительные догадки ни к чему, потому что имеются более очевидные исторические причины: во всех прочих землях бывшего римского мира языческая власть преследовала христианскую секту. Потому, разумеется, древние боги расценивались христианами как враждебные: то были скрывшие свою истинную сущность злокозненные демоны, обманувшие людей и подстрекающие их к преследованиям и гонениям против христиан. В Британии же всё было иначе: притеснения не приобрели широкого размаха, да и длились недолго. Ирландию они не затронули вовсе, поскольку она в Империю не входила, и христиан в то время здесь практически не было.

В итоге, облик местных богов и полубогов в глазах христиан остался относительно незапятнанным. Церковники могли изобличать языческие божества, но верующие не воспринимали их как врагов. Связанная с ними мифология также не слыла дьявольской. Потому был возможен некий компромисс: «живи сам и дай жить другому». Старые боги не могли, конечно, сохранить за собой статус божественности, но зато с достоинством перешли в легенды, приняв облики королей и королев, славных героев и сведущих магов. Боги стали людьми, в образах, например, монархов Луга и Лира. А, кроме того, языческие мотивы присоединялись к новой религии, даже если та не могла их ассимилировать. Например, святая Бригитта Ирландская приобрела черты одноименной ирландской богини. Днем памяти святой стало первое февраля — раньше в этот день в честь богини Бригиты устраивался праздник огня, а после священный огонь всё так же поддерживался в Килдэрском конvente. Ирландские поэты чествовали ее «матерью Сына великого Короля» и даже «матерью Иисуса», очевидно, подразумевая, что в ней переродилась Мария. Кроме того, к ней

обращались как к священнику или епископу — хотя женщины никогда не возводились в сан церковью. Всё это указывает на следы друидизма, включавшего и женское жречество, и представление о перевоплощении. Выше мы предположили, что богиня Матрона выжила в обоих образах: в Гластонбери некоторые ее черты переняла Дева Мария, а в легенде она стала Феей Морганой — не богиней, но милостивой сверхъестественной колдуньей.

Одним из способов признания кельтскими христианами идей, неприемлемых для прочих христиан, стало допущение существования нейтральных ангелов. Традиционно считалось, что ангелы либо остались верны Богу, либо пали вместе с Люцифером — так что ангелы добра пребывают в раю, а ангелы зла — в аду. Следовательно, все духовные сущности могут быть либо небесными, либо демоническими. Данте упомянул ангелов, не занявших ничью сторону в конфликте, но приговорил их к мрачной жизни в преддверии ада: по сути, они прокляты, как и дьяволы. Некоторые кельты, однако, признают их посредническое, равновесное положение. Святой Брендан в своем знаменитом путешествии по Атлантическому океану якобы встретил сотни таких ангелов в облике птиц, порхающих над цветущим островом.

Нейтральные ангелы, духи с неясной принадлежностью, встречаются и в цикле Грааля. Их присутствие — признак глубинного процесса, корнящегося в кельтском христианстве. Это способность приютить в новой среде элементы прошлого: магические котлы, ритуалы плодородия и многое другое. То же касается и некоторых человеческих персонажей: Брон, главный спутник Иосифа, в некоторых версиях отождествляемый с Королем-Рыбаком — на самом деле британский бог Бран, Бран Благословенный, как он назван в «Мабиногионе». Великий Мерлин, чей образ пронизывает весь артурианский цикл, воплощает в себе эту особенную атмосферу: он дитя человеческой матери и злого духа, чья злонамеренность была обезврежена. Как отметил Клайв Стейплз Льюис, Мерлин — будто друид, но с тем и христианин; ему принадлежат оккультные дары, но он печется о Круглом столе, чей прообраз — стол Тайной вечери.

Авторы рыцарских романов, создавая эти истории и персонажей, вероятно, пробуждали к литературной жизни то, что для Британии V—VI века было действительностью: едва ли какие-то герои отправлялись на поиски Грааля в буквальном смысле, но духовная неопределенность, попытки сочетать языческие и христианские элементы вполне могли быть реальностью. Так что и двойственность Мерлина может быть правдой.

Однако современная авторам романов Британия была уже заметно иной, а Франция (родина большинства из них) вообще никогда не знала кельтского христианства — единственным связующим звеном была религия и мифология бретонцев, сильно изменившаяся за те несколько веков, что прошли от переселения бретонцев из Британии на

континент до времени написания романов. Романистика Грааля сформировалась в христианском мире, уже не знавшем кельтской религиозности, так что любые остатки древних верований были противоречивы, не согласованы. Часто Грааль пытаются ассоциировать с настоящей ересью — обычно с учением катаров; но в содержании романов едва ли можно найти что-то открыто или опосредованно еретическое. Хотя в ортодоксальном учении не нашлось места для Грааля, не видно и никаких признаков враждебной деятельности церкви против него, или попыток запретить сопутствующую литературу. Всё же, ортодоксия ужесточалась — отчасти потому, что процветали ереси. Всё, выходящее за рамки официального католического учения, было подозрительным, возможно, зловещим. Магия оказалась запрещена, и мало-помалу обрела смысл чистого зла, недопустимого искусства. Ход этих перемен можно наблюдать и в самом артурианском цикле: например, Моргана, впервые описываемая Гальфридом Монмутским, показана «доброй», она — мудрая целительница. Но потом образ «доброй» кельтской колдуньи, живущей одновременно в двух мирах, оказывается невозможен, так что Моргана превращается в ведьму, подстрекающую ко злу. Даже сами истории Грааля, испытывая определенное давление, теряют изначальную волшебность и уподобляются безобидным христианским аллегориям.

Таким всё стало в итоге. Наибольшей же популярности мотивы Грааля достигли в период самого начала ужесточения христианства, еще не набравшего обороты. Романы Грааля выдают вовсе не скрытую приверженность ереси или язычеству, но скорее полуосознанную ностальгию по всё еще возможному миру *совместного* присутствия христианства и язычества. Авторы были христианами, но они могли мечтать о христианстве несколько ином, с некоторыми добавочными качествами: о религии приключения и поиска в таинственном и волшебном мире — мире, обладающим возможностями, которые церковь всё более активно старалась вымарать. Первичный импульс, вдохновлявший такую религиозность, был кельтским, и Грааль, сам по себе имеющий кельтские корни, стал его фокусной точкой.

Не столь примечательная, но тоже любопытная параллель — средневековый роман о святом Брендане, том самом, что видел ангелов-птиц. Среди ирландцев бытовали иммрамы: истории о походах за западный океан, полные дохристианских чудес, диковинных островов, морских чудовищ и земель вечной молодости. Брендан — ирландский святой, живший в VI веке и известный своими странствиями на корабле. Легендарное произведение «Жизнь Брендана» описывает множество его приключений в поисках земного рая в Атлантическом океане. Связь «Путешествий святого Брендана» и сохранившихся в устной форме иммрамов весьма сложна: заимствование было двусторонним. Но итоговое литературное произведение, будучи христианским, включало и многие совсем нехристианские мотивы. В средние века на большинстве европейских языков были написаны свои версии «Путе-

шествий». Эта тема не только могла сравниться в популярности с историями Грааля — они частично пересекались. И там, и там речь шла о путешествии по водам, приключении в кельтском иномирье. И там, и там языческие идеи и образы помещались в канву христианской истории. В «Перлесваусе» даже имеется эпизод, подобный иммраму.

Романисты Грааля искали способ вновь пробудить это «двойственное» мироощущение, которое они более или менее справедливо связывали с уже исчезнувшей региональной формой христианства, существовавшей несколькими веками ранее, в пору кельтской Британии, которой, предположительно, правил Артур — хотя исторически его правление несколько предшествовало установлению кельтской церкви. Сообщения романистов о происхождении Грааля называют его христианским предметом, но очень таинственным — ни в коем случае не обычной реликвией. Таков же и изображаемый впоследствии мир, в среде которого существует Грааль. Обычно мир Артура предстает в романах христианским, но странным и изменчивым: в «Перлесваусе» старая религия всё еще сильна и создает напряжение, а некоторые рыцари ведут крестовый поход против язычников.

Этот неоднозначный мир, в котором образ Грааля оказывается образцом и точкой концентрации усилий, не является «добрым», утопическим: это мир высоких идеалов, но и великого зла. Приключение, в действительности, обнажает его недостатки и ослабляет рыцарство Круглого стола. Романисты вовсе не намерены изобразить абсолют Золотого века — но они создают мир более одухотворенный, где в богатой волшебной атмосфере рыскает тайная слава. Для каждого, вошедшего сюда с верным намерением, этот мир исполняется отблесками чего-то беспредельно более возвышенного, чем обыденность Бесплодной земли. Грааль становится точкой прямого контакта с духовным и сверхъестественным миром. В своей максимально христианизированной форме он становится приметой особенного Божьего расположения, даже дружбы, особой близости к Богу; иногда он оказывается средством свершения особого священнодействия, раскрывающего таинство вочеловечивания: воплощения Бога в человеке и дарования жизни вечной. Чувства того, кто наделен мудростью Грааля, постигают вечные материи с точностью, немислимой для простого человека.

Последний мотив сам по себе куда ближе язычеству и культовым таинствам, нежели христианству. Вера в невидимое жестко регламентировалась церковью, так же, как и сейчас; но страстное желание увидеть скрытое всегда присуще человеку. Помимо романов существуют и средневековые легенды о том, как в лежащем на алтаре освященном хлебе причастия проступает лик Христа, становясь зримым подтверждением учения о пресуществлении. Подобные же случаи ясновидения описаны и в романах, но авторы настаивают, что в мире Артура это не диковинные редкости — Грааль обеспечивает постоянство связи с божественным. Когда Грааль исчез, тайная слава ушла

вместе с ним. Лишенное своего трансцендентного сокровища, королевство Артура пришло в упадок. Это представление подобно широко распространенной вере в утраченный Золотой век — хотя эпоха Артура, в целом, и не изображается Золотым веком человечества.

Ощущение потери и стремление к литературному восстановлению утраченного, связаны с увяданием кельтской духовности. Есть ли у них какие-то иные предпосылки?

Возможно, есть. Одним из проявлений XII века стало сложное изменение общественного положения женщин и отношения к ним со стороны мужчин. Крайне важным объективным фактором стало регулярное отсутствие мужчин-дворян, отправлявшихся в крестовые походы. Их жёны, оставшиеся дома, переняли некоторые мужские функции, что повлекло за собой усиление их положения в обществе. Например, в покровительстве литераторам ключевой фигурой сделалась королева. Алиенора Аквитанская способствовала распространению артурианских романов и любовного культа трубадуров, связанного с мечтами о даме сердца — что помогло сформировать, в частности, мотив отношений Ланселота и Гвиневры.

Эти вопросы занимали лишь немногих; но всё возрастающая религиозная преданность Богоматери стала изменением, влияющим на общество в целом. Благословенной Деве посвящались церкви, в строительство которых был вложен огромный объем средств и труда; вокруг ее уникального положения и ее чудес возникала народная мифология. Сложно сказать, как это связано с реальным общественным положением женщин, или какое отношение ко всему этому имеет куртуазная любовь. Но можно утверждать, что возвышенное прославление Марии стало свидетельством того, как маскулинная церковь ощущала некоторую потерю: это была не просто ностальгия, а предпринятая в дозволенных теологией рамках попытка вновь утвердить на троне Богиню, подобную тем, которых чтили в былые времена.

Действие того же устремления можно различить и в некоторых произведениях литературы Грааля; тексты смутно возвращали на поверхность текущей реальности «иное» религиозное прошлое, имевшее ощутимые женские проявления: друидами были как мужчины, так и женщины, котлом предков распоряжались женщины, сам Грааль, если он вообще имеет какое-то половое истолкование, изначально должен был быть символом женственности. Гластонбери стал звеном в цепи древнего поклонения Богине: святилище Марии, возможно, единственное к северу от Альп, определило непосредственное или близкое к непосредственному наследование Матроне-Моргане, госпоже Авалона.

К тому же, некоторые романы изображают Грааль, как предмет, подвластный женщине — а это полное пренебрежение практиками средневековой церкви. «Перлсваус» имеет привязку к Гластонбери и часто с религиозной страстью упоминает Марию, предполагая ее значимую роль в открытии — и прямо указывая на ее присутствие в часовне

Грааля во время исполнения ритуала. В «Поисках святого Грааля» Галахад достигает конечной цели в ходе церемонии, названной «Месса славной Богоматери». И помимо романов, например, в литании к пресвятой деве Марии, ей повсюду сопутствует Грааль и сопряженные образы. Поэты прямо именуют Марию «Граалем», а один примечательный валлийский текст — «котлом». В финале «Божественной комедии», благодаря ее заступничеству, Данте обретает видение, в сущности, близкое опыту Галахада. Опять же, сложно указать на конкретные связи, но сопутствующие Марии образы производят сильное впечатление укорененности в таинственном, неисследованном субстрате.

Образ Бесплодной земли, оскудевшего пространства, способного возродиться посредством Грааля, указывает на большее значение темы в целом, и сердцевинный мотив здесь — потеря и возвращение. Сам Грааль вначале известен и доступен многим: Иосифу, его спутникам, примкнувшим британским последователям. Затем наступает период, когда о нём знают лишь его хранители, и для Британии это время страданий. После странствующие рыцари вновь находят Грааль, и оказываются способны постичь малую толику его скрытой силы.

Что же происходит после? Здесь мнения расходятся: Грааль возносится в небеса или отбывает из Британии — на остров или в убежище в Азии. Но опыт переживания Грааля остается в какой-то мере доступным. Авторы романов, повествующих о возникновении Грааля, утверждают, что тайны его сохраняются книгой, — и в какой-то степени сами романы возвращают Грааль миру. И тот, кто сегодня желает пуститься на поиски посредством вдохновенных размышлений или духовных практик, не нарушает внутренней гармонии мифа, который, фактически, представляет собой одну из версий архетипа Золотого века — который сам по себе извечен.

Видимо, принцип прогресса не является для человеческого ума ни естественным, ни нормальным. Куда более привлекательна идея некогда существовавших славы или завета, постепенно исчезнувших, но не потерянных безвозвратно. Эту славу или завет можно вернуть и сделать новым началом, стряхнув повсеместный упадок. Грааль — как предмет, которым обладали, утратили, и после вновь обнаружили — является кульминацией и высшим символом той желаемой духовности, связанной с кельтским христианством, которую авторы романов считали возможным оживить, по крайней мере, в воображении.

Сходный образ мысли, в гораздо более крупных масштабах, проявляется и в фактической истории христианства: реформаторы времен Эразма Роттердамского, Лютера и Кальвина едва ли что-то знали о Приключении Грааля — но их убеждения, безусловно, отличные друг от друга, следовали той же канве, что и воображение романистов Грааля. Итак, они полагали, что некогда церковь жила в Золотом веке апостольской чистоты первых столетий своей истории, а после пришла в упадок; но Святое Писание и живое свидетельство не-

многих хранящих веру предоставляют возможность восстановления непорочной праведности и нового начала.

Такое состояние мышления вовсе не ограничивается христианством, его переменчивое многообразие удивительно. Например, реформистские и либеральные течения современного иудаизма несравнимы по силе с сионизмом (с его идеологическим, еще не шовинистическим периодом). Сионизм настаивал на возвращении народу Израиля его давно утраченной земли, взывая к тому времени, когда правил помазанник Божий Давид, а на священной горе стоял Храм. В XIX веке факты были таковы: никакого израильского государства не существовало, Храм был давно разрушен, а еврейский народ разбросан по всему свету. И такое положение было уже весьма устоявшимся — почти все «просвещенные» и «рациональные» евреи согласились с ним и искали возможности ассимилироваться. Но вот появилась и стала крепнуть кажущаяся безумной мечта о восстановлении — о всеобщем возвращении евреев в Землю Обетованную. Десятилетие за десятилетием сопротивление рационализма уступало напору этой идеи. Сходным образом и ранние индийские националисты, получившие британское воспитание, говорили о парламентах и индустриализации — и ничего не добились. Поднять миллионы индусов смог только Ганди, когда объявил прогресс по западному шаблону извращением. Вместо него он предложил вернуть существовавшую до колонизации идеализированную Индию святых и ученых, деревенских и ремесленных сообществ. Независимая Индия впоследствии выбрала иной путь, но массовое стремление к независимости возникло, в первую очередь, как умозрительное представление о возвращении Золотого века, а не о торжестве прогресса.

Примеры можно приводить бесконечной чередой. Французские революционеры опирались на доктрину Руссо о добродетелях естественного общества далекого прошлого, уничтоженных скверными учреждениями, но способных восстановиться при внедрении благоразумных институтов. Русские революционеры, что интересно, опирались не на марксизм «Манифеста коммунистической партии», а на расширенную Энгельсом и Лениным версию, называвшую началом общества идиллию «примитивного коммунизма», который революция может восстановить на более высоком уровне, покончив с торжеством классовой тирании, вытеснившей некогда первичный порядок.

В поэзии выразителем этой темы стал Уильям Блейк, создавший миф о Первичном Существе, Альбионе, чей сон влечет распад и низложение богочеловечества, а пробуждение обернется возрождением. Блейк настаивал на том, что «истории об Артуре — результаты деятельности Альбиона». Жизненный путь легендарного короля становится собирательным образом основных положений истории человечества, что снова возвращает нас к предмету Грааля. Как заметил не столь именитый, но пронизательный автор Артур Эдвард Вэйт, Грааль не просто существует в мире Артура, но идейно схож с ним. Обнару-

жение Грааля соответствует предсказанному возвращению Артура. Главное предание об Артуре — более развернутое выражение мистического ореола Золотого века. В общем, Грааль вписывается в мир артурианского цикла не только благодаря хронологической привязке кельтского христианства ко времени жизни реального Артура.

Легендарному правлению Артура идея Золотого века присуща неизменно, меняется только его характер. В повестях Грааля тайная слава духовна и отделена от мирской жизни. В прочих историях, которых, разумеется, куда больше, она может принимать формы очень различные, соответствующие общим литературным мотивам того времени. В ранней валлийской традиции, сформированной давними победами над саксонскими захватчиками, Артур предстает величайшей фигурой героического века Британии, верховным князем Острова Могучих — королевства невероятных воинов и сказочных подвигов. Гальфрид Монмутский, первый автор, говоривший об Артуре как о квазиисторическом монархе, сохраняет и даже увеличивает масштабность сражений, но также и цивилизует Золотой век. Он сообщает, что во времена Артура «Британия достигла такого величия, что несметными своими богатствами, роскошью нарядов, изысканностью нравов обитателей намного превосходила все прочие государства». Позже, с возникновением французского куртуазного романа, понятие Золотого века оказывается теснее связано с элитой общества: средоточием его славы становится Круглый стол и рыцарские идеалы, присущие лишь дворянству. Артур описывается как образец аристократической доблести и чести, и мало что сказано о нём, как о правителе, или о том, хорошо ли живет его подданным.

Но очевидна и общая направленность к неудаче слияния: когда появляется Грааль, и даже Ланселот оказывается недостойным, слава рыцарства оказывается под угрозой. Мэлори первым ясно выразил Золотой век, но в своей великой английской версии легенды он скрепляет всё идеей, которую Клайв Стейплз Льюис назвал трехуровневой шкалой ценностей. Зло является просто злом; добро же разделено на две категории: справедливое на своем уровне земное добро рыцарства и небесное добро Грааля, которое способно извлечь Галахада из «земного добра», хотя и не отменяет его справедливости.

Исходя из текста Мэлори, можно предположить, что правление Артура, в общем, знаменовалось процветанием благородного жизненного уклада в Британии. Но человеческие недостатки, в конце концов, предопределили трагический исход: рыцарство погублено внутренним противостоянием, и Артур уходит. Но, как сообщает Мэлори, смерть его отмечена неопределенностью: «Однако многие люди во всех краях земли Английской полагают, что король Артур не умер, но был по воле Господа нашего Иисуса перенесен отсюда в другие места; и говорят, что он еще вернется». Он — *rex quondam, rexque futurus* — король, который был, и также который грядет.

И потому утраченная слава не сгинула безвозвратно. Артур сохраняет ее в собственном таинственном бессмертии, и в час нужды возвратится, чтобы восстановить ее. Представление же о бессмертии самого Артура находит выражение в двух основных формах: либо он пребывает на зачарованном острове, исцеленный Феей Морганой, либо спит в пещере — так говорит народное предание. О местоположении же этой пещеры существует большое множество противоречивых мнений: называют края от Сомерсета до Уэльса, север Англии и даже Шотландии. Оба сказания уходят корнями в кельтский миф о боге, спящем в пещере на западном острове. Как и в случае с Граалем, сквозь более поздние культурные пласты отчетливо проступает язычество.

Обозревая все проявления подобной идеи (которых от древности до наших дней накопилось огромное множество), мы задаемся вопросом: в чём же их причина, исток? Ведь подобный образ мышления не слишком сочетается с опытом и знанием исторических реалий. Золотой век редко бывал действительно золотым (возможно, что и никогда, разве что в некоторых ограниченных областях — например, в искусстве), а попытки его восстановить обречены на провал: так, последователем Руссо был Робеспьер, возрождавший природные добродетели методом гильотинирования. Но идея продолжает присутствовать, как в мифах и легендах, так и в религиозных и политических устремлениях. Они определенно соответствуют какому-то глубиннейшему, сокровенному явлению.

Традиционное христианство может указать, что стремление к Золотому веку питается фактом человеческого состояния, глубоко впечатанным в душу — грехопадением. Некогда человечество обитало в земном рае. Нарушение закона этого рая привело к изгнанию и «смерть принесло и все невзгоды в этот мир» — таков потерянный рай. Но возможен и путь назад, к искуплению — в рай возвращенный.

Если признать это правдой (в каком бы то ни было смысле), обретает форму и всё остальное. Люди выстраивают мифы по определенному сценарию: слава, период затмения, восстановление. Эти мифы властвуют над умами людей и воодушевляют их, даже не имея под собой никакой фактической почвы. Грааль потерян, но обретается вновь. Артур оставляет мир, но возвратится. Чистое изначальное христианство раздавлено развращенной Церковью (по мнению Лютера), но дух апостолов возродится и победит духовенство. Мать-Индия томится в британской тюрьме (по мнению Ганди), но ее дети вернут ей свободу и молодость. Даже захватившие власть в России истовые атеисты приняли программу, очевидно основанную на идее потерянного и вновь обретенного рая, представленной в образе древнего бесклассового общества, вырывающегося из тысячелетних оков. Возможно, представление о грехопадении и искуплении и есть ключ к толкованию подобных мифов. Однако это неизбежно приводит нас к вопросу: а как нам толковать само грехопадение и искупление?

Ханна Клосс «Встреча вод»

Существует такое множество теорий о происхождении предания Грааля, что они скорее запутывают, нежели просвещают; один из принципиальных предметов раздора — отстаиваемая отдельными авторами принадлежность предания Грааля востоку или западу. Изредка проявлялись попытки примирить эти два мнения и указать на двойственность истока, а может быть, даже на всплеск единого стремления, проявившегося одновременно в разных частях света. Но гармонизирующее влияние самого Грааля исходит из единения, всеобщего истока; и это должно напомнить нам: в примирении и совмещении противоположностей обретается безмятежность и постижение подлинной самости. Немудренная мощь образов Грааля демонстрирует пути к достижению целостности, а глубокое размышление над символами Грааля пробуждает их токи. И тогда они становятся маяками в нашем собственном приключении, указывающими дорогу к индивидуальной гармонии и примирению.

Хотя образы Грааля весьма немногочисленны, их глубина и насыщенность вызывает к жизни бесконечный мир: и зеленые долины Уска и мрачные чащи Броселианда, — здесь каждый новый извив тропы может вывести нас к магическому фонтану из походов Ивейна или вдруг мы заметим среди стволов как Гижмер преследует того рокового оленя. Бесконечно странствие через погибельный лес. Можем ли мы, идущие нетвердым шагом и полные сомнений, надеяться, что достигнем, наконец, тех мест, где чащобы редуют и где скрыта пещера Треврицента, пусть и горизонт по-прежнему будет затянут мрачными тучами, скрывая предчувствуемое видение Грааля?

Поиск по-прежнему не завершен — в том числе и учеными. Среди тех, кто в наибольшей степени поспособствовал прояснению загадок Грааля — Джесси Уэстон, которой выразил глубокую признательность и Томас Стернз Элиот в заметках к «Бесплодной Земле». Элиот цитирует «От ритуала к роману»³ Уэстон, где, как и в прочих работах, она стремится доказать подлинность исторического существования вполне определенного Тайнства Грааля. Она предполагала, что древний культ плодородия, по-прежнему различимый в народных обрядах по всему миру, прежде имевший кроме того эзотерическое духовное значение, уходящее корнями в эллинские и восточные религии тайнств, был впитан христианским гнозисом и распространен иностранными легионерами по всему простору Римской империи. Тайнство восприняли бритты, поскольку традиция здешних друидов оказалась весьма созвуч-

³ Jessie Weston, «From Ritual to Romance».

ной. Впрочем, впоследствии, после надругательства над одной из дев Грааля, этому культу пришлось перебраться в тайные горные твердыни.

На западе, как и на востоке, поиск принципиальных тайн существования подразумевал после испытаний на различных уровнях бытия обретение посвящения. Действительное содержание таких испытаний описано в тексте, который Джесси Уэстон считает отражением наиболее ранней сохранившейся истории Грааля⁴. Герой этой истории — Гавейн; желая получить посвящение, он терпит неудачу на более высоком плане. Постепенно, однако, письменное свидетельство реальной истории неудавшегося посвящения, под влиянием христианских реликвий (в Гластонбери и Фекаме) превратились в роман о Персеваля, которого Уэстон считает народным персонажем, изначально не связанным с Граалем. По мнению Уэстон, творения Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха перенесли то, что было мифической подоплекой ритуала, уже в область чистой литературы.

Критикуя сторонников исключительно кельтской теории, Джесси Уэстон справедливо указывает на то, что посещения иномирья не всегда оказываются производными традиционных кельтских волшебных сказок. Тем не менее, одержимая аспектом плодородия (на который указывают образы мертвого короля на носилках, бесплодной земли, сексуальный символизм копья и его наконечника), Уэстон едва ли справедливо обходится с отдельными версиями легенд, не вписывающимися в предлагаемую ей схему. Пренебрежение ими, объявление их путанными литературными вымыслами, нас не удовлетворяет. Разве нет фундаментальной связи, например, между противоречивыми на первый взгляд описаниями Грааля то сосудом, то драгоценным камнем; разве не может быть более глубокой причины «введения» персоны Персеваля в повествование? Джесси Уэстон сама признает, что в своем исследовании отвергла ту стороннюю тропку, что может завести только в туманы кельтских сумерек. Но, возможно, нам придется отправиться в царство куда более глубоких теней, чтобы достичь цели приключения и объяснить постоянное и повторяющееся проявление образов, которые будто совмещают две отдельные схемы — и образы эти, несмотря на мелкие противоречия отдельных проявлений, присущих конкретным историческим местностям и временам, открывают в итоге свою однородность. И тогда нам станет понятно, что такое подобие символов может возникать не только благодаря сознательному заимствованию и действительной исторической преемственности, но и благодаря тому, что из бессознательного периодически проявляется забытое наследие, — и это справедливо как для психики отдельной личности, так и для жизненного уклада сообществ.

⁴ Ханна Клосс предполагает, что продолжение «Персеваля» Вошье де Денена основано на более ранней версии мифа, чем та, на которую опирался Кретьен де Труа — *Джон Мэттьюз*.

Всё последующее будет только рядом предположений в обозначенном направлении. Наше исследование из необходимости обратится не только к литературным источникам, но и произведениями изобразительного и прикладного искусства. В идеале, конечно, следовало бы рассмотреть и область музыки.

Посещение иного мира, или, наоборот, проникновение из него — один из важнейших постоянно повторяющихся мотивов кельтских мифов и легенд. Значимо то, что ландшафт иного мира раз за разом описывается одинаковыми или схожими объектами. Они могут появляться в различных сочетаниях, но всегда имеется любопытная общность — ландшафт иномирья так или иначе отделен от повседневности. Иномирье описано как невидимое большую часть времени, или открывающееся лишь немногим избранным. Оно может быть отделено от нашего мира океаном, рекой или озером, горной грядой или туманом, может быть и само скрыто в горе; иногда в него можно войти, лишь пройдя испытание или получив смертельную рану. Но всегда присутствует некоторая преграда, отсекающая его от повседневного мира. Так, Тристан и Гижемер, получая неисцелимую смертельную рану, оказываются в лодке (зачарованной или не имеющей руля), плывущей по неизвестным морям; в песни об Ивонек дама, идущая по следу крови своего возлюбленного-эльфа, должна отправиться в самое нутро горы, чтобы достичь волшебного мира на другой стороне. Ивейну необходимо провести магический обряд у колдовца и справиться с его последствиями. Сам замок Грааля лежит в горной твердыне, за океаном, за непреодолимым потоком или у таинственного озера. В кратком тексте невозможно охватить все варианты описаний пейзажа Грааля. Достаточно указать на то, что образ отделенности сохраняется в самых непохожих историях: «Вторжение в Аннун» повествует о варварском набеге на волшебную страну (крепость на острове) с целью захвата магического котла, в других историях иномирье может быть изображено освещенным тусклыми фонарями мрачным подземным царством, или адом, или образами христианизированного мистицизма «Перлесвауса». Яснее всего об этом говорит «Книга Талиесина»⁵:

*Совершенно мое сидение в Каэр-Сидди,
Ни мор, ни ход времен не тронут живущего внутри.
Мануаидан и Придери это знают.
Три заклинания перед ним он пропоет вокруг костра.
По углам его расположились океанские течения.
И плодоносный [чудодейственный] родник над ним,
Вода в котором вина слаще.*

⁵ Статья R. S. Loomis «The Spoils of Annwn» в «Proceedings of the Modern Language Society of America» за декабрь 1941 года.

Крайне любопытны совпадения с текстом «Перлесвауса»:

La nef a tant coru e par jor e par nuit, issue com a Deu plot, que il virent un chastel en une isle de mer... Il esgarde desouz un molt bel arbre... e voit la plus bele fontaine...⁶

Нам нужно поразмыслить: а является ли эта земля молодости, это волшебное царство изобилия или духовного блаженства, таким уж, в сущности, кельтским?

Обратившись к искусству Азии, мы обнаружим многочисленные (хотя зачастую сильно стилизованные и условные) изображения гор, окруженных бурными водами; к этому мотиву мы вскоре вернемся, а пока ограничимся так называемыми византийскими рельефами, изображающими источник или фонтан, увитый растительностью, среди которой видны плоды, стебли и сидящие птицы. На некоторых изображениях из источника пьют звери и птицы. Или другой устойчивый мотив, изображенный, например, на металлическом блюде династии Сасанидов: дерево помещено меж двух антилоп, вокруг их копыт бежит вода, зачастую струящаяся из корней дерева.

Все эти образы, очевидно, изображают древо или фонтан жизни. Благодаря исследованиям Йозефа Стржиговского и Генриха Глюка⁷ мы обрели ясную картину тех путей наследования, какими иранский образ рая, иномирья, был позаимствован и приспособлен для своих целей ранним христианством у маздаизма — древней религии, в которой природа выражала себя в символах. Намного раньше христианства, с переселениями кельтов, этот образ мог распространиться на запад, а корни его уходят в недра индоевропейской традиции. Потому стоит ли удивляться, когда подобные образы вновь и вновь проявляются в средневековых легендах и Запада и Востока?

Франц Камперс⁸, исследуя возможные истоки предания Грааля в восточных мифах и арабских легендах, окружающих персону Соломона, указывает на многочисленные отсылки и подробные описания Древа жизни в Райском саду, очень часто связанные с историями о восточном царстве Пресвитера Иоанна. В этих описаниях древо усыпано ароматными плодами или блестящими драгоценными камнями, или даже сияет само по себе. В таком же облике оно появляется и в легендах Грааля: например, в любопытном эпизоде из «Продолжения повести о Граале» Вошь де Денена, где Персеваль приходит к дереву, на котором замечает ребенка; дитя ничего не отвечает на его вопрос о

⁶ «Юноша провел в пути едва ли день и ночь, как, по воле Божьей, увидел замок на острове морском... Он натянул поводья перед прекрасным деревом... и увидел восхитительный фонтан».

⁷ Joseph Strzygowski, «Spuren indogermanischen Glaubens in der bildenden Kunst». Heinrich Glück, «Die Christliche Kunst des Ostens». Обе книги содержат многочисленные примеры изображений, выражающих символ «Парадиза».

⁸ Franz Kampers, «Das Lichtland der Seelen und der Heilige Grab».

Короле–Рыбаке. Позже он находит дерево с зажженными свечами, которое превращается в часовню. Кампер продолжает:

Это, вероятно, одно и то же дерево. Пояснение, будто ребенок карабкается вверх и вниз по стволу, желая показать Персевалью, как огромен мир, едва ли необходимо для доказательства того, что обнаруженное дерево — дерево солнца, [...] чьи ветви простираются надо всем миром.

Такое отождествление подтверждается отрывком из версии Робера де Борона, где Персеваль находит подобное дерево с двумя детьми на перекрестке двух дорог — или из его корней текут четыре райских потока. Но, кажется, образ этот уводит нас в еще более далекое прошлое. Поразительно сходство этого описания с легендой из «Бхагавата–Пураны», в которой отшельник Маркандей на высшей точке Земли обнаружил молодое баньяновое дерево, усыпанное цветами и фруктами.

На ветви этого дерева, растущей на северо–восток, он увидел младенца, лежащего внутри листа. Сияние мальчика рассеивало темноту... Сразу вслед за этим ребенок сделал вдох, втянув Маркандейю внутрь Своего тела, как комара. Там мудрец узрел всю вселенную во всей ее полноте... Когда Маркандейя обозревал всю вселенную, младенец исторгнул мудреца из Своего тела вместе с выдохом, и тот погрузился в мировой океан растворения.

Рай, в котором растет древо, и легендами и изобразительным искусством помещается на космическую «мировую гору». Индийский миф, а тем более буддистская Япония, могут показаться слишком удаленными и слишком «иными» — но именно здесь мы обнаруживаем несколько поразительных изображений Горы, как ни странно, способных кое–что прояснить о природе Грааля. Опишем только святилище Тамамуси в монастыре Хорюдзи в префектуре Нара. На одной из его сторон изображен самый фантастический вид мистической горы Меру: она окружена свернувшимися у подножия драконами и делится на четыре уровня подобно ветвящейся сосне. Вершина ее устремляется в небеса, где между двумя дисками, очевидно, изображающими солнце и луну, летают крылатые создания и сидящие на птицах духи. Под нижним уровнем, или каменистыми пространствами, на которых расположены кусты и пагоды, находится маленький храм, в котором на троне сидит Будда в окружении двух послушников Бодхисаттв.

По обе стороны этого подземного храма стоит птица с пышным оперением, — возможно, феникс, — окруженная дрожащей линией. Несомненно, изображение является переведенным на язык буддизма древним арийским образом вращающейся вселенной. И вспомнив о его прототипе — Меру, горе Вишну, вокруг которой вращаются солнце и

луна, — не должны ли мы вспомнить и о кельтской традиции? О вращающемся острове Мальдуина, и крепости солнечного героя Куроя; а прежде всего о вращающихся замках в средневерхненемецкой поэме «Корона»⁹ и «Перлесваусе». Храм Грааля в потрясающем описании Альбрехта фон Шарфенберга в «Младшем Титуреле» имеет купол, покрытый голубыми сапфирами и усыпанный сияющими карбункулами, среди которых вращаются солнце и луна, движимые скрытым механизмом. На ум приходит и волшебная колонна в заколдованном замке Оргелузы из «Парцифалья» Вольфрама, которая, как он сам утверждал, была привезена Клингзором из Индии — страны Фейрефица.

Примечательно, что сходный образ предоставляет и легенда о Пресвитере Иоанне. Мотив вращающегося дворца и часовни, венчающей террасу подобно небесному своду, следовательно, обусловлен не исключительно вавилонскими астрологическими монументами. Как и в случае с Круглым столом Артура, так же вращавшимся, согласно Францу Камперсу, на развитие романов о Граале вполне могли повлиять арабская и вавилонская космогония, а также семитская легенда о великом сокровище Соломона. Однако же, чем больше мы узнаем о путях развития северного и иранского искусства, тем яснее становятся видны индоевропейские корни обоих, возможно, идущие еще глубже — к первоисточнику всех этих образов. Возможно, не только художественная прозорливость заставила Шарфенберга представить Храм Грааля округлым в плане зданием с лучевой симметрией¹⁰.

Влияние могла оказать и архитектура тамплиеров, но и отсюда мы можем взглянуть еще дальше в прошлое: на неизменную конструкцию армянских церквей и, следовательно, — на схему иранского храма огня. Очень вероятно, что орнамент блюд эпохи Сасанидов¹¹ показывает именно расположение подобного храма в райских кущах. Возможно, сама идея ритуального шествия вокруг почитаемого символа проистекает из первобытного этапа религиозного сознания человека: предположительно, подобное вращательное движение в арийском ритуале, а также упоминания о тридцатидневном рассвете в Ведах, указывают на арктическое происхождение нордических народов в межледниковый период¹² (нужно подчеркнуть, что слово «нордические» здесь стоит вне политизированного злоупотребления и относится не только к индоевропейским племенам. На деле оно также включает амеро-азиатские и атлантические расы, которые могли переселиться

⁹ Интересное собрание романов об Артуре и Граале, принадлежащее перу немецкого поэта XIII века Генриха фон дем Тюрлина. Главным героем является Гавейн.

¹⁰ В вышеупомянутом труде Стржиговского приведены архитектурные реконструкции авторства S. Boisseree.

¹¹ Там же.

¹² B. G. Tilak, «The Arctic Home of the Vedas»; Biedenkamp, «Der Nordpol als Volkerheimat».

ся на юг несколько раньше. Отсюда и определенные «северные» качества, присущие, например, искусству и культуре Египта).

На крайнем севере, где солнце не встает высоко над землей, но действительно совершает в небе видимый оборот¹³, и где шесть месяцев всё окутано тьмой, рассвет вполне естественно выступает не будничным явлением, — он знаменует начало целого сезона. Восход солнца вполне может оказаться источником религиозного представления о телесном и духовном возрождении. Возможно, бессознательные воспоминания об этом отражены в Ведах, где сказано:

*Она, дочь небес, появилась после, юная дева в белых одеяниях...
Она последовала путем Зорь, уже ушедших, первая из грядущих бесконечных зорь ... воссияла. Живая жизнь пришла к нам.
Тьма ушла прочь. Приходит свет. Она отпустила тропу, какой ходит солнце. Мы пришли туда, где люди продляют свою жизнь¹⁴.*

Кстати, можно отметить, что древняя английская богиня весны Эостре некоторыми авторами отождествлялась с арийской богиней рассвета.

Как бы то ни было, определенно можно сказать, что долгое время после переселения на юг и, соответственно, с появлением ежедневных рассветов, образ восходящего солнца оставался настолько насыщенным, что оказался позаимствован из иранской культуры ещё и христианством: «В пылающем рассвете, когда распахнуты ворота рая... Спаситель приходит с дальнего востока, родника и обиталища Света».

Таким образом, Солнце, лучащийся свет, вполне мог восприниматься как источник жизни.

Сначала подобные идеи изображались лишь в абстрактных символах. Со временем, однако, началась постепенная антропоморфизация. Солнце становилось божеством — Сурьей, Митрой, Вишну; но первоначальные идеи продолжают присутствовать. Свет, солнце, превращаются в осязаемый объект, в захваченную в набеge добычу, в признак героизма, будь то похищение Индрой котла с супом, или экспедиция Артура и его воинов в Аннун, землю юности, в поисках усыпанного жемчугом котла, помимо прочего, считавшегося сосудом изобилия. Так, в Ведах мы читаем о том, как Индра пронзил Гандхарву в безграничных небесах ради пропитания своих последователей: «Из гор тот устремился, держа в руках готовый суп. Индра пустил не знающую промаха стрелу».

¹³ Стржиговски полагает, что строительство крытых галерей и развитие готической апсиды в полукруглую форму могут быть приписаны бессознательному воспроизведению этих первоначальных представлений.

¹⁴ E. Thomas, «Translations from Vedic Hymns».

Как сказано, родники кельтской земли юности текут вином и мёдом. В ведическом царстве солнца мы также обнаруживаем не только молоко и суп, но и мёд. Последний, однако, часто связывают с сомой — напитком бессмертных.

«На высшем шаге Вишну лежит источник мёда. Пусть я смогу добраться до этого милого места, где мужчины, преданные Богам, опьяняют [одухотворяют] себя; они — избранные спутники широко шагающего».

Этот «высший третий шаг» Вишну, столь часто упоминаемый Ведами, вызвал обильные домыслы. Скорее всего, эти три шага относятся к космическим областям, а не ко времени суток. Следующий ведический гимн может предложить некоторые прозрения (Инду — частый эпитет сомы):

«Где свет постоянен, в царстве, где находится солнце, в тот бессмертный мир отнеси меня, Павамана; теки, Инду для Индры.

Где сын Вивасвата — король, где [расположен] внутренний чертог солнца, где [расположены] вечные воды, там сделай меня бессмертным; теки, Инду для Индры.

Где в третьих небесах, третьей сфере, солнце путешествует, как пожелает, где области залиты светом, там сделай меня бессмертным; теки, Инду для Индры.

Где влечение и желание [исполняются], там, где [расположена] область солнца, где обретаются наслаждение и питание жизни, там сделай меня бессмертным; теки, Инду для Индры.

Где живут радость и удовольствие, веселый смех и счастье, где желания желающего исполняются, там сделай меня бессмертным; теки, Инду для Индры».

Мы, определенно, усматриваем в этих образах представление о «земле юности», но можем вспомнить и то, как описывает Грааль Вольфрам фон Эшенбах: «*der Wunsch von Paradis, ... Erden Wunsches uberval*», — «Страсть к Раю... превосходящая все земные страсти».

Сому часто связывали с Луной (и, похоже, это единственный след почитания Луны в Ведах). Однако мы уже прочитали о соме в контексте третьего шага солнечного бога Вишну — образность там явно указывает на *царство внутри солнца*. Таким образом, высший шаг Вишну, скорее всего, соотносится с нетленным царством света: по сути, землей умерших, лишившихся смерти¹⁵. Сому стерегут гандхарвы: странные создания, способные принимать облик птицы или животного, — и в то же время считающиеся вместилищем для духов умерших.

¹⁵ Здесь можно отметить, что Замок Грааля называет царством мертвых и «Корона» Генриха фон дем Тюрлина.

Шаг за шагом возвращаясь в прошлое, в историю преемственности символов, мы проясняем связи, звенья цепи образов, восходящих от древних индоевропейских представлений к Граалю. Итак, Земля бессмертия, где исполняются все желания, где гандхарвы¹⁶ сторожат священный сосуд: солнце, а, возможно, и луну (пара сосудов часто появляется и в самой легенде Грааля).

Мы обнаруживаем и предшествующий преданию Грааля образ копья: Индра, похитивший солнце и сому, несет не только молнию и стрелу, но и копье. Его сопровождают маруты — быстроногая толпа юношей в сверкающих доспехах, часто отождествляемых с грозowymi ветрами, а также, подобно гандхарвам¹⁷, с духами мертвых.

Разумеется, Джесси Уэстон охотно выводит их в образе помощников Индры: освободив воды, они приносят земле плодородие. В традиционном танце марутов, который жрецы исполняют в ритуале, она видит исток народного танца с мечами и даже своего рода прообраз рыцарства Грааля. Разумеется, способность Индры вызывать дождь должна была иметь первичную важность для жителей равнин; потому представлялось бы оправданным такое умозрительное воссоздание путей развития сказаний Грааля, вращающихся вокруг сюжета Бесплодной Земли — вот только аспект плодородия не исчерпывает всей полноты символа. Как отмечает и сама Джесси Уэстон, в некоторых версиях легенды Грааля мотив Бесплодной Земли лишен смысла. В «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха его нет вовсе, — хотя на самом деле, здесь можно разглядеть отсылку к изначальному сюжету, позже замещенному: во-первых, сюжет восстановления плодородия предполагается характером недуга-ранения Амфортаса, и Вольфрам, в соответствии с теорией Уэстон, ничуть не умаляет его сексуальный символизм. С другой стороны, тот озадачивающий исследователей способ, каким в описании Вольфрама осуществляется исцеление этой раны, может пролить свет на иную сторону вопроса.

Мучения, доставляемые Амфортасу раной, делаются особенно невыносимыми в морозы. И у нас есть авторитетнейшее мнение Альфреда Хиллебрандта: во времена, когда народы Веды обитали в более низкотемпературных областях, Индра был богом солнца, *приносящим оттепель* при наступлении весны. И тогда странная затея с возложением копья (оружия Индры) на рану Амфортаса с целью облегчить страдания приобретает какой-то смысл. Зучек (к теориям которого мы еще вернемся) фиксирует факт смешения остатков древних верований с мифами средневековой алхимии и народными обычаями — сегодня коренные жители Систана¹⁸ используют схожий ритуал в лечении чумы.

¹⁶ В связи с птицеподобными духами-гандхарвами уместно вспомнить «птичьего» отца Ивонека, и особо отметить Лоэнгрин, Рыцаря Лебедя.

¹⁷ Leopold von Schroeder, «Die Wurzeln der Sage vom heiligen Graal».

¹⁸ Область на юге границы современных Ирана и Афганистана.

Образ Короля–Рыбака также вызывает множество домыслов. Следует признать вероятность влияния вавилонских, семитских, христианских и эллинических легенд, но наиболее впечатляющим кажется подобие Короля–Рыбака индоарийским и буддистским образам. Например, золотая рыба — символ первого аватары (воплощения) Вишну. Перешедший в тибетский буддизм махаяны образ золотой рыбы символизирует драгоценность сущностей сансары, которые будут освобождены от невежества: до поры погруженные в океан сансары, они извлекаемы Рыбаком к свету освобождения. Однако еще более глубокое значение вновь было открыто мне сокровищами буддистской Японии¹⁹: здесь в окружающем великую гору Меру океане, подобно огромному озеру опоясанному скалистыми и лесистыми материками, мы находим и фигуру самого Рыбака — он и ландшафт иномирья здесь едины, как и в образах Грааля.

Итак, нам постоянно встречается группа символов, выстроившаяся вокруг центральной идеи *животворящего света*: солнечный сосуд (котел или горшок) и оружие, применяемое для его восстановления, повторного приобретения; тайный ландшафт с космической горой и деревом, куда уходит свет, и где также находится источник бессмертия. Жажда более счастливого существования на высшем уровне влечет к поиску этого тайного царства, которое само собой ассоциируется с бессмертием тех, кто умер, но сохранил себя в смерти. Те же образы проявляются и в описании аргонавтов Нонном: здесь чаша (небеса или солнце в небесах) парит над сияющим деревом на космической горе. Бывает, что и сам солнечный сосуд описывают в образе лодки.

Без сомнения, плодородие и половой аспект представляют неотъемлемую часть вопроса, но нет ли здесь и чего-то первоначально божественного: скрытой впоследствии сильнейшей тяги к чему-то превосходящему? Не из нее ли вырастает склонность «северного» искусства (от кельтского запада до азиатского востока) к абстракции, бесконечности и символическому восприятию ландшафта? Уже на серебряной чаше из Майкопа (Курган, юг России)²⁰, датируемой 3–2 тысячелетиями до нашей эры, мы видим фигуры зверей в ритуальном хороводе посреди символического ландшафта горы, дерева и воды. Возможно, корни подобных образов действительно простираются в самую сердцевину сущности тех народов, что полгода жили в ночной тьме, — хотя и не в том предельном холоде, что воцарился в полярных областях с приходом второй ледниковой эры. Когда ухудшение климата и жизненных условий заставило эти народы волнами переселяться на юг, такие идеи могли начать выражаться через образы растений и животных (пусть по-прежнему абстрактные или символические), а

¹⁹ Бронзовое зеркало из клада Шосуи в монастыре Тодайши в Наре; имеется изображение в «Dürer und der nordische Schicksalshain», илл. 47.

²⁰ «Spuren indogermanischen Glaubens in der bildenden Kunst», илл. 11, 123.

процесс наделения идей человеческими обликами продолжал усиливаться при скрещивании с теми расами, что придерживались антропоморфности в религии и искусстве. Но бок о бок с последующим развитием упорядоченных религиозных систем и различных практик культов плодородия продолжало присутствовать страстное стремление к свету — и образы его сохранялись: в индоарийском или кельтском мифе о завладении солнечным сосудом и поиске райской «земли юности»; а после выпитывания таинств Сирии и Финикии, соотнесения с сексуальным символизмом и идеей умирающего–воскресающего бога, страсть к свету смогла войти и в христианство. Выраженная в таинстве Святого Грааля, она породила и христианские святыни, соотнеся Чашу и Копье с орудиями страстей Христа.

Грааль Вольфрама, сияющий драгоценный камень, будто бы не вписывается в этот ряд образов, но разве драгоценный камень — не эмблема Солнца? Мы обнаруживаем его на древе жизни — лучащемся древе Солнца. Мы знаем о трех драгоценных камнях в шлеме Вишну, а прежде всего — о буддистском падма мани, драгоценном камне в сердце лотоса, который происходит от солнца и также ведет к познанию и освобождению. Видимо, это всеобщее индо–иранское представление. И оно позволяет предположить, что сущность Грааля раскрывается не идеей плодородия. Сексуальность и плодородие выступают только некоторыми вторичными производными от первичной идеи излучения, распространения Света. Но как получилось, что Вольфрам, немецкий рыцарь начала XIII века, предпочел традиционному на западе образу — экзотический иранский?

Фридрих фон Зучек²¹ бросил вызов всем академическим представлениям об истории западной литературы, выступив с заявлением об иранском происхождении артурианского цикла — а «Парцифалья» Вольфрама и роман о Гавейне объявил вольным переводом с персидского. Суждение Зучека излишне радикально; я же предполагаю более вероятным несколько параллельных путей развития идей Грааля, входящих, осознанно и бессознательно, к некоему давно позабытому истоку. Как вообще действует поэт? Он откликается на всякое достаточно сильное внешнее влияние, проводит аналогии, рифмует параллельные образы²², и потому, даже не подозревая об этом — оказыва-

²¹ Friedrich von Suetschek, статьи «Reimbeaebeitung des Parzivalnama» в «Klio» №25, и «Parzivalnamanbersetzung» «Forschung und Fortschritte» №10.

²² Сердцевинной характеристикой поэзии представляется не рифма и не ритм, а проведение смысловых параллелей, уподобление одних предметов другим, перенос качеств одних образов на другие. Ярким примером служат кёнинги скандинавских скальдов, традиционные народные заговоры с их «магией подобий». В конце концов, поэзия увязывает вместе все миры, слои проявления жизни: минералы, растительность, животных, человеческие поступки, божественные стремления. Задачи и суть искусства, художественности в целом — в совете, предоставлении примеров того, на что и как личности следует потратить приключение

ется способным ухватить суть архетипа. Всё же, в случае с Вольфрамом, есть повод предполагать куда большую степень родства с восточным течением: взаимодействие с востоком в событиях крестовых походов и исламских вторжений (и даже намного раньше того) было куда более сильным, чем принято полагать.

Никакого персидского текста «Парцифалья», на существовании которого настаивает Зучек, может и не быть. Но нам достаточно и несомненно существующей, весьма характерной манихейской истории «Жемчужина», — о приключении и посвящении юноши, выросшего без отца и бедно снаряженного, — а также многочисленный историй о доблести иранских всадников, которые вполне могли распалить воображение и европейского рыцаря. И всё же, сходство настолько значительно, что может показаться, будто Вольфрам описывает манихейскую крепость Кух²³ — и Саль-Чвадеха (то имя, которое дает замку Вольфрам — Мунсальвеш — звучит будто эхом иранского) на озере Хамун в Систане; а приключение Гавейна в волшебном замке Клингсора поразительно точно описывает буддистские монастыри Кабулистана и, прежде всего, дворец в Каписе с фантастическим тронном на колесах (вращающееся ложе), гигантской ступой²⁴ и всем прочим. Особенно для нас важно то, что именно этот уголок земного шара, граница Персии и Афганистана, была точкой смешения не только различных религиозных традиций, но и течений в искусстве, — и мы уже отметили, что именно в Иране длилось присутствие маздаистского представления о священном или тайном ландшафте, той идеи Парадиза, с которой мы начали наши изыскания. В Иране этот рай действительно воплотился на Земле по милости духов Бога, сиянием Хварны. Авеста говорит о Хварне так:

«Является то в виде птицы, то в виде плывущего или ныряющего создания, то овном или иным зверем или переходит в коровье молоко. Хварна заставляет ручьи бить из родников, растения вздыматься из земли, ветры раздувать облака, людей рождаться; она направляет луну и звезды на их путях»²⁵.

Природа становится символом, постоянно возрождаемым через духовный исток всей жизни — «постоянно исторгаемый, никак не

жизни. Это и есть «традиция» и фольклор. Мы и сегодня назовем «поэтическим» тот прозаический текст, который сообщает особую ясность уму, соотнося наш будничныи опыт с интуитивными абстракциями, представлением о высшей справедливости, красоте и предназначении — *прим. ред.*

²³ Кух по-персидски «гора»; первая часть европейского имени Muntsalvache также образована корнем со значением «горы».

²⁴ «Ступа» в буддизме — архитектурное сооружение в виде полусферы, предназначенное для хранения реликвий, останков выдающихся людей; своего рода курган.

²⁵ «Asien's Miniaturenmalerei», Стжиговски в соавторстве с Генрихом Глюком, Стеллой Крамриш и Эмми Уэллерз (Joseph Strzygowski, Heinrich Gluck, Stella Kramrisch, Emmy Wellerz).

иссякающий». Но ключевой момент в том описании Грааля, которое предоставил Вольфрам — его обладание качествами самой Хварны, что снова сближает его с манихейским образом драгоценного камня. Более того: на манихейский самоцвет садится голубь, оставляя на нём зерно ханмы — в точности так же, как голубь Вольфрама приносит к Граалю священную облатку. Сила Грааля и манихейского камня обновляется на Страстную Пятницу — в пору прихода весны и возрождения Солнца на севере. Грааль также обладает качествами буддистского чинтамани — драгоценного камня, исполняющего желания; Вольфрам называет Грааль «Wunsch von Paradis» («желание рая»). Существуют и буддистские изображения божественной девы, несущей источающий радость камень; она вполне может оказаться азиатской «сестрой-близнецом» Репанс де Шой (которая, как стоит отметить, в изложении Вольфрама становится женой Фейрефица — рыцаря, служащего образцом восточной доблести).

Прежде всего, манихейский камень или жемчужина символизирует сострадание. И разве в изложении Вольфрама первоначальная неудача Парцифалья, неполучение посвящения, не вызваны тем, что он не задал королю вопрос о причине его мучений? После ему потребовались долгие годы, чтобы искупить юношеский недостаток чуткости, и отметим: хотя через переживание горького опыта, внутренний рост и расширяющееся самосознание он вновь заслужил право войти во двор короля Грааля, понимание, в конечном счете, было передано ему наставником — отшельником Треврицентом. Сколь важна роль наставлений Треврицента в изложении Вольфрама! И далее я процитирую отрывок из книги о тибетской йоге, в которой я поначалу не ждал обнаружить никаких параллелей с историей Грааля:

«К этому воспринятому убеждению, или к правде, приходят не с помощью умозаключений, но благодаря учениям наставника, который поможет увидеть прямо перед глазами бесценное Сокровище, до сих пор бывшее незамеченным»²⁶. Чему же наставник учит Парцифалья? Необходимости «демуты» — смиренности и самоузнавания; «датты» — дарения; «даядхвам» — сочувствия; «дамьяты» — самообладания. А это — то же учение, что вложил в «Бесплодную Землю» Элиот.

И это как раз те качества, каких не хватало императору в «Истории Александра Великого» — и здесь они также выражены в образе камня, посланного из рая: «Иди и скажи Александру, что тщетно он ищет Рая; его усилия будут совершенно напрасными, ибо путь Рая есть путь смирения, о котором он не знает ничего».

Восточные влияния, несомненно, были переданы во время вторжений арабов и крестовых походов, но, вероятно, непосредственный ключ к Граалю Вольфрама — загадочная и породившая множество споров личность Киота, рассказ которого сам Вольфрам и назвал

²⁶ W. Y. Evans, «Tibetan Yoga».

своим источником. Само существование этой таинственной персоны часто отрицается, его называют просто выдумкой Вольфрама, которой он желал замаскировать свое авторство, и непростительное по меркам средневековья искажение изначальной истории. Но ведь в пересказе Вольфрама, история, возможно, имеющая восточное происхождение, стала пламенным воплощением идеалов западного рыцарства, — то есть, творящее воображение поэта блестяще выдержало испытание жизнеспособности и поэтической силы: столь щедро он наполнил ими саму историю и ее символизм. Кем был Киот? Армянин, как предполагает Зучек? Или, как утверждает сам Вольфрам, провансалец — а Прованс так близок к Лангедоку! Разумеется, более чем вероятно, что именно здесь, в стране альбигойцев, области, пропитанной манихейскими верованиями и испытывающей арабо-суфийские влияния с другой стороны Пиренеев, подготовилась наиболее благоприятная почва для укоренения и развития легенды — не только в литературе, но, возможно, и в форме действующего культа. Если права Джесси Уэстон, и в римской Британии действительно процветал культ Грааля Аттиса-Митры, то манихейское таинство, возникшее, как мы видели, из схожих истоков, могло с еще большей легкостью укорениться в цитаделях и просторных укрепленных гротах Арьежа.

Катарскую крепость Монсегюр Отто Ран²⁷ называл Замком Грааля. Но идея средоточения культа вокруг Монсегюра в любом случае должна наследовать истории Киота, а не предшествовать ей, — ведь мы знаем, что эти древние руины были заново укреплены и стали цитаделью катаров лишь в годы, непосредственно предшествующие ужасному крестовому походу против альбигойцев. Если эта цитадель уже тогда мыслилась Замком Грааля, то, вероятнее всего, этот образ был выражением страстной фантазии, в которой суровая военно-стратегическая необходимость и высокая эстетическая претензия смешались с жаждой духовного возрождения сверхцивилизованного общества. Однако смешение амбиций, человеческих недостатков и страстей не умаляет силы духовного стремления: дух Приключения сохраняется. В воображении пиренейских крестьян по-прежнему жива владелица Грааля Эсклармонда — возможно, смешанный образ двух исторических фигур, носивших это имя: великой аббатисы катаров, посвятившей Монсегюр их вере — и другой, принявшей мученическую смерть на костре.

Случайно ли то, что легендарная Эсклармонда не погибла, но перенеслась в азиатские горы? Она заставляет вспомнить о перевоплощении духа Репанс де Шой, как то описывает современный немецкий поэт Альбрехт фон Шеффер в стихотворениях о Граале²⁸:

²⁷ Отто Ран (Otto Rahn), «Крестовый поход против Грааля».

²⁸ Альбрехт Шеффер (Albrecht Schaeffer), «Parzival».

*Die is Titurels, des Alten, Tochter;
 Tragerin des Grales, lebt in ewiger
 Jugend durch den Duft in dem Gemache
 bis die Tochter eines neuen Königs
 ihr die Burde abnimmt und die Wurde
 stirbt am Ende schmerzlos; wird geboren
 augenblicks an audrer Erdenstelle;
 heisst Beate oder auch Renate
 lebt mit Menschenlos; zu lieben leiden
 ohne Wissen eingedenk der Heimat
 und des Einhornes und des reinen Dienstes
 kensch wie keine; endlich stirbt sie
 ganzlich²⁹.*

Так или иначе, но многочисленные точки соприкосновения между манихейством Монсегюра³⁰ и Граалем Вольфрама действительно существуют. Среди них — найденные в пиренейской цитадели глиняные фигурки голубей. Голубь, как мы видели, тесно связан как с Граалем Вольфрама, так и с манихейской жемчужиной. Более того, изображение голубя Вольфрам описал, как эмблему «тамплиеров» — так он назвал рыцарский орден Грааля. Эта воинская каста, на первый взгляд противоречащая миролюбию катаров, практически созвучна воинственным идеям «Бхагавад-гиты». Остается открытым вопрос о тайном празднестве катаров, Манисоле. Могла ли это быть мистическая трапеза, подобная той, которую Джесси Уэстон связывает с культами Аттиса-Митры? В любом случае, в этой связи необходимо исследовать празднества далекого прошлого — арийские чествования умерших. Так вновь замыкается круг, возвращая нас в Землю Света, царство молодости и отошедших духов.

Требуем изучения и тот факт, что скелеты катаров обнаруживались уложенными в круг, как бы расходясь из центра лучами — что предполагает связи не только с часто упоминавшимися выше вращательными и лучевыми мотивами в искусстве, но и с образами тантры, в которых Юнг открыл волшебную силу архетипа. В действительности, лишь через постижение всех вновь и вновь проявляющихся образов

²⁹ «Она — дочь старого Титуреля, носительница Грааля, живущая в вечной юности в благоуханьи убежища, пока дочь нового короля не примет на себя ту ношу и то звание — тогда она безболезненно умирает; в мгновение ока возрождаясь в другой земле; под именем Беаты или Ренаты, живя уделом смертных в страданиях, не зная и не помня о родине и о единороге и о чистом служении; наконец, она умирает совершенно». Рената — героиня новеллы Шеффера «Helianth», имевшая связь с Эхнатомом, египетским фараоном-еретиком.

³⁰ Самюэль Сингер (Samuel Singer) указал на «нейтральных ангелов» Вольфрама, как на влияние манихейской ереси в работе «Wolfram und der Gral: Neue Parzival Studien».

Грааля мы сможем осознать невероятную творящую мощь символизма, сопутствующего нашей истории уже тысячи лет. И при верном истолковании он сможет указать на скрытое единство Востока и Запада³¹.

Ведь путь Грааля есть путь самоузнавания, принятия Тени. Тьма, постигаемая первичным северным человеком как ночное или полугодичное отсутствие солнца, не может быть замолчана — но может быть возвышена. Будь то мрачные кельтско-эллинические ритуалы подражания смерти, или оккультные алхимические поиски божественной эссенции, спящей в сердце материи (этот аспект в поэме Вольфрама представлен Флегетанисом), или очищающие тропы манихейского гнозиса — все пути ведут к одной цели: вызволению из тьмы и достижению царства света, высшей осознанности, где излучение духа более не встречает преград, но горит еще извечнее и первороднее нетленного солнца космических небес или мистического драгоценного камня, венчающего мировую гору; где человек, освобождаясь из скорлупы отделенности своего «я» от «другого» или «внешнего», наконец, входит в священный ландшафт, осознавая свою полную и истинную сущность в богоподобии.

Дальнейшее освещение загадок истории Грааля поможет пониманию единства Востока и Запада, которое, вместе со многими своими современниками, постигал и Вольфрам фон Эшенбах, выразив в образе Фейрефица, индийского сводного брата Парцифаля. Не будь этот дух единства замутнен в последующие столетия, мир мог никогда и не придти к его текущему упадку.

³¹ Кельтские представления об идеальном городе Византии отражены в стихотворениях Чарльза Уильямса (Charles Williams) «Taliessin Through Logres» и «The Region of the Summer Stars».

Адам МакЛин

«Алхимическая трансмутация в истории и в символах»

Снова и снова на страницах этой книги нам приходится возвращаться к мотиву преобразования. Изменяется даже сам Грааль, представая в череде пяти загадочных форм («о которых не следует говорить»), — и тогда обретает окончательный вид чаши. Мотив преобразования черпает вдохновение из могущественнейшего таинства Грааля: его способности придавать предметам свою форму. А эта способность издавна считается переплетенной с таинствами внутреннего алхимического делания. Когда в сокрытой твердыне господ Грааля совершаются внутренние изменения, они неизбежно проявляются и во внешнем мире, оказывая глубинное влияние на развертывание исторического процесса — поскольку масштабность этих изменений не позволяет ни одной грани творения застыть в неподвижности.

С этим алхимическим процессом тесно связано присутствие во внешней, патриархальной форме христианства, сердцевинного женского начала, к теме которого мы еще будем возвращаться. Мы замечаем присутствие сонаправленных импульсов, указывающих на возможность разрешения Граалем проблемы взаимодействия полов, установления их нового равновесия. Каждому искателю надлежит преследовать именно эту космическую цель, и проникновение в материю полов является ключевым в понимании значения Грааля для современности.

Таинство Грааля и историческое развитие христианства связаны неразрывно и интимно. Грааль присутствовал как внутреннее тайное течение, питавшее тех, кто сумел проникнуть за ограду внешних ритуалов и догм церкви. И по сей день таинство Грааля вдохновляет внутреннее мистическое христианство — в то время как институт церкви поддерживает и укрепляет поляризованные застывшие догмы: жесткую скорлупу, скрывающую живое содержимое. Таинство Грааля окрашивает в свои цвета всех тех, кто обрел его во внутреннем поиске; удивительная власть преображения сегодня, как и всегда, в полной мере присуща ему.

Внешнее христианство церкви определило однозначные роли для духовенства и мирян, неизменные каналы-проводники духовности для каждой из этих групп. Эти внешние формулы, закреплённые временем, сегодня оказываются лишь оковами и жесткими шаблонами, стремящимися насильственно подчинить себе живую душу. Взгляду того, кто ищет живого Бога, кажутся мертвыми и пустыми внешние ритуалы и духовные практики организованной церкви: молитвы, гимны и проповеди. Но в христианстве жива и некая странная искра, некая тайна, по-прежнему чарующая и притягательная. Внутри закосте-

невшей скорлупы лучится духовный свет, и смутно постигаемое таинство Грааля влечет к себе сердца.

Это таинство, внутреннее течение, не является чем-то новым, привнесенным, — но было присуще христианству от самых начал, и до сих пор остается его неотъемлемой частью, несмотря на то, что церковь искажает и разделяет дух на двойственности. Нам предстоит узнать таинство Грааля как сердцевинную составляющую женственности, цветущую в мужественном теле патриархального церковного уклада. Познавая и алхимически преобразуя женственную сторону христианского таинства, мы вливаемся в глубочайшую суть христианства в целом.

Одно из проявлений Грааля — его свойство быть источником изменений, причиной превращений. И в этом эссе я намерен указать на проявления таких превращений. Вначале я в исторической перспективе кратко обрисую конкретные изменения внешних форм христианства; затем покажу некоторые способы, какими языческие архетипы были изящно преобразованы в символы алхимии, таким образом, сделавшись живым наследием и для современного мира.

Преобразование в истории

Попытка проникнуть в сущность христианской религии встречает серьезные препятствия. Жизнь исторического Иисуса Христа и события первого века христианства задокументированы настолько обрывочно, что пространства для противоречивых толкований у богословов оказывается чересчур много. Несмотря на все сложности рассмотрения тех давних событий, в одном, по моему мнению, можно быть уверенным: христианство возникло как мятеж против господства еврейской религии, в которой абсолютные и мельчайшие предписания истребили свободу духа. Иисус Христос, по-видимому, ставил себе задачу преобразования разделенной, искаженной патриархальной религии своих отцов, и открытия человечеству новых способов взаимодействия с духом. Мы видим сторону христианства мягкую, склонную к прощению — в контрасте с жестким негибким мужским кодексом патриархов. Христианство у своих истоков предпринимало попытку уравновесить женскую и мужскую составляющие души. Изначальный импульс был направлен на взаимодействие этих двух противоположностей, а не на их разделение. На возвращение женского начала, а не его дальнейшее отрицание или подавление.

Христианство, скорее всего, и сохранило бы за собой цель уравнивания этих противоположностей — но усилиями Павла немногочисленная посвяtitельная секта, в конце концов, сделалась государственной религией. И тогда, ради стабильности патриархального уклада и возможности простого управления им, пришлось пожертвовать внутренним духовным балансом. Объединяясь с римским империализмом, христианство всё более проникалось идеями патриар-

хального господства. Внутренний духовный баланс был нарушен, а внешние религиозные формы окончательно стали инструментами подчинения в среде патриархального общества. В конце концов, внутренняя женская сторона христианства вынуждена была стать скрытой, неизвестной даже периферийным чинам самой церкви.

Эту ситуацию иллюстрируют сами легенды Грааля: например, Робер де Борон рассказывает, как Иисус уже после распятия передает тайные наставления плененному Иосифу Аримафейскому, а тот впоследствии устанавливает таинства Грааля, сберегаемые наследственной линией хранителей.

Скрытое, тайное христианское течение, берегущее скрытую мудрость женской стороны духовного поиска, нетронутым сохранялось более тысячелетия, лишь изредка показываясь на поверхности исторического процесса и оказывая на него очевидное влияние: так, гностическое течение III–VI веков пыталось организовать религию или, по крайней мере, теологию, структура мифа которой задействовала бы и мужественную и женственную стороны души. Гностики очень основательно работали над воплощением мифологий, в которых эманации Божественного, союзы духовных сущностей, рассматривались бы как уравновешенное взаимодействие архетипов мужественности и женственности.

Это внутрихристианское течение, вероятно, можно различить и в ереси британских пелагиан: в IV веке в Британии возникло направление христианства, оспорившее централизованную религию Рима и ее жесткие ритуальные предписания. Пелагиане заявляли о внутренней самостоятельности человечества, обусловленной Святым Духом — и это было не по нраву христианским патриархам, желавшим насадить указы и законы, и отрицавшим возможность индивидуального мистического прозрения. Ересь пелагиан была подавлена силой. Примерно в то же время в Ирландии и Шотландии вызревала самостоятельная форма христианства, отличавшаяся большей «женственностью». Ирландия была достаточно отдалена от сердца римской церкви, и потому пользовалась немалыми свободами, а кроме того, поскольку исторически здешние земли не были подчинены римской военной силе и политической организации, здесь продолжали сами собой сохраняться старые языческие религии. Языческая религиозность продолжала существовать среди кельтов, придавая свои краски их восприятию христианства: в то время мы фиксируем переплетение традиционных кельтских верований (признававших и выражавших женское начало в структуре своих мифов) с обособленным ирландским христианством. Эта кельтская церковь в VI–VIII веках отправляла миссионеров во все уголки Европы, и многие из монахов–проповедников оказали глубокое влияние на развитие европейского христианства. Обособленность ирландского христианства, и более всего, признание им женского начала в божестве, определялась фрагментами таинств Грааля. Ту же связь мы видим в цикле Грааля авторства де Борона или Кретьена. Мерлин —

архетип языческого кельтского мага, но именно он поставил цель двору короля Артура: отыскать Грааль.

Мы видим, что таинства Грааля, подразумевающие скрытое посвящение в женскую сторону христианства, продолжали подспудно существовать более тысячи лет, лишь изредка показываясь на поверхности истории. Нельзя с уверенностью судить о точном географическом расположении школ, сохранявших эти таинства. Различные авторы называли «Мунсальвашем», школой обучения таинствам Грааля, самые разные места. Не пытаясь выяснить, где же был «подлинный» замок Грааля, я полагаю более конструктивным признание того факта, что тайная традиция Грааля была распространена весьма широко, и множество подобных посвятельных центров было разбросано по всей Европе и Ближнему Востоку.

XII век принес значительные перемены в западную религиозную традицию: вторжение арабов в Испанию принесло Европе новые учения. Арабы, завоевавшие греческую Александрию, завладели ценнейшими сокровищами античной мудрости — и как раз в то время первоначальный пыл и религиозное рвение новорожденного ислама поостыли, начался период относительной веротерпимости, проявившийся, в частности, в Испании, и предоставивший арабским ученым роскошь изучения старых текстов греческих философов: Аристотеля, неоплатоников и гностиков. Частью этих материалов они были готовы поделиться с европейскими учеными. Так, например, Роберт Честерский в конце XI века привез из Испании переводы античных трудов из областей алхимии, алгебры, астрологии и математики.

Крестовые походы в Святую Землю и встреча западного христианства с Иерусалимом стали предпосылками к обновлению. В первых крестовых походах были основаны известные рыцарские ордены, посвятившие свою деятельность возвращению утерянной мудрости и древних реликвий, которые они ожидали обнаружить в древнем историческом центре христианства. Особенно значимым стало создание ордена храмовников, которые стремились защитить и вернуть христианству древнюю мудрость и сакральные геометрические принципы Храма Соломона в Иерусалиме. Великий раскол церкви 1054 года, вызванный противоречием в представлении о роли Христа, Бога-Сына, в духовном царстве, предоставил западной церкви свободу в исследовании новых путей развития. Восточная церковь становилась всё более патриархальной, отождествляя себя с Богом-Отцом и рассматривая Бога-Сына и Святой Дух как производные от ипостаси Отца. Западная церковь желала сохранить теологию, в которой лики Отца и Сына были уравновешены. С этого времени божественная женственность уже не имела никакой возможности открыто выражать себя в богословии православия. Католическая же церковь сохранила открытость к менее утрированно-патриархальным схемам.

В XII веке на умонастроения западной церкви стала оказывать влияние альбигойская ересь. В ее основе — принципиальный дуализм: внешний мир провозглашен злом, а спасение всеобщее и личное достижимо лишь в отречении от мира. Простота этого учения привлекала к обращению всё более многочисленных верующих — так что ересь стала угрожать самому существованию церкви.

Все эти внешние влияния в начале XII столетия оказывали давление на католическую церковь, подвигая ее к кризисной точке, где христианству пришлось бы или впитать эти течения в собственную среду, или быть опрокинутой ими.

Видимо, хранители таинств Грааля, эзотерические школы, оберегавшие внутреннюю суть христианства, именно этот критический момент сочли благоприятным для того, чтобы раскрыть часть доселе тайного знания.

Обозначив исторический контекст, мы можем приступить к рассмотрению способов, какими мудрость Грааля окрашивала и преобразовывала внешние, общедоступные формы христианства.

Сердцевина таинств, ритуалов и практик эзотерических христианских школ, которую мы понимаем как взаимодействие с Граалем, женской стороной христианства, не раскрывалась напрямую, но скорее вплеталась в искусно сработанные циклы преданий. В них последовательность драматических образов отражала внутреннее знание школ таинств. Образы были раскрыты людям не в церкви, но переданы в руки поэтов и трубадуров. Легко представить, как захватывали воображение людей подобные великие истории, совсем непохожие на сухость схоластической идеологии и бесцветность молитв и проповедей. Эти истории подарили простому народу живой образ христианства, представление о предназначении религии на Земле, и дали возможность самоотождествления с архетипическими персонажами легенд. Люди могли даже замечать едва скрытые намеки на предания языческого прошлого. Проникнув в сознание, легенды Грааля стали ферментом брожения, придавая умонастроениям новые цвета и мало-помалу изменяя их. Прикасаясь к ним, народ начинал постигать присутствие внутренней женской составляющей, никак не проявленной во внешнем христианстве, в церкви. Сильнейшая идея личного духовного приключения стала оказывать влияние на внешнюю культуру. Легенды Грааля впервые были записаны около 1180 года, вначале Кретьеном де Труа (французское течение), затем Робером де Бороном (британское течение) и Вольфрамом фон Эшенбахом (немецкое течение). Эти три автора, по-видимому, выполняли задачу выражения архетипических образов легенд французов, британцев и немцев соответственно. Через несколько десятилетий возникает огромное множество легенд Грааля — и мы можем судить, насколько широко распространенными и влиятельными должны были быть первоначальные предания.

Стражи Грааля подарили народам знание о душе, вплетенное в архетипические образы традиционных историй. Проникая в ум кон-

кретного человека, оно делало его более восприимчивым к внутренней женской стороне христианства.

В противовес этому, иные тайные школы более патриархально-го мироощущения в момент кризиса церкви принялись изменять ее облик сообразно собственным представлениям. В конце XII века для строительства великих готических соборов были разработаны масонские ордены и общества строителей Храма. Возможно, эзотерические принципы сакральной архитектуры попали в руки церкви через орден храмовников, стремившийся постигнуть строение Храма Соломона в Иерусалиме, и в целом эзотерическую архитектуру иудейской патриархальной традиции.

Обстоятельства, сопутствовавшие началу строительства готических соборов, окутаны тайной, а официальная история не стремится найти и обозначить источник этого нового стиля сакральной архитектуры, выявить способы, какими координировались действия строителей, и осуществлялось экономическое обеспечение. А ведь в XII–XIII веках было одновременно построено более сотни огромных соборов, а также множество менее масштабных аббатств и церквей! Едва ли стоит сомневаться, что этим огромным проектом руководил сплоченный эзотерический орден (вероятно, связанный с рыцарями-храмовниками), посвятивший свои силы и умения служению церкви.

Целью было усиление церкви: невероятные постройки демонстрировали и усиливали внешнюю мужскую мощь организованной христианской религии. Эти соборы, с их идеей мужественности, часто строились на площадках бывших языческих святилищ, посвященных женским божествам. Знаменитый пример — «черная дева» Шартра, святыня, предшествующая Шартрскому собору на несколько веков.

В результате этих двух стремлений: вынести наружу внутреннюю тайну Грааля, касающуюся внутреннего приключения женственности в христианстве, и возвести соборы, консолидирующие внешнюю мужественность организованной церкви — в христианской религии произошли внутренние перемены.

С одной стороны, ведя крестовые походы в Святую Землю и крайне жестоко расправляясь с ересью катаров и других сект, церковь вынуждена была приобретать всё более мужественные черты; с другой стороны, она не желала полностью перенять женственное христианство Грааля. Церкви нужно было впитать женственность и придать ей такую форму, чтобы она управлялась мужественностью. Эту проблему решил выдающийся деятель ортодоксии, святой Бернар Клервоский. Через образ богоматери он помог христианам вновь отождествиться с одним из ликов триединой богини — священной девы. Святой Бернар учредил поклонение ей и создал простой ритуал, открывающий народу возможность духовного общения с ней: розарии, молитвы по четкам. Чередующиеся бусины на шнурке четок соответствуют попеременным воззваниям к Деве и Сыну, тем самым уравновешивая женственность

и мужественность в религиозном действии молитвы. Дева Мария была выведена обособленной фигурой, отделенной от прочих ликов троиственной Богини — и с тем лишена первобытной силы и земных энергий той цельной богини, какой мы видим ее в образах язычества. Так церковь справилась с назревшей необходимостью внедрить в себя женское начало, сохранив господство мужского.

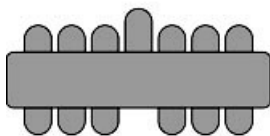
За этим историческим процессом, менявшим внешний облик церкви, мы видим преобразующую силу таинства Грааля — таинство женственности вплеталось в общую структуру церкви. Всё же, этот порыв не достиг тогда своей цели, не изменил полностью уклад церкви и вернулся к прежнему положению внутренней сокрытой школы.

Сердцевина таинства Грааля — ритуал причастия. Судя по всему, церемония той мессы, в которой участвует кандидат на Посвящение, очень отличается от мессы внешней, общедоступной церкви. Освящающая сила этого ритуала описывается легендами Грааля в различных образах: например, перед Персевалем–Парцифалем по версиям Кретьена и Вольфрама Грааль проносит процессия, а в завершении «Поисков Святого Грааля», приписываемых Вальтеру Мапу, Галахад проводит ритуал высокодуховной мессы. Легенды часто подчеркивают, что Грааль был реальным физическим сосудом, тем самым, что использовал и Христос на Тайной Вечере — но таинство заключается вовсе не в силе этого святого предмета, а в том, что существует преемственность самого ритуала Грааля, проводящегося так же, как это делал Христос.

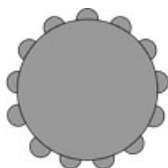
Одновременно с распространением преданий Грааля в конце XII века происходят глубокие перемены в ритуале церковной мессы: изменяется положение священника относительно алтаря. Раньше он стоял за алтарем лицом к пастве — и его ритуальные действия были полностью открыты взорам собравшихся. Новые соборы имели устойчивое отличие от старых круглых церквей: алтарь размещался в дальнем конце клироса, соответственно изменилось и положение священника, совершающего обряд мессы. Теперь он стоял лицом к алтарю и спиной к пастве, — и его ритуальные действия уже никому не были видны. Ритуал мессы стал таинством, доступным только самому священнику. Позже стали пристраивать еще и крестные перегородки, дополнительно скрывавшие ритуальные действия священника. Итак, можно отметить, что церковь, желавшая закрепить духовное превосходство священника, делает мессу недоступным народу таинством — это своего рода реакция на открытие свету приключения Грааля, которое возлагает на человека ответственность за собственное духовное просвещение. В легендах Грааль добывают не церковники, а простец Персеваль–Парцифаль, вдовый сын. Он не нуждается в посредничестве священника, чтобы воспроизвести ритуальное таинство.

Более ранняя форма мессы, в которой священник стоит за алтарем лицом к пастве, соответствует положению Христа за столом Тай-

ной Вечери и форме стола Грааля, находящегося под защитой Иосифа Аримафейского, как описал нам его Робер де Борон.

стол Тайной вечери

Круглый стол, стол Грааля

ранняя форма мессы

поздняя форма мессы

Любопытно, что в уже недавние времена, в 1960–х годах, измененный решением Второго ватиканского собора ритуал католической мессы предписал священнику занять прежнее положение относительно алтаря.

Итак, я вкратце обрисовал то, как таинство Грааля, сосредоточенное во внутренней женской составляющей христианства, и эзотерическое ритуальное посвящение, чьим блеклым подобием является таинство причастия, передавало свои краски и преобразовывало внешнюю историю. Духовным течениям этой эзотерической традиции никогда не позволялось свободно течь в открытый мир, они лишь косвенно влияли на исторические события. Мы можем различить влияние этого таинственного течения в некоторых движениях и устремлениях христианства первого тысячелетия. В XII веке, когда организованная церковь находилась в состоянии кризиса, хранители Грааля пытались изменить духовные ориентиры христианства и позволили воплести свои тайны в аллегорические романы, истории и легенды Грааля. Церковь ответила на этот вызов включением таинства женственности в собственную структуру: с одной стороны, упрочив мощь мужественности и влияние в обществе путем строительства выдающихся готических соборов, а с другой —

разработав и внедрив практики духовного поклонения такому лику Богини, который бы не оспаривал мужское господство — Деве Марии.

Таинство Грааля возвратилась в подполье, вновь скрылось за слоем многозначных символов и ожидало нового удобного момента для внутреннего перерождения. Такой момент настал после Реформации, когда внутреннее таинство Грааля, женской составляющей христианства, вновь было вынесено на поверхность движением розенкрейцеров в начале XVII века. В то время хранителями таинства была сделана ещё одна попытка повлиять эзотерической мудростью на ход исторических событий. Розенкрейцеры пытались воплотить эзотерическое христианство в движении протестантов, тем самым избавив его от внутренней напряженности, патриархальности и неуравновешенности, присущих ортодоксальному лютеранству и кальвинизму. Так, можно предположить, что движение розенкрейцеров внутренне причастно к таинству Грааля, а лежавшая в его основе духовная алхимия может считаться частным проявлением приключения Грааля.

Внутренняя живая духовная энергия таинства Грааля ненавязчиво, но значительно преображала внешние исторические события. Она всегда указывала человечеству на необходимость равновесия: оттенения мужественной составляющей религии. В центре таинства — важнейший символ женственности: чаша или кубок.

Во второй части этой главы я хочу показать, как этот великий образ Грааля вобрал в себя символы кельтского язычества и родил христианскую эзотерику в алхимическом символизме розенкрейцеров.

Преобразование в символах

Наряду с сохранением и выражением таинства женственности, несущего внешние преобразования христианству, традиция Грааля совершала и внутреннюю работу, преобразуя определенные группы символов. Я нахожу тому самые разные примеры. Здесь же расскажу о том, как Грааль впитал в себя символизм кельтского язычества, а затем обрел выражение и в символах алхимии.

Здесь мы рассмотрим только один преобразовательный процесс:

котлы		чаши Грааля,		алхимические
кельтской		описанные		сосуды
традиции	—	в легендах	—	в эзотерике
(первое		(XII век)		розенкрейцеров
тысячелетие)				(XII–XVIII вв.)

И котлы, и чаши, и алхимические сосуды выступают символами таинства женственности. Любопытно, что в каждой из указанных традиций этот символ имеет трехчастное строение, и эта троичность,

разумеется, не создана искусственно, а соответствует трем ликам Богини: старуха, дева, мать.

Кельтская традиция говорит о трех котлах. Котел Аннуна — котел перерождения, древний первичный символ старейших кельтских легенд. Он упомянут в ключевой поэме «Вторжение в Аннун», принадлежащей перу Талиесина: это тот предмет, на поиски которого снарядил отряд кельтский Артур. Воины отправились в приключение на корабле Придвен к семи каерам, то есть замкам, желая вторгнуться в Аннун, «подземный мир». Про котел сказано, что он нежно согреваем дыханием девяти дев (муз или прислужниц тройственной Богини), и имеет жемчужную кайму вокруг обода. Внутреннее переживание, даруемое котлом, может быть достигнуто только в путешествии-приключении через семь каеров, подземных замков. Итак, этот котел можно связать с ликом Богини-старухи, хранительницы темных таинств. Она — Кальех и Геката, темная богиня.

Котел Керидвен, также упомянутый в цикле Талиесина, совсем иной: это вместилище вдохновения, посвящения, сосуд истоков мудрости. Для посвящаемых в ее таинства, Керидвен приготавливала зелье, содержащее сущность всей мудрости. В знаменитой истории Талиесина, человек, носивший вначале имя Гвион, должен был помешивать это зелье и разливать его в чаши. Однажды три капли упали ему на пальцы, и, пытаясь унять боль ожога, он положил их в рот — впитав концентрированную сущность мудрости Керидвен, став посвященным, и приняв имя Талиесин, что значит «лучезарный лик». Котел вдохновения соответствует лику Богини-девы — покровительницы посвященных, воспринимающих таинства.

Описания третьего котла имеются во многих кельтских легендах, но, наверное, более всего он известен как котел Дагды — это источник изобилия, рассматриваемый, как кухарский котел. Даруемая им духовная пища бесконечна и бездонна. Здесь мы видим пример образа матери-дарительницы — еще одного лика архетипа женственности. Она одаряет нас благом, дает вечное изобилие и плодородие, как телесное, так и духовное.

Три котла кельтских мифов — сосуды Богини, чрезвычайно насыщенные, первичные символы кельтской мифологии. Соответствующие им три чаши Грааля не столь глубоко архетипичны — и кажутся скорее простыми физическими предметами, обладающими духовным зарядом.

Первая чаша Грааля, упомянутая, в том числе, в изложении легенды Робером де Бороном, — это кубок, чаша Тайной вечери, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь, брызнувшую из ран распятого Христа — так этот сосуд обрел духовный заряд. Когда Иосиф был в заточении, Христос принес ему эту чашу, посвятив в тайную традицию Грааля. Следовательно, кубок является сосудом искупления, дающим новое начало всем посвященным в его таинство — он соединяет их с жертвенной кровью Христа. Представление о крови лежит в сердцевине христианских таинств — это сущность Христа, пролитая на Землю, впи-

танная Землей и навеки с ней соединившаяся. Это часть Христа, оставшаяся с Землей после Его вознесения. Кровь проникает в тело Земли, а часть ее сохраняется в чаше Грааля. Таким образом, мы можем ассоциировать ее со старческим ликом богини — темным телом планеты Земля.

Второй Грааль, описанный в истории Вольфрама фон Эшенбаха — это камень. В «Парцифале» он недвусмысленно назван «камнем, излучающим волшебный свет», дающим духовное просвещение всем, кто его созерцает. Этот камень появляется в ходе церемониальной процессии Грааля: сложного и детального ритуала, проводимого для гостя за столом Короля-рыбака Анфортаса, то есть Парцифалья. Торжественное шествие состоит, в первую очередь, из придворных дам, а королева Репанс де Шой несет Грааль. В первый раз Парцифаль не осознаёт всю важность ритуального предмета и не умеет прочесть загадочные письмена на поверхности камня (на самом деле складывающиеся в его собственное имя). Он также не справляется с тем, чтобы задать Королю-рыбаку вопрос о причине его мучений — такой вопрос искупил бы вину Анфортаса и положил конец его страданиям. Так, при первой встрече с Граалем Парцифаль не понимает собственной роли хранителя Грааля и искупителя вины Короля-рыбака. Этот камень, пронесенный перед ним процессией женщин, является ключом к посвящению в таинства Грааля:

*И если бы он глядел в Камень две сотни лет,
Его борода не поседела бы —
Такие силы камень дарует мужчине,
Что его плоть и кости
Тотчас же вновь молодеют.
И камень этот зовется Граалем.*

Таинство посвящения связано с молодой женщиной — ликом Богини-девы.

Третий Грааль мы встречаем в изложении предания Кретьеном де Труа. Здесь Грааль — это блюдо или поднос в замке Грааля, дающий духовную пищу компании путешественников. Согласно Кретьену, при первом посещении замка Персеваль участвует в сложной церемониальной трапезе, в ходе которой блюдо Грааля по очереди подносится каждому участнику. Старый король, страж Грааля, получает от блюда только святые дары причастия. Таким образом, этот Грааль связан с ликом Богини-матери, дарительницы.

В традиции алхимии мы также находим сосуды, соответствующие вышеописанным котлам и Граалям. В ранних алхимических течениях их считали только частями химического инструментария, но после оплодотворения эзотерическими традициями, подобными течению Грааля, таинство алхимии было перетолковано в духовном смысле, а

сосуды—инструменты превратились из банальных приспособлений в образы духовных архетипов, внутренних качеств и способностей души.

Первым мы рассмотрим тигель: этот открытый сосуд был создан для нагревания веществ на огне до очень высоких температур, и применялся для кальцинации — прокаливания и пережигания в пепел любых помещенных внутрь веществ. Кальцинация — один из методов очищения вещества; этот процесс может быть осмыслен как своего рода возрождение — несовершенство превращается в пепельный осадок, содержащий уже только сущность прокаленного вещества. В частности, золото очищали купелированием: плавлением в специальном тигле; при этом любой другой металл, загрязнявший золото, выжигался в пепел или шлак. Этот процесс очищения—возрождения можно считать относящимся к деятельности Богини—старухи.

Следующее алхимическое устройство, которое мы рассмотрим — реторта или колба. В этот сосуд помещались вещества, должны были пройти через внутреннее преобразование. Часто алхимик запечатывал колбу с такими веществами и оставлял ее на долгие месяцы или годы, не мешая внутренним процессам. Такое изолированное погружение вещества в себя соответствует посвятителю опыту котла Керидвен. Его следует поместить под знак Богини—девы.

Последний алхимический сосуд, который мы рассмотрим — перегонный куб. Алхимик помещает в него те вещества, которые желает очистить перегонкой: под воздействием тепла их сущность отделяется, очищается и конденсируется в отводной трубке, переходя затем в принимающий сосуд. Этой процедуре очищения путем перегонки соответствует лик Богини—матери: «новорожденное» вещество выделяется из «маточного раствора» в перегонном кубе.

Мы видим, как эти три алхимические процедуры, совершаемые в сосудах (внутренних пространствах женственности), будучи окрашены эзотеризмом Грааля, толковались в духовном смысле, что было особенно выражено в конце XVI — начале XVII века, во время розенкрейцеровского периода алхимии.

Мы можем подытожить обнаруженные связи в таблице:

Котлы	Аннун Керидвен Дагда	Возрождение Вдохновение Изобилие	Старуха Дева Мать
Граали	Кубок Камень Блюдо	Сосуд Крови Духовное просвещение Питание	Старуха Дева Мать
Алхимические сосуды	Тигель Реторта Перегонный куб	Кальцинация Интериоризация Перегонка	Старуха Дева Мать

Я попытался обрисовать, как тайная мудрость Грааля тонко работала за кулисами обыденной истории, и как созидательные энергии ее тайного знания впитали языческие кельтские символы, вновь породив их в качестве знакомых священных реликвий легенд Грааля, а многие века спустя нашли выражение и в эзотерическом христианстве, лежавшем в основе учения Братства Розы и Креста.

Таинство Грааля не привязано к прошлому, но вечно современно, и его тайное делание внутри внешней христианской религии может быть обнаружено от самых начал разделения и поляризации христианской теологии и отвержения таинства женственности, как необходимого элемента ткани творения. Я полагаю, в последнем десятилетии мы можем наблюдать начало нового цикла, в ходе которого мудрость Грааля прольется в сосуд нашей цивилизации — мы видим рост интереса к древним каменным кругам и связанным с ними ритуальным центрам, а также осознание присутствия на этих площадках «земных энергий», и их особенной связи с женским началом, с Богиней. Эти площадки можно считать новыми сосудами Грааля.

С завершением двадцатого века таинство Грааля будет обретать всё большую значимость в сознании широких масс, отождествляясь с живым эзотерическим телом самой Земли. Мудрость Грааля желает проникнуть в нашу цивилизацию и приглашает нас отправиться в приключение, на поиск живых токов Земли, чтобы прикрепить к ним и себя лично и общество в целом.

Мы должны постигать таинство Грааля не как оставшееся в прошлом мертвое теоретическое направление, но искать его как живой источник вдохновения, неотъемлемо присущий нам. Его подспудное течение по-прежнему ищет новых сосудов и символов для воплощения своих скрытых сил, и я смею надеяться, что нам откроются пути, какими Грааль вновь придет в современный мир.

ЭЛЕМЕНТЫ:
ТРАДИЦИИ
ГРАДА ЛЯ:

Джон Мэттьюз «Храмы Грааля»

Путь Грааля ведет внутрь: это очевидно и в самой природе Приключения, в образности божественного поиска лучших воплощений человечности. Таким образом, тело, всегда считавшееся мистиками препятствием к реализации духовной свободы, становится испытательной площадкой, где сталкиваются в битве хорошие и плохие свойства каждого человека: одни желают познать Бога, другие бегут от Него. Храм, образом которого является тело, выполняет подобную роль, особенно в историях Грааля: здесь строение храма воплощает сердцевинный дуализм всякого предмета, — а кроме того, архитектура храма выражает страсть человечества завоевать свою разделенную самость, совершив скачок и достигнув отдаляющейся и угасающей любви творения. Как уже выше показал Джеффри Эш, именно это стремление становится причиной ностальгии по былым временам, когда всё существовало в равновесии, а никакого деления не было и в помине.

1

Когда в «Смерти Артура» Томаса Мэлори сэр Ланселот после многих приключений приходит, наконец, к часовне Грааля, неземной голос не велит ему входить. Сомневаясь у порога, он всё же заглядывает внутрь и видит там:

...серебряный престол, а на нём Священную чашу, покрытую красной парчой, и множество ангелов вокруг... А перед Священной чашей он увидел блаженного старца в церковном облачении, словно бы творящего молитву³².

Продолжая наблюдать, Ланселот видит, как священник держит над головой образ человека, будто собираясь сделать подношение на алтаре. И когда Ланселоту кажется, что старец вот-вот упадет и уронит ношу, он входит в комнату, просто желая помочь. Но его тут же валит с ног пламенное дыхание, он ослеплен бьющим светом Грааля. Так происходит, потому что Ланселот — падший, а кроме того, не знает, как существовать в близости Грааля.

Этот путь сложен: само устройство замка и храма Грааля заставляет входящего в них пройти посвятительное испытание. Участь Ланселота разделяют многие, отправляющиеся в путь неподготовленными — они оказываются ослеплены тем, что им не под силу понять. Но долж-

³² Томас Мэлори, «Смерть Артура».

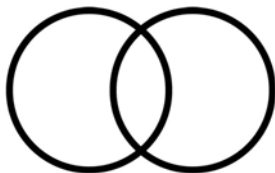
ное следование пути к дому Грааля и через него дарует средство познания, постижения этого света. Многие храмы ныне лежат в руинах, но сказано, что подлинный Храм, как и путь к Богу, не может быть разрушен. Будет весьма полезно помнить об этом при изучении различных физических образов бессмертного храма, в которых он воплощался на протяжении своей долгой истории — стоит надеяться, что так нам самим удастся признать свою роль в продолжающемся таинстве Грааля.

2

Наиболее древние традиции, относящиеся к строительству храмов, понимают их как обиталище Бога, где Творец может общаться с творением. Земля, на которой стоит храм, соответственно, является священной: на ней размещена обитель Бога, и она испытывает освятельное прикосновение божественного, делающее постройку маяком для тех, кто ищет переживания священности. Так храм становится *temenos* — местом, помещенным *вовне*; невидимая разделительная линия отмечает здесь священное пространство: переступить ее — значит войти в сферу божественного, в отражение небесного на земле.

Именно поэтому в основе строения храма чаще всего лежат формы круга и квадрата — символические воплощения небес и земли. Мегалитические храмы состоят из квадратных камней, уложенных в форму окружности, древнегреческие и египетские храмы — это прямоугольные постройки, поддерживаемых круглыми колоннами. Их можно считать воплощениями архетипического образа объединения мужского и женского начал — круг небес и квадрат земли сочетаются в цельной фигуре.

Графически это можно представить символом *vesica piscis* — двумя частично пересекающимися окружностями. Это схема связи между Богом и его творением, проявленной в храме напрямую или посредством деятельности священников и провидцев. Плотин прекрасно понимал этот принцип, хотя и использовал несколько отличную схему: «Он принадлежит Ему, они как два концентрических круга: едины лишь когда одинаковы, но и двумя могут быть только будущи разъединенными»³³.

³³ Плотин, «Эннеады» по тексту Кричлоу (K. Cichlow) «Soul as Sphere and Androgine», 1980.

Именно состояние духовной разделенности, лучше всего выражаемое образом грехопадения, становится причиной неудачи Ланселота и тех, кто пришли после него. И именно потому существует храм Грааля — указывая путь возвращения к состоянию единства с божественным импульсом творения.

Именно поэтому мы впервые узнаем о Граале в описании событий, последовавших за грехопадением. Сказано, что Грааль был доверен Адаму в начале времен, но после грехопадения остался вне мира: как предмет чрезвычайно священный, он не мог войти в павший мир. Всё же, одна традиция говорит о Сифе, сыне Адама и Евы, которого гностики почитали как тайного Мастера — он возвратился к райским вратам в поисках Священного сосуда. Ему было позволено войти, и там он оставался сорок дней, по истечении которых получил Грааль как напоминание о том, что было утрачено, и как знак надежды и грядущего искупления. Всё же, Грааль оставался непроявленным до времен Христа, когда утвердился в христианской вере в образе чаши.

Особенно важно здесь то, что «все те, кто владел Граалем после Сифа ... в силу самого этого факта умели основывать духовный центр, которому было предназначено служить замещением утраченного Рая и служить его изображением»³⁴. Храм Грааля и является этим образом — и местом, где Бог и его творение могут встретиться и общаться, как то было в Раю.

Таким образом, храм можно считать воплощением схемы космического развития: кажется, будто строители храма, приглашая Бога сойти в *temenos*, не только просили указать им путь к совершенству единства, но также полагали (пусть и еретически), что и сам Бог посредством взаимодействия с ними продолжит свое развитие. Бог есть дух, а человечество — материя, и развиваться в отрыве друг от друга они не могут; они действительно подобны двум сцепленным окружностям, которые могут обрести завершенность, лишь будучи точно наложенными друг на друга — когда они станут одним. Потому все храмы и церкви возводились как зримые знаки, понятные человечеству и его богам — как зеркала, возвращающие образы преходящего и божественного навстречу друг другу.

Этот образ вновь встречается в иконографии Девы Марии, ставшей человеческим храмом и сосудом для божественного, чей ответ ангелу Благовещения изображается зеркальным, обратным письмом: это делается для того, чтобы высшие силы могли прочесть ее слова. Саму Марию иногда называют «зеркалом величия Бога».

Итак, древнейшие известные нам храмы (камни, давшие имя мегалитической цивилизации) возводились как окружности в точках силы и служили продолжением самой Земли — как руки Матери, протянутые к луне, солнцу и звездам. Эти гигантские астрологические

³⁴ Рене Генон, «Символизм Грааля».

обсерватории строились не только для людей, но и для богов: не для простого почитания, но для того, чтобы пригласить их принять участие в ритуале проживания жизни — в человеке и вокруг него. Снова процитируем Плотина:

Те мудрецы древности, что искали возможности обеспечить присутствие божественного возведением святилищ... показывают способность к проникновению в природу Всего, [поскольку они осознавали, что] хотя Душа и разлита повсеместно, ее более яркое присутствие будет обеспечено созданием подходящего носителя... служащего зеркалом, способным ухватить ее образ.

В своей наиболее завершенной и сложной форме это космическое зеркало, служащее отображению Бога, становится и посвятителем в божественное таинство творения, наисовершеннейшим исходом Приключения. Его может символизировать вечно недвижимый, но изменчивый узор лабиринта, и неслучайно архитекторы готических соборов (например, Шартрского), пытаясь зашифровать тайну Храма в устройстве великих средневековых церквей Европы, часто использовали именно эту форму в рисунке пола и стен³⁵.

Храм Грааля был логическим завершением стремления к созданию подобного зеркала — и не удивительно, что во всех своих многочисленных воплощениях он так точно соответствует традиционному архетипу.

3

Образ храма Грааля постоянен: обычно он располагается на вершине горы, окруженной непроходимой чащей или глубокими водами. Если к нему вообще есть какой-либо путь, то это угрожающе узкий мост с острыми гранями: Меч-мост. Храм или его внешний замок часто совершает быстрые обороты, так что войти обычным способом становится практически невозможно. Оказавшись же внутри, столкнешься со многими прочими гибельными опасностями. А тех немногих, кто доберется до центра, до часовни Грааля, как и Ланселота, ожидают откровения скорее очень разочаровывающие и гнетущие. Есть и люди, стерегущие замок: на ранних этапах развития мифа священный сосуд охраняла семья Королей с отрядом избранных рыцарей.

Наиболее развитое описание средневекового Замка Грааля мы находим в средневерхненемецкой поэме «Младший Титурель» 1270 года, приписываемой Альбрехту фон Шарфенбергу. Здесь род Королей Грааля возводится к Соломону — эта деталь, как мы увидим позд-

³⁵ Луи Карпентье (Louis Charpentier), «The Mysteries of Chartres Cathedral», Research into Lost Knowledge Organization, 1972.

нее, имеет некоторую важность — но среда, в которой развивается действие повести, остается исключительно средневековой до мелких подробностей. Автор утверждает, что Титурелю, деду знаменитого рыцаря Парсифаля, было пятьдесят лет, когда ему явился ангел и объявил, что остаток жизни тому следует посвятить служению священному сосуду. После Титурель был препровожден в глухой лес, где стояла Гора Спасения Мунсальваш³⁶. Здесь он нашел собравшихся со всего света рабочих, которые должны были помочь ему возвести замок и храм Грааля — сам же священный сосуд в то время парил над этим местом в воздухе, удерживаемый небесными руками.

Итак, Титурель принялся за работу: вначале была вытесана ровная площадка на вершине горы — которая, как оказалось, состояла из оникса — и после полировки «засияла как луна». Вскоре Титурель обнаружил план здания: гравировку, таинственным образом появившуюся на этой сияющей поверхности.

На возведение храма потребовалось тридцать лет, и всё это время Грааль обеспечивал работников не только необходимым материалом, но и пищей. Уже тогда была известна роль Грааля—подателя, каковым он остается и поныне. Важнее то, что здесь мы видим куда более редкий случай непосредственного участия Грааля в строительстве собственного храма: он создает его части одну за другой, исполняя замысел, созданный не человеком.

После этого Альбрехт посвящает сто двенадцать строк столь подробному описанию храма, что читатель лишается последних сомнений в том, что автором описана действительно существующая постройка³⁷: храм высокий и круглый в плане, на его вершине огромный купол. Вокруг храма восьмиугольником размещаются двадцать две часовни, над каждой парой часовен стоит восьмиугольная колокольня, увенчанная крестом белого хрусталя и золотым орлом. Эти башни окружают главный купол красного золота, покрытый голубой эмалью.

Внутри ведут три входа: на севере, на западе и на юге, из которых текут три реки (реки, вытекающие из ворот — еще одна связь с древним образом Рая). Богатство внутреннего убранства совершенно немислимо — всё украшено изящно вырезанными деревьями и птицами, под хрустальным полом плавают искусственные рыбы, движимые потоками от скрытых воздушных труб, соединенных с мехами и ветряными мельницами. В каждой часовне стоит сапфировый алтарь,

³⁶ Которая после смешалась с реальным географическим местом: Монсегюром, крепостью катаров на юге Франции. Отсюда происходит традиция понимания катаров как хранителей Грааля, — теорию эту еще предстоит доказать, хотя ей есть некоторые подтверждения. Об этом я рассказываю в книге «Грааль: поиск жизни вечной» — *Джон Мэттьюз*.

³⁷ Альбрехт фон Шарфенберг, «Младший Титурель».

прикрытый зеленой парчой³⁸, все окна берилловые и хрустальные и украшены другими драгоценными камнями.

В самом своде Купола, по небу голубой эмали, усыпанному карбункулами—звездами, движутся заводные солнце и луна. Под ними, в самом центре храма, стоит его миниатюрная модель, украшенная диковиннейшими драгоценными камнями, а внутри нее сохраняется сам Грааль — микрокосмический образ всей тварной Вселенной.

Очевидно, что стихотворение Альбрехта призвано изображать Земной Рай. Такие детали, как три реки, общая планировка здания, застывших и совершенных в драгоценном величии искусственных рыб и птиц, поддерживают это предположение. Первое пристанище Грааля переосмыслено в средневековых образах, но остается копией, слепком с истинного храма, сущность которого оно лишь отражает.

Однако этот образ не сводится только к мифическим или литературным проявлениям. Возможно, у описанного Альбрехтом храма действительно был реальный прототип, о котором стало известно лишь в 1930-е, когда востоковед Артур Апхэм Поуп³⁹ возглавил экспедицию на территорию современного Ирана к древнему сасанидскому персидскому храму, известному как Тахт-и-Такдис, что значит «трон арок». Исследователи и ранее предполагали связь⁴⁰ между полуполюгендарным Тахтом и храмом Грааля, опираясь на литературное наследие. Но лишь после опубликования Поупом отчета о сделанных открытиях стало известно, что реальный Тахт весьма близок к образу, созданному поэтом XIII века.

Итак, площадка Тахт-и-Такдис сохраняет следы огромного центрального купола, окруженного двадцатью двумя боковыми часовнями (или арками), а также прочих архитектурных деталей, подобных тем, что описаны в «Младшем Титуреле». Здесь появляется даже объяснение «ониксовой горе» Альбрехта — в основании места раскопок были обнаружены залежи минеральных пород, которые после высушивания на солнце весьма напоминают оникс.

Раскопки Поупа также подтвердили наличие в Тахте полноценной обсерватории с золотыми астрономическими таблицами, которые можно было менять с наступлением нового сезона. Большой купол содержал карту звездного неба, и для упрощения работы с ней, она была установлена на ролики, а в скрытой яме день и ночь работали лошади, вращавшие купол — и положение искусственных звезд на

³⁸ Зеленый цвет часто связывают с Граалем. По некоторым версиям, сосуд первоначально был изумрудом в короне Люцифера, ангела света; в исламской традиции Черный камень Каабы, в котором мы узнаём образ Грааля, обернут зеленой тканью.

³⁹ Arthur Upham Pope.

⁴⁰ В частности, Ларс Ивар Рингбом (Lars Ivar Ringbom), «Graltemple und Paradies». Также статья Поупа «Persia and the Holy Graal» в первом номере «The Literary Review» за 1957 год, Нью-Джерси.

нѐм в любой сезон точно соответствовало положению реальных небесных светил. Литературные свидетельства таких персидских произведений как «Шахнаме» еще более подкрепляют верность указанных подробностей и проясняют природу проводившихся в храме обрядов. Это были сезонные ритуалы, связанные с сельскохозяйственными циклами, совершаемые королями—священниками древней Персии, что обеспечивало плодородие земли, и само продолжение жизни народа. Поуп считает, что красота и величие Тахта «должны были сосредотачивать благосклонное влияние и участие небесных сил», — вновь мы имеем дело с выражением желания пригласить непосредственное схождение Бога в рукотворный храм. И этот храм вращается подобно храму Грааля и, согласно некоторым источникам, стенам Рая Земного. А без живого присутствия Бога храм не может обрести завершенности.

4

Многие описанные свойства заставляют вспомнить о еще более известном храме — Храме Соломона в Иерусалиме, история которого неразрывно связана с Ковчегом Завета. Описание же ковчега во многом сближает его с Граалем. И история Храма Соломона — также история об избранной расе и ее взаимодействии с Богом.

Построенный для вмещения Шекины — Божественного присутствия — храм Соломона был воплощением идеи, начавшейся с откровения Моисея. Моисей создал первый табернаклъ, должный хранить Ковчег. Из этого священного убежища Бог говорил «над престолом милосердия, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения»⁴¹. Однако это жилище никогда не подразумевалось постоянным: Соломону было поручено приготовить место окончательного установления Ковчега в Иерусалиме.

Но даже и построенный Соломоном Храм был только отражением Небесного Храма, Трона Господня, созданного не человеческими руками; в нем обнаруживалась и другая, духовная жизнь, даруемая камнями—кристаллами, сгустками реки Джобел, текущей из рая. В определенном смысле, образ Храма заслоняет собой другой образ: связь небес и земли является частью таинства Рая и, следовательно, Грааля, который, в свою очередь, подобен Ковчегу Завета — емкости, где встречаются и смешиваются сущности Бога и его Творения.

Чуть глубже понять это таинство можно, обратившись к каббалистической традиции, согласно которой храм земной обладает «двумя пересекающимися аспектами: небесным и божественным»⁴². Моисей, получивший план храма почти так же как Титурель в поэме Альб-

⁴¹ Книга Исход, 25:22.

⁴² Книга Зоар в изложении Ли Шеепа (Lee Schayer) в «The Meaning of the Temple» из «Sword of Gnosis», 1974.

рехта, смог наблюдать за исполнением таинства в божественном измерении, где первосвященником был архангел Михаил. А за пределами этого измерения существует еще более возвышенное и тайное святилище, где «первосвященником» является сам «божественный свет»⁴³.

Итак, таинства Грааля, раздельно проводимые в разуме, сердце и духе, вторят созданию святилища Соломона в Храмах Земли и Небес и Храме Света. Паломников, входивших в его внешний двор, уверяли, что они достигли Рая; в святая святых, обители ковчега или часовни Грааля, раскрываются таинства небесного мира, где отступают заботы ума и тела, а освященное сердце начинает новую работу. Немногие, пустившиеся в поиски Грааля, помимо Галахада, пробираются еще дальше — они считаются ушедшими в Рай. Как будто, выглянув в окно, вдруг зришь за пределы суетного мира, видишь небеса, и тут обретаешь способность проникнуть взором еще дальше — сквозь все темные бездны космоса открываешь сам Трон Господень, растворяющийся в свете.

Неподготовленный, Ланселот был сбит с ног и полуослеплен этим светом. Лишь его сыну Галахаду было дозволено заглянуть прямо в сердце Грааля, и только по прямому приглашению Бога. Галахаду было дано узнать ответ, повторно обрести непрекращавшееся приглашение Бога человечеству: войди в храм, воздвигнутый в Мою честь.

Из немногих существующих небиблейских упоминаний о Храме Соломона, одно из наиболее интересных — сообщение исламского историка Ибн Хальдуна: он утверждает, что убежища под храмом, обычно считающиеся конюшнями Соломона, служили совсем другой цели; внутренние своды были устроены для создания вакуума между землей и самим зданием, так, чтобы никакое злонамеренное влияние не могло проникнуть в храм снизу⁴⁴.

Здесь мы наблюдаем дуалистическое противопоставление темных сил земли силам небесным — при этом нам известно об устройстве греческих и римских храмов, где простирающийся под землей адитум был не менее, а то и более важен, чем надземное сооружение, и служил местом встречи подземных богов и их почитателей.

Ко временам средневековья, когда площадка бывшего Храма Соломона стала мусульманской святыней, пространство, упомянутое Ибн Хальдуном, приобрело известность, как точка входа и выхода духов умерших — никаких же надземных построек в то время уже не существовало. Крестоносцы, однако, продолжали называть это место *Templum Domini*, и оно было священным для трех крупнейших религий того времени: для евреев это было место Соломонова жертвенника всесожжения, а для мусульман — местом восхождения Пророка на небеса, некоторое время соперничавшее с Маккой (Меккой). Этому месту была приписана способность «парить над землей». Так, географ Идриси в

⁴³ То же.

⁴⁴ Ибн Хальдун, «Мукаддима».

1154 году назвал его «камнем, который восстал и пал» (*lapis lapsus exilians*), что любопытным образом напоминает описание Грааля Вольфрамом фон Эшенбахом в «Парцифале» как *lapis exilis*, иногда объясняемое как «камень, упавший с небес». Кажется, такова парадигма всей истории Грааля и построенного для него храма: Грааль, возникший в Раю, также «пал», когда Сиф принес его в этот мир. Христос использовал его в первом Причастии — и Грааль обрел священность, а мир, подобно утерянному раю, был искуплен, так что и Грааль снова «возносится». Кроме того, и камни, использованные при постройке храма, и план его возведения могут считаться «упавшими с небес».

Храм Соломона в истории западного мира имел несколько подражаний, и одно из них представляет интерес для нашего исследования храма Грааля. Во время крестовых походов среди рыцарей-крестоносцев распространился обычай откалывать кусочек скалы, на которой некогда стоял Храм. Воины увозили их домой как талисманы, свидетельство их путешествия на Святую Землю. Один французский рыцарь по имени Арнул Старший в 1177 году вернулся домой в Ардр с таким камнем, а также фрагментом Копья Антиоха и небольшим количеством манны небесной (способ, каким он заполучил манну, не связан с нашей темой). Согласно латинской «Хронике» Ламбера Ардрского, Арнул построил замок для хранения этих священных реликвий.

Планировка замка была непростой: комнаты внутри комнат, никуда не ведущие винтовые лестницы и лоджии или крытые галереи (имевшиеся и в замке Грааля в описании Кретьена), а также «оратория или часовня, построенная подобием Храма Соломона»⁴⁵. Согласно Ламберу, именно там Арнул сохранял привезенные реликвии; интересно отметить, что набор предметов точно соответствует дарам Грааля: копье долгое время отождествлялось с оружием, пронзившим бок распятого Христа, и фигурировало в убранстве храма Грааля. Манна, святая небесная пища, является веществом, даруемым Граалем — в физической или духовной форме. Камень из Иерусалима был частью камня «восставшего и павшего» и тем напоминает камень Грааля в описании Вольфрама. Итак, в храме или замке, построенном по образу Храма Соломона, были собраны все элементы истории о Граале, привезенные из Святой Земли.

Однако связи с Соломоном и его Храмом в честь Бога не завершаются и на этом, имеются еще два важных факта. Первый касается ковчега Завета, который можно считать Граалем соответствующей эпохи. Согласно устоявшейся эфиопской церковной традиции, перед разрушением Храма Грааль был увезен из Иерусалима Менеликом, сыном Соломона и Царицы Савской, и по-прежнему сохраняется в соборе Аксума в современной Эфиопии и остается сердцевиной свя-

⁴⁵ Urban T. Holmes, «The Arthurian Tradition in Lambert D'Ardres», в №25 «Speculum», 1965.

щеннодействия. Его называют «Таботом» (от арабского «tabut ‘al ‘ahdi» — Ковчег Завета). Во время празднования Крещения его с песнями, танцами и пиршеством несет особая процессия — это напоминает времена, когда «Давид и весь дом Израилев несли ковчег Господень с восклицаниями и трубными звуками»⁴⁶. Копии Табота хранятся в каждой эфиопской церкви, причем, если церковь достаточно велика, чтобы иметь святую святых, то воплощение Ковчега хранится именно там, как это было в былые времена в иерусалимском Храме Соломона.

Возможно ли, что это также является частью истории Грааля? Указывалось⁴⁷, что истории о предпринятом сыном королевы-вдовы поиске священного предмета вполне могли добратся до запада, и там лечь в основу другой истории о ребенке без отца (Парцифале), пустившимся в подобное приключение. Прибавьте к этому сущность самого Ковчега, а также тот факт, что единственный источник (кроме «Кебра Негаст», в которой эта история излагается полностью) имеет арабское происхождение — а значит, полумифический Флегетанис, якобы открывшийся Вольфраму, вполне мог быть действительным распространителем этого сюжета. Подобно тому, как Флегетанис/Вольфрам говорят о том, что Грааль принесен на Землю отрядом ангелов, и здесь «христианское потомство, рожденное к чистой жизни, владеет обязательством сохранять его»⁴⁸, так и «Кебра Негаст» говорит о Менелике, сыне Соломона и Царицы Савской, привезшем Ковчег из Израиля, и поместившем его в особо охраняемый эфиопский *temenos*.

Можно добавить еще два соображения. Мы знаем, что случилось с Ланселотом, вошедшим в часовню Грааля для того, чтобы помочь «блаженному старцу в церковном облачении», проводившему мессу. Несмотря на чистоту намерений, ему не было позволено прикоснуться к таинству или узреть его. И также, в истории о путешествии ковчега из Гебы, описанном в «Книге Царств», мы читаем, что на неровных дорогах у гумна Нахонова бык, тянувший повозку с ковчегом, начал лягаться и брыкаться и «опрокинул Ковчег набок; тогда Оза протянул руку, чтобы придержать его. Его поспешный поступок вызвал божественный гнев; Господь поразил его, и он умер там, подле Ковчега»⁴⁹.

Вновь таинство оказывается слишком великим, чтобы неподготовленные смотрели на него или прикасались к нему. А в поэме о Граале Робера де Борона мы читаем историю Саррацинты, жены короля Сарраса Эвелака, чья мать некоторое время также исполняла охранение Грааля. Грааль имел вид облатки, хранившейся в ящике—

⁴⁶ 2-ая книга Царств, 6:15.

⁴⁷ Helen Adolf, «Oriental Sources for Grail Romances» в №72 «Publications of the Modern Language Association», 1947.

⁴⁸ «Парцифаль» Вольфрама.

⁴⁹ 2-ая книга Царств 6:8.

ковчеге⁵⁰. Ей, по крайней мере, было дозволено прикасаться к нему без вреда для себя, но в мифах такие случаи редки — вначале герой должен посетить Храм Грааля и преодолеть тамошние опасности.

5

Мы уже заметили, что в планировке храма чаще всего встречаются круг и квадрат. Значение этих форм можно прояснить в свете того, что нам известно о строительстве городов римлянами. Кроме того, мы проведем параллели с приключениями Гавейна в замке Грааля.

Как считалось, все римские города основаны на боговдохновенном плане, открывшемся Ромулу во сне — подобно Храму Грааля в описании Титуреля. Римский город, на самом деле, складывается из двух отдельных планов, вместе составляющих целостный образ города: это формы круга и квадрата; Рим выстроен на основе прямоугольника, как четырехстенный земной Рай.

Urbs quadrata поделен на четыре сегмента двумя перпендикулярами *cardo* и *decumanus*. *Cardo* соответствует оси, вселенскому дереву, вокруг которого вращаются небеса, и, таким образом, указывает на тот же искусственный, вдохновленный наблюдением звезд план, что лежит и в основе Тахта и Храма Грааля. *Decumanus* (от «decem» — десять), пересекаясь с *cardo*, образует равносторонний крест. В точке пересечения располагались храмы небесных богов — мужского пантеона, унаследованного от греков. Вплотную к *urbs* стояла твердыня холма Палатин — округлая форма, известная как *mundus* — обитель темных богов подземного мира, место почитания более древнего женского начала, Матери-Земли, Темной Богини, хранительницы тайн рождения и смерти. Именно поэтому в центре *mundus* находился прикрытый камнем колодец, и камень этот, *lapis manialis*, поднимался лишь три раза в год для того, чтобы души мертвых могли войти и выйти. Таков был обычай и предшествующих греческих храмов, позже воспринятый и строителями Храма Соломона.

Здесь мы видим еще один пример признания тайной тьмы, скрытой в центре всего сущего — древнее поклонение Матери существует наряду с почитанием мужских богов; это сочетание изображено формами круга и квадрата.

В Храме Грааля, известном как Замок Чудес, совершается приключение Гавейна и здесь происходит встреча с волшебной шахматной доской. Гавейн, солнечный герой, чья сила растет до полудня и убывает к вечеру, входит в круглый замок, пространство женственности, где находит шахматную доску с фигурами, подвижными силой мысли игроков. Гавейн начинает игру с невидимым противником и проигрывает. Рассердясь, он хочет швырнуть доску с фигурами в окно,

⁵⁰ Робер де Борон, «Иосиф Аримафейский».

в ров — и тогда из воды поднимается женщина, не веящая ему делать так. Ее одеяние, красное или черное и усыпанное звездами, позволяет узнать в ней некоторое проявление Богини. Укорив Гавейна за злобу и бездумность, она становится его союзницей и наставницей, впоследствии являясь в ином облике и помогая в поиске Грааля.

Не нужно сильно напрягать воображение, чтобы увидеть в этом сюжете те же составляющие мужественности и женственности, что всегда связываются с храмом: Гавейн входит в круглый *temenos* (женственность) и обнаруживает в нём квадратную шахматную доску (мужественность), которая к тому же покрыта черными и белыми клетками — что еще раз иллюстрирует принцип сочетания двух противоположных начал. Когда Гавейн пытается выбросить доску, один из ликов Богини препятствует ему, и учит необходимости установления равновесия между двумя составляющими его природы, мужественностью и женственностью.

Тот же образ вновь и вновь проявляется в других историях мифа Грааля, возвращая нас к теме Храма Соломона и Ковчега Завета.

У Мэлори и в прочих источниках мы находим великое множество упоминаний Корабля Соломона — таинственного судна, перемещающего рыцарей-странников или даже сам Грааль, между повседневным миром и безвременным, беспространственным царством священного сосуда. На самом деле, этот корабль даже еще более таинственный, оказываясь своего рода мистической машиной времени, запрограммированной нести послание Грааля сквозь века, соединяя время Соломона со временем Артура.

Судно было построено не самим Соломоном, а его женой, которая в средневековой «Золотой Легенде» названа Сибиллой, но отождествлена с Билкис — Царицей Савской. Она, согласно другому преданию Грааля, отдала золотой сосуд Соломону в качестве свадебного подарка — эта чаша позже стала реликвией и сохраняется в Кафедральном соборе Валенсии как своего рода Грааль⁵¹.

Согласно истории «Поисков святого Грааля», на борт корабля были перенесены определенные предметы, а после он безо всякого экипажа отплыл, дрейфуя во времени и пространстве ко времени очередного развертывания приключения Грааля. Вот список этих предметов: корона Соломона, меч царя Давида, великое ложе, предположительно, изготовленное из Древа Креста, а также три ветви Райского Древа Познания: красная, белая и зеленая — сложенные треугольником над кроватью и служащие для подвешивания балдахина.

Неудивительно, что на Корабле Соломона мы обнаруживаем райские образы — поскольку судно очевидно является воплощением Храма, на этот раз пустившегося в плавание через воды времени,

⁵¹ Estha Quinn, «The Quest of Seth, Solomon's Ship and the Grail», в №21 «Traditio»; этой статье я обязан детальным рассмотрением судна Соломона — Джон Мэттьюз.

стремясь в царство Грааля. Возможно, важнее всего то, что на его борту есть древесина того дерева, которое предположительно выросло из ветви, унесенной Адамом и Евой из Рая и посаженной ими в Землю. В средние века была широко распространена вера в то, что из его древесины был сооружен крест распятия, а часть его использовалась при создании Ковчега Завета. Присутствие этой древесины на борту плавучего храма Соломона позволяет высказать некоторые захватывающие предположения. Корабль, как уже было сказано, был построен по велению жены Соломона — и это еще более склоняет нас к усмотрению в нём выражения архетипа женственности, часто отождествляемого с сосудом, но иногда действительно изображаемого в виде корабля⁵². Тогда он оказывается прообразом всех традиционных изображений человеческого сосуда, недр земли и лона женщины; Мария подобна живому Граалю, нося в себе Светоч Мира и кровь, которая через многие годы прольется в Чашу — которая тогда станет новым Граалем. Этот женский храм вмещает образы царственности: меч и корону, а также три ветви Древа Познания, окрашенные в красный, белый и зеленый цвета алхимического делания. В таком толковании миф становится понятнее: его можно считать выражением присутствия мужского начала в женском — квадрата в круге; полным раскрытием всех граней Храма Грааля.

В развертывании приключения рыцари Грааля на короткое время оказываются на борту таинственного судна. Когда успешно совершается исцеление раненного короля, Галахад и его соратникам надлежит доставить священный сосуд в Саррас — святой город, образ земного Рая. Они отправляются в путь на плавучем Храме Соломона, а уподобившийся Христу Галахад ложится на великое ложе из древа креста, тем самым проходя через муки распятия и завершая делание Грааля в своей эпохе.

Всё же, можно думать, что по смерти Галахада корабль возвратился к здешним берегам, вновь возвратив Грааль, и ожидает следующего искателя, а также нового искупления, способствующего и искуплению той давней эпохи, когда впервые произошло катастрофическое событие разделения. Возможно, и наше время станет временем нового приключения.

Однако образ храма как судна, а Грааля как человеческого сосуда, подводит нас к самой глубинной сути Храма Грааля, да и вообще храма как такового — Храма в человеке, представление о котором было распространено с древнейших времен. В «Чхандогья-Упанишаде» утверждается, что:

В середине Замка Брахмы, нашем теле, есть маленькое святилище в форме цветка лотоса, а в нём есть маленькое пространство. Мы должны отыскать того, кто живет в нём, и

⁵² Вспомним образ Девы как сосуда в евангелии от Матфея.

*захотеть узнать его... потому что в нём вся вселенная, и он живет в нашем сердце*⁵³.

Мы можем подставить в эту формулу элементы иной эпохи: в центре замка Грааля, нашего собственного тела, есть святилище, а в нём — Грааль сердца. Нам должно стараться, чтобы узнать и понять этого внутреннего жителя. Это скрытая в каждом из нас частица божественного, подобная искре непадшего создания, которое, как считали гностики, находится в плену человеческой оболочки. Этот свет сияет в каждом, а подлинное приключение Грааля состоит в уловлении этого света, поднятии его на поверхность, питании и поддержании его жизни, пока его сияние не насытит мир.

«Chaque homme porte à jamais l'âge de son temple» — «каждый человек одного возраста со своим храмом», — написал Анри Корбен, добавив, что завершение строительства храма на Мунсальваше стало для Титуреля вторым рождением. В следующий раз мы видим его через четыреста лет, совсем не постаревшим. Храм Грааля на самом деле божественно очищает ищущие его души. Он — своего рода райский суд: его стеклянные стены, подобно полу Храма Соломона, отражают подлинную сущность искателя и требуют от него *познания самого себя*.

Человек и *есть* храм — к такому выводу приходят настолько разные писатели как Корбен, Шваллер де Любич, Ф. Блай Бонд и Кейт Кричлоу. Человек должен сделать себя храмом, готовым принять Бога. Меч—мост и вращающаяся дверь, гибельное ложе и ослепительный свет Грааля испытывают самого человека. Представление об этом возникает при египетских фараонах, если не раньше — в пещерах первых людей, и развивается в платонизме и неоплатонизме. Здесь храм, изобращаемый сферой, является микрокосмическим выражением красоты и единства творения — это отражение Вселенной в душе действительно становится «мостом для воспоминания или созерцания целостности всего сущего»⁵⁴. То же можно сказать о Граале.

Таковы истоки храма света (haukat al-nur), того макрокосмического храма, который лежит в основе исламского мистицизма, и о котором суфийский мистик Ибн аль-Араби говорит: «О древний храм, ради тебя восстал свет, сияющий в наших сердцах»⁵⁵, а комментарий добавляет: «сердце познающего, хранящее в себе правдивую реальность, является храмом».

И здесь мы вновь возвращаемся к Соломонову Храму Грааля, образ которого, вместе с образом земного рая, преобразившись, вошел и в артурианский цикл Грааля. В свою очередь, этот мир преобразуется в райскую обитель первозданной невинности, изначальный дом

⁵³ Упанишады 8:1.

⁵⁴ Упомянутое издание Кричлоу.

⁵⁵ Ибн аль-Араби, «Tarjuman Al-Ashwaq».

священного сосуда, обладание которым, как говорит Генон, «воплощает сохранение предначальной традиции в конкретном духовном центре». Этот центр — сердце.

Ибн аль-Араби писал⁵⁶, что последний истинный человек родится в роду, происходящем от Сифа. Нет ли в этом утверждении подсылки, указания на судьбу носителя Грааля, который будет среди нас в момент следующего «освящения» божественного сосуда? Все рыцари Грааля были последователями Сифа, первого искателя, а их приключения являются очевидными отражениями человеческого желания пережить опыт божественного. Большинство из нас, отправившись в храм неподготовленными, вероятно, разделили бы участь Ланселота. Однако Храм Грааля существует, чтобы показать нам, что путь к нему достоин прилагаемых усилий, что возможность достичь центра существует, если только мы будем внимательно слушать его послание, обращенное к нам.

Однако что случится, когда мы, наконец, придем к сердцевине? Еще раз пересмотрев то, что нам стало известно об образе храма земного и небесного, мы начнем постигать ответ.

Все храмы остаются незавершенными, поскольку целостность им обеспечивает только прямое участие Бога, который должен простираться вниз, принимая восходящие молитвы его творения. Так же и с Граалем — его необходимо освятить, завершить прикосновением, творящим кровь из вина и плоть из хлеба. Грааль будет целостен лишь когда наполнится, и не случайно он чаще всего принимает форму кубка. Образ священной встречи высшего и низшего, божественного и тленного, может быть выражен изображением двух наложенных друг на друга треугольников с пересекающимися вершинами. То же происходит и в святилище храма — лучше всего этот образ представляет, как мы уже видели, *vesica piscis* или два пересекающихся сцепленных круга, которые могут обозначать Бога и человечество. В их центре, вне времени и пространства соединяются противоположности: мужское и женское, тьма и свет, представленные в истории о Граале образом шахматной доски.

Мы также видим, что в человеческом храме это выражается необходимостью для каждого тянуться вверх и переживать некоторую встречу на середине пути. Все мы в какой-то степени, в большей или меньшей, являемся Граалем. Однако мы пусты, до тех пор, пока не подставим себя заполняющему свету.

Давайте еще раз взглянем на некоторые символы, постоянно возникавшие в нашем исследовании, поскольку необоснованные слова и чистая умозрительность не могут служить выражением комплексу представленных идей. В *vesica piscis*, простом образе, с которого мы начали, уже содержится большая часть истории. Если убрать два внешних края окружностей, получатся очертания Грааля; если повер-

⁵⁶ Ибн аль-Араби, «Геммы мудрости».

нуть ее набок, она не изменится, но будет уже изображать Грааль как храм: надземное здание, подземный адитум.

Можно трактовать и иначе: Бог и Богиня, а между ними, там, где встречаются время и пространство, находится человечество. В *temenos* между ними — примирение противоположностей, совершенство священного пространства, осененного прикосновением божественного, проникновение нетленного в изменчивое время, в опыт человеческой жизни. Этот опыт может быть изображен как обмен, и мы предлагаем Богу не меньше, чем Он нам — как мы предполагали ранее, образ храма обозначает как творение богами, так и развитие самих богов.

Образы корабля и замка, шахматной доски, *urbs quadrata* и *mundus* римского мира, также приходят к гармонии в точке взаимодействия. Целью посещения Гавейном замка Грааля было смирение и осознание узора жизни — черных и белых клеток, мужского и женского в равных выверенных пропорциях. Невозможно переоценить важность сосуда, вместилища. Нижняя часть Грааля принадлежит этому миру, пронизает пространство и время, а верхняя часть уже находится в райском состоянии за пределами того и другого. В центре всего этого находится Храм, священное пространство в сердцевине круга, адитум, простирающийся под землей, но открытый небу. Так, древние храмы были простейшим и наиболее прямым средством связи с божественным — сегодня же простейшим средством стало построение внутреннего храма, храма сердца. Относительно того, как глас Божий, Его Слово, откликается в человечестве, гностическое «Подлинное Учение» сообщает: «Точно также неразумный человек слышит призыв, но не знает места, откуда его позвали. И он не догадывается спросить: “В каком месте тот храм, в который мне нужно идти, чтобы поклоняться в нём моей надежде?”»⁵⁷. Едва ли можно выразиться яснее. В приключении Грааля неспособность задать ключевой вопрос стала причиной неудачи многих рыцарей, добравшихся до замка — Ланселота и всех других, не слушавших Голос Света.

Каббалистическое учение гласит, что «разрушен был храм, а не сокрытый в нём путь очищения, освещения и объединения». Ведь когда совершенная душа человечества «поднимается подобно благоволиям с золотого алтаря сердца и проходит через самые сокровенные

⁵⁷ Здесь и далее — цитаты из текстов библиотеки Наг-Хаммади в переводе Джеймса Робинсона (James M. Robinson), 1977.

покровы его существа к внутренней святая святых», тогда два херувима, охраняющие ковчег Завета (сердца) «объединяются в присутствии Того, в Ком душа узнает свою вечную жизнь и свой собственный союз с Ним. С этого момента душа зовется вечно «живущей» [хайя], «одной и единственной» [йехида]» — совершенной. Свет нисходит подобно языкам пламени на всех, кто достигает центра храма и находит там трон Господень в сердце Его творения.

Такова была цель всех рыцарей Грааля, *храмовников* Вольфрама фон Эшенбаха, королей-священников, построивших Тахт-и-Такдис или римские капитолийские храмы. До них люди воздвигали каменные круги, желая отобразить танец космоса и ожидая того момента, когда Бог протянется вниз и освятит своим прикосновением людской поиск. Так и мы, современные искатели Грааля, ждем того прикосновения, что пробудит внутренний свет — как должно ждать всем, желающим войти в Храм Таинств.

Хелен Люк «Возвращение Диндрейны»

Кажется, мало кто обращает внимание на то, что божественный сосуд всегда стремится разыскать рыцаря, воплощающий в приключении именно мужской принцип. Возможно, так получается потому, что Грааль сам по себе — символ женственности, а также просто потому, что женщине нет нужды искать, поскольку она и является сосудом Святой Крови; храня в себе архетип Девы, скорее является носителем Грааля, а не искательницей. И потому каждая женщина может дать рождение новому Господину Грааля. Именно к этим «целостным женщинам», священницам Грааля, нам стоит обратиться в поисках просветления, а вместе с тем осознать, что секрет Грааля был нам всегда известен, хотя мы и не могли воспринять его; подобным же образом мужчины не признают в себе женское начало, а женщины — свою символическую мужественность. А из осознания присутствия этих незамечаемых частей рождается новое совокупление расщепленной божественности, взаимопроникновение на всех уровнях, дарующее невиданный ранее исцеляющий лик творения — подлинную сущность Грааля.

Карл Густав Юнг, говоря о дремлющих в бессознательном архетипах, указывает на условия их пробуждения: архетип вступает в силу, когда неустойчивость однобокого образа мышления, возобладавшему в конкретные времена и месте, требует срочного вмешательства компенсирующего импульса. К концу первого тысячелетия христианской эры отвержение тела, женского начала, вещества и вещественности достигло предела: появилась вера в то, что материальный мир является порождением дьявола, а прежде существовало даже движение внутри христианства (впрочем, не получившее распространения), отрицавшее наличие души у женщин. В письме от 1953 года Юнг говорит, что период XII и начала XIII века стал свидетелем «... начала латинской алхимии и естественных наук, а также женского религиозного символа, Святого Грааля»⁵⁸.

Грааль поистине являет собой высший образ утраченных ценностей; ибо все существующие вещи, без сосуда женственности (который вместил бы их в себя), пребывают в неосмысленном хаосе, не имея возможности быть соединенными друг с другом. Грааль — чаша, утоляющая сущностные потребности абсолютно каждой жизни; это кубок, что вмещает таинство крови и духа; это материнская утроба, плоть самой Марии. Без сосуда невозможно никакое преобразование

⁵⁸ C. G. Jung, «Collected Works», том 18.

— ни приготовление пищи, ни химический опыт или алхимический поиск «Золота», ни просветление в душе человека, ни вочеловечивание Слова, чтобы оно жило среди нас.

Прошло еще одно тысячелетие с тех пор, как легенды Грааля вышли на поверхность бессознательного — а их жизненная сила ничуть не уменьшилась. Раз за разом поэты и сказители вдыхали в них новую жизнь, по сути, воссоздавая их. Необходимость в признании женственности не стала менее острой с XII века, наоборот — только усилилась в эпоху технологии.

То множество легенд, что окружает образ Грааля, как правило, описывает странствия рыцаря, мужчины, блуждающего по собственной душе, надеясь в ней отыскать смысл Грааля. А ведь освобождение женщины и борьба за равенство в прежде мужских сферах деятельности требуют и от нее большей самоосознанности и знания символов, глубочайших архетипов женственности. Многие же современные женщины презируют саму природу женского естества: того, что вмещает и взращивает, оставаясь недвижимым, что откликается людям и событиям, не имея желания использовать их или манипулировать ими, того, что безмолвно сохраняет таинство жизни. И если женщины не сами обращаются к поиску внутреннего Грааля — несомненно, что их вновь обретенное равноправие в прежде мужской сфере деятельности потеряет свою осмысленность и станет очередной «Бесплодной землей». И всё же, величайшая надежда на будущее заключается в том, что прямо сейчас столь многие женщины сознательно вступают на путь поиска, отправляясь в личное приключение.

Чарльз Уильямс, умерший в 1945 году, был, на мой взгляд, одним из величайших воссоздателей мифа Грааля в XX веке. Непросто читать стихотворения его артурианского цикла, часто настолько туманные, что даже его друг Клайв Стейплз Льюис, старавшийся предоставить им комментарий⁵⁹, время от времени вынужден был признавать свою беспомощность. Однако чем чаще возвращаешься к чтению их, тем живее они обращаются к воображению, особенно благодаря тому, как глубоко поэт зрит в сущность женской натуры. Нам оставлены блестящие и незабываемые образы.

Я предложу к обсуждению два стихотворения: «Талиесин в розовом саду» и «Последнее путешествие»⁶⁰. Всё же, вначале следует рассказать кое-что о персонажах легенд, образы которых эти стихотворения используют; итак, Диндрейна — сестра сэра Персиваля, упоминаемая в «Смерти Артура» сэра Томаса Мэлори (хоть Мэлори и не называет ее по имени). Уильямс, опираясь на валлийские источники, называет ее Диндрейной, и, иногда — Бланшфлёр, как она названа во

⁵⁹ C. S. Lewis, «Arthurian Torso», 1948.

⁶⁰ Charles Williams, «The Region of the Summer Stars», 1950 и «Taliessin Through Logres», 1938.

французских стихотворениях. Талиесин, о котором Мэлори не говорит, был легендарным валлийским бардом и провидцем — дважды рожденным ребенком, испившим из котла мудрости богини-матери, Керидвен. Уильямс сделал его главным персонажем многих своих стихотворений, королевским поэтом при дворе Артура. Талиесин в историях Уильямса любит Диндрейну и любим ею; они совершенно преданы друг другу, но их любовь не имеет плотского венца, потому что оба свободно и сознательно избрали блюдение обета безбрачия.

Гвиньевра в поэме о розовом саду — королева Артура, чья влюбленность в друга короля, Ланселота, определяет окончательный раскол братства Круглого Стола и гибель Артура. В другом, одном из последних стихотворений цикла, мы видим сэра Галахада, сэра Персеваля и сэра Борса. Согласно Мэлори, это рыцари, нашедшие Грааль, и с ним на борту пустившиеся в плавание к Саррасу, месту вечности — удаляя священный сосуд из раздираемого войнами королевства Логра. «Логр» — тленное королевство Британии; Броселиандский лес в наших терминах означает бессознательное; Кавказия, согласно Уильямсу, означает плоть, а Карбонек — дух. Камелот — тленный город.

В своих стихах Уильямс часто повторяет одну фразу, указывая ей на целостность женщин, подобных Диндрейне: «Плоть знает то, что знает дух, но дух об этом знает» — выражая этими словами невинность материального, вещественного мира, сохраняющего бытность в себе — каждый камень, растение, насекомое и животное бессознательно исполняют свое предназначение, раскрывая свою природу. Но в человеке, со времен зарождения сознания (что описывает миф о грехопадении) появляется разделенность на противоположности: свет и тьму, мужчину и женщину, сознательное и бессознательное, добро и зло, противостоящие друг другу. Женское было отождествлено с плотью, мужское — с духом; но целостная женщина, пребывающая сама в себе, «знает о том, что она знает». Она включила жизнь духа в инстинктивную жизнь своей плоти, действуя на всех уровнях этого мира любовью — сознательным возвращением к единству всех противоположностей. То же, конечно, может сделать и мужчина, но обычно его путь зеркален и начинается с другой стороны.

Стихотворение «Талиесин в розовом саду» начинается так: королевский стихотворец гуляет среди роз, увлеченный поэзией, и встречает трех женщин у начала длинной садовой тропинки: королева Гвиньевра говорит с Диндрейной, а поодаль служанка занимается садовой работой. Красные вспышки рубина в кольце королевы и жар красных роз соединяются в воображении Талиесина с алыми каплями падающей крови, и он погружается в пространное размышление о природе женщины.

Гвиньевра была королевой; на ней лежала великая ответственность: для своей страны она была живым символом женственности в священном браке Земли и Небес, единства человечества с Богом, плоти, про-

никнутой духом, и в нужное время дающей рождение новому королю: «Пусть владычество королевы, славной в Логре, будет видно как Кавказия Карбонеку, как Логр Саррасу». Однако Гвиневра предала свое высшее призвание: «Украдкой она глядела на друга короля — Ланселота».

С самого начала Талиесин предвидит, что предательство королевой своей женской целостности, отказ принять великую ответственность, налагаемую королевской ролью символа (поэт называет ее «совершенной землей Логра») будет означать, что «льющаяся кровь», которая могла бы быть кровью искупительной жертвы, станет кровопролитием войны, несущей разрушения королевству, когда незаконнорожденный сын короля Мордред заставит его увидеть реальное положение дел — вынуждая начать позорную и губительную войну против друга Ланселота. Так обречена всякая цивилизация, если «королева» (ведущая женская роль, господствующий образ женщины) теряет целостность в сердце и опускается до «любви как избавления от напряжения», теряя верность подлинному эросу.

Может возникнуть вопрос, почему многие века женское прелюбодеяние считалось куда более ужасным проступком, чем мужское? Веками во многих странах женщину, изменившую мужу, осуждали на смерть. И господство мужчин над женщинами не было единственной причиной — имеется и фундаментальная психологическая обусловленность подобного суждения.

Сексуальная природа одинаково неразборчива и в мужчинах и в женщинах, но женщина гораздо ближе к бессознательному — и ей куда проще захлебнуться инстинктивностью и потерять человечность, если она отделит ощущения тела от чувствования ценностей. Плоть символически женственна, и потому мужчина часто видит в женщине свой глубочайший страх — ужас хаоса, отсутствия упорядоченности — то, что вечно угрожает отнять человеческое сознание. Эта боязнь, к счастью, теряет силу, и крайняя жестокость уже не является обычным отношением к сексуально неразборчивой женщине. Но женщина современности часто губительно игнорирует опасность вполне реального ущерба психе, наносимого телесными отношениями вне отношений умов и сердец. Возникают ли такие связи на протяжении всей жизни в браке или на одну ночь, не столь важно. Важность имеет глубина чувства, а не частота или длительность. Это не вопрос общепринятых запретов или морального осуждения; дело в фундаментальном различии мужского и женского психе.

Я, конечно, вовсе не желаю сказать, будто мужчина свободен от подобного чувства привязанности. Ни один человек любого пола не смог бы обрести целостность без полного осознания ценностей эроса и желания принять узы и жертвы, которых требует подлинная связь. Но, поскольку эти ценности являются господствующим принципом женственности, именно женщина подвергается куда более сильному риску распада личности, если предает их — а для среды, в которой существ-

ует эта женщина, такой распад может стать губительным. Именно Гвиньева, а не Ланселот, повинна в катастрофе.

В истории Ланселота и Элейны, где происходит зачатие героя Грааля, мы сразу чувствуем эти различия: обманутый Ланселот проводит ночь с Элейной, думая, что это Гвиньева — потому его действие ведомо не им самим, но неизбежной судьбой, и Ланселот сохраняет моральную чистоту. При этом невообразимо, чтобы принц Галахад, целостный человек, добывший Грааль, мог родиться от союза Гвиньевры и некоторого великого рыцаря, с которым она провела ночь, не зная о том, кто он такой. Символически это настолько неправильно, что мы отвергаем такую мысль. Элейна, мать Галахада, любила Ланселота той ночью и всегда после этого всем сердцем и душой, а также телом, пусть даже и не могла больше быть с ним, принимая боль этого знания. Разум говорит, что и Гвиньева любила Ланселота — они оба были одинаково виновны в предательстве короля, ее мужа и его друга. На некотором же уровне они были одинаково верны любви друг к другу. Почему же тогда Гвиньева не могла быть матерью принца Грааля, если Ланселот смог стать его отцом? Во-первых, конечно, потому, что Гвиньева, приняв Ланселота, в то же время должны была притворяться верной мужу. предав его, и отбросив свою роль королевы-символа, она уже не могла отдаться любви *полностью*. Но еще более важно то, что женщине абсолютно необходимо в области инстинктивного *осознавать свои действия*, как осознавала их Элейна, собираясь зачать божественного героя — не в рационально-аналитическом смысле, но в смысле осведомленности о собственных чувствах и ответственной преданности своим телу и сердцу. Будь она обманута, подобно Ланселоту, она была бы не женщиной, но только самкой (в наши дни, возможно, подражанием мужчине).

В начале стихотворения «Талиесин в розовом саду» представлена троица женщин: королева, дева (а в скором будущем — погруженная в размышления монахиня) и обычная работница. В каждой женщине присутствует каждое из трех этих обличий. Осознанно или нет, каждое действует во благо или во вред своей носительнице. Мы можем познать и прочувствовать «королеву» через осмысление ответственности не только за окружающих, но и за всё человечество. «Словами и делами благородный муж воздействует на небеса и землю даже оставаясь в своей комнате», — говорит Конфуций. Осознание символического могущества и воздействия на окружение всего того, что составляет нашу сущность — королевское качество; но, обладая свободой выбора, мы можем также, отождествляя себя с королевой, требовать постоянного первенства, защиты и службы, поклонения себе. Работница столь же важна: жить настоящим и выполнять всякую работу, которая оказывается сейчас необходимой, возделывать свой сад земной и сад психе. Без этого мы уже не люди, но, повторимся: если наш труд, ручной или умственный, полностью поглощает нашу лич-

ность — он становится очень эффективным способом ухода от реальности, и это вовсе не добродетель.

Эти две женщины из троицы нам прекрасно понятны. Но как же дева?

В наше время это слово стало почти унижительным. Мне рассказали, как двенадцатилетний мальчик в разговоре с матерью отозвался о девочке своего возраста: «Да она просто девственница», и пояснил: «девственница — это просто пустышка, скучная зануда».

Молодая женщина, сохранившая девственность лет до двадцати, часто чувствует себя неполноценной в сравнении с другими. Слово «девственница» в разговорной речи обозначает женщину, никогда не вступавшую в плотскую связь с мужчиной, но у этого слова есть и более древнее и глубокое значение: вне зависимости от сексуальной активности, девственница, дева — это женщина, не нуждающаяся в физическом единении с мужчиной, чтобы достичь целостности, поскольку она и так является любовницей своего внутреннего бога. Жизнь монахини всегда имела такое символическое значение: как Христова невеста, монахиня ищет внутреннего брака между человеческим женским и божественным мужским. Легко, однако, представить себе, как «призвание» к молитвам и созерцанию может послужить лишь вредоносному подавлению сексуального влечения. Непорочность, обозначающая чистоту сердца, часто понимается как непризнание инстинкта, отрицание его чистоты. Но нельзя стать «девой» в подлинном смысле слова, не пройдя сквозь пламя инстинктивных эмоций. Опыт прохождения через пламя всё же не обязательно проявляется на физическом плане, но определенно, пришло время не только вернуть истинный смысл слову «дева», но и уважение тем, чья внутренняя истина может требовать девственности в обыкновенном физическом смысле.

Роберт Гриннелл в книге «Алхимия в современной женщине»⁶¹, рассказывая о деле пациентки, страдавшей фригидностью, утверждал, что проблема могла быть вызвана ее завышенными идеальными представлениями о сфере эроса, а также неверным их толкованием в типично маскулинном ключе переоценивания физической близости. Гриннелл добавляет, что эрос в женщине можно назвать «своего рода женским сознанием», выводящим ее за пределы полномочий эго и возвышая над сиюминутными нуждами. Таким образом, обычная женщина превращается в женщину, которая «знает о том, что она знает».

Девственность и поиск внутреннего священного брака зарождаются в стенах монастырей, и сквозь долгие века этот великий символ сохраняется там. В наше же время лишь отдельные женщины могут вновь оживить его; одна придет к Богу посредством реализации своего сексуального потенциала, другая — через страдания в отсутствии секса, и обе будут «девами» в глубочайшем значении.

⁶¹ Robert Grinnel, «Alchemy in a Modern Woman», 1973.

Вернемся к нашему стихотворению: Талиесин, размышляя о мерцающем рубине, алой розе и проливаемой крови — и об их значении для женщины — зрит великий образ Зодиака. Каждый из 12-ти домов представляется ему дверью к целому, «всё сочетается в каждом». Однако Каин, убив Авеля, одним ударом разделил Зодиак, и из-за неупорядоченности домов, вступивших в войну с самими собой, потекла кровь, а обратный путь «вздымался за мерно капающей кровью». Пролитую кровь можно искупить лишь поднесением жертвенной крови.

После Талиесин, осматривая пораженный мир, услышал:

*Женщины повсюду рыдали проклятием,
А алтари Христа повсюду предлагали граали.
Хорошо знали, что не следует служить алтарю, те женщины,
которые, по самой своей природе, от Кавказии до Карбонека,
уподобляясь Распятию, жертвовали свою кровь.*

Ежемесячное пролитие крови женщиной служит внешним признаком и внутренним символом ее способности к деторождению. Я полагаю, Уильямс говорит о том, что менструальная кровь женщины является постоянным указанием на известную правду: после грехопадения, после раскола творения невозможно никакое «возвращение», никакое исцеление духа без подношения жертвенной крови. Если женщина или женский принцип в бессознательном мужчины не «кровоточит», то в этом мире нет творения — потому поэт говорит, что женщины «уподобляясь Распятию, жертвуют свою кровь». Рана в боку Христа стала раной в сердце Его чувственной природы — в расположенной в правом боку печени древние видели вместилище чувств и эмоций.

Ни один другой писатель, теолог или психолог, насколько мне известно, не сумел дать более глубокого и простого, более очевидного объяснения тому интуитивному отторжению, которое многие испытывают при мысли об отправляющей мессу женщине-священнице. Если поистине зрелая женщина, сознающая свой «анимус» (мужской принцип в собственном бессознательном) будет читать молитву или вести проповедь — это не будет оскорбительным. Но месса — *символический* обряд, а женщина, вне зависимости от того, насколько развит ее дух, всё же остаётся биологической женщиной. И потому Уильямс указывает на то, что поскольку женщина *во плоти* проливает отождествляемую с искупительной жертвой кровь — то в мессе она тем самым низводит Кровь Христову на неподобающий уровень плоти. И снова повторяя здесь «плоть знает то, что знает дух, но дух об этом знает», Уильямс говорит о символической роли женщины в ритуале — а символ женщины объединяет оба уровня реальности: дух и материю, внутреннюю и внешнюю правду.

Обычно, народные поверья туманно отражают значения и отношения символов. Во время Второй мировой войны я жила в маленькой

деревушке в Беркшире, где для нашей семьи стряпала местная женщина. Она сказала мне, что бесполезно пытаться готовить варенье или джем во время месячных — они просто не застынут! Другими словами, в такое время не может произойти преобразование: можно смешать отдельные ингредиенты, фрукты и сахар, но из их смеси не появится нечто третье, одновременно являющееся ими обоими и ни одним из них. Подобие преобразению хлеба и вина в причастии мессы очевидно. Хотя символы, спроецированные на процесс варки варенья, могут показаться бессмысленными в свете нашего научного знания — но древние символические истины, выражающие таинства бытия, всегда сохранялись (пусть искаженно) в фольклоре и ритуалах великих религий.

Хотя в древнем мире женское жречество было повсеместным, я считаю, жрицы никогда не занимались убийством жертвенных животных или подношением их крови. Женщины, разрывавшие жертвы на куски в дионисийских обрядах, совершали не священнодействие, но ритуальное высвобождение инстинктивной ярости. Жрицы, например, сивиллы, сохраняли связь с бессознательным через медиумические способности. Они поддерживали священный огонь, подобно девам-весталкам, выполняя великое религиозное предназначение женщин; однако они не использовали нож для жертвоприношения и не подносили жертвенную кровь. Скорее их задачей был сбор подземных вод из колодца бессознательного, чтобы община могла пить *aqua regmanens*, как алхимики называли воду жизни. В организованном христианстве никогда не было такого рода жриц — что говорит о выраженной односторонности христианской культуры.

Сегодня будет бесполезной попытка ввести новые ритуалы для принявших сан женщин. Подлинный ритуал рождается сам собой, а не измышляется; если его намеренно изобретать, он будет просто сентиментальной декорацией. Не поможет и дозволение женщинам принимать сан. Тем не менее, мы не можем повернуть часы вспять в приступе ностальгии. В большинстве протестантских сект, месса причастия является не действием символического преобразования, а памятной трапезой, так что служить ее могут безо всяких возражений и женщины — приведенные выше слова Чарльза Уильямса применимы лишь к католическим, православным и англиканским обрядам. Однако потребность в женщинах-священницах, возможно, является одним из показателей того, что для всё большего количества людей символическая жизнь постепенно покидает русла общественных институтов, не живет в них. Юнг неоднократно замечал, что в наступающей эпохе символы должны родиться в конкретной душе, в мужчине или женщине, в том, кто решится на одинокий поиск внутреннего Грааля — и это глубочайшая задача столь же приоритетна для членов церкви, как и для кого угодно другого. Каждая легенда описывает этот поиск как сущностно одинокий — индивидуальный, но успешное завершение приключения невозможно без осознания объективной связи с другими.

И связь эта вовсе не похожа на необоснованную «перемешанность», «равенство» или «всеобщность» — которая, наоборот, устраняет возможность всякой истинной встречи человеческих существ.

Как указывает К. С. Льюис в комментарии к стихотворениям Уильямса, менструальная кровь женщины отличается от крови животного в период течки — единственного времени, когда самка может зачать детеныша. Менструальное кровотечение женщины — также доказательство способности родить, но значимое отличие в том, что женщина может забеременеть в любое время. Начало месячных у девочек-подростков означает еще и психический раскол, подобный грехопадению — одновременно это начало сознательного пути возвращения для Евы и Адама. Здесь заканчивается невинная целостность детства, Райского сада; одновременно возникает желание достичь завершенности путем плотского союза с противоположным полом, символически продолжающееся до «закостенения» в менопаузе. В системе образов Платона первоначальное человеческое существо является сферой, которая, оказавшись разделенной пополам, вечно ищет возможности воссоединить свои половины.

Далее в стихотворении Уильямс указывает на сущностное подобие женской менструальной крови (говорящей о том, что зачатие не состоялось) — крови раненого короля Грааля, который истекает кровью потому, что не может воплотить в жизнь новое сознание Христа, Самость. Несколькими прекрасными строками Талиесин описывает, как женщина может сознательно родить нового хранителя Грааля внутри себя и исцелить тем самым рану в психе.

Но вначале Уильямс говорит о том, что природная женщина инстинктивно следует Единым путем: «Плоть женщины переживает приключение Грааля, в переменах от Камелота до Карбонека и от Карбонека до Сарраса. От зрелости до Карбонека — и после застывание, — от Карбонека до смерти. Благословенна та, что отправляется в это путешествие».

Камелот — человеческий город, достигаемый в половом созревании, он воплощает жизнь этого мира: потенциально творящая кровь начинает течение, а первобытная женщина обретает призвание жены и матери. Она привязывается к своему мужчине и принимает семя, рождает в муках — она представляет собой землю, без которой всякое творящее семя бесплодно. Однако при остановке этого потока крови, при менопаузе, когда она должна расстаться со своим желанием зачать и родить ребенка плоти, ее опыт жизни в «Камелоте» может привести ее к той инстинктивной мудрости, которую можно наблюдать у старых женщин, просто пустившихся в это путешествие — принявших «остановку крови», подобно тому, как они приняли боль и радости материнства. Они приходят в Карбонек, место, откуда можно уловить отблеск священного, лежащего вовне жизни, и оттуда в спокойствии отправляются к смерти. Благодаря щедрости и изобилию женской сущности, такая женщина целостна — хотя она не сознаёт своей целостности, в ней дух не знает того, что знает плоть.

Талиесин, сочиняя стихи в розовом саду, воспев поиск Грааля во плоти женщины и благословенность тех, кто просто рассеянно-собранно отдается естественному жизненному пути, переходит к следующей строфе и поет о благословенности сознательной женщины, выбравшей тот же путь:

*Фосфор философской звезды Персиваля
Освещает дороги Логра и Броселианда;
Счастлива та, что в свете Персиваля
Чувствует, как Галахад, спутник Персиваля,
восстаёт в ее плоти, а ее плоть сияет в Карбонеке с Христом,
В повороте ее тела, в повороте ее плоти, в повороте
Сердца, исцеляющего себя ради исцеления других,
Единственного сердца, исцелившего себя без других, когда
Господь наш вернул Скорпиона и восстановил Зодиак.
Благословенна та, кто опознает Горестный Удар
Исцеленный во плоти Пеллеса, во плоти женщины;*

Философская звезда Персеваля — образ небесной мудрости, свет парящего человеческого духа — сияет на дорогах этого мира и проникает в Броселианд — во тьму женского бессознательного. Счастлива та женщина, говорит Уильямс, что залита светом сознания и которая потому ощущает «Галахада» — нового целостного человека, восстающего к жизни в ней. На мгновение нас увлекает образ женщины, воспаряющей над землей и *становящейся* своего рода женщиной-Галахадом, но следующая строка тотчас возвращает нас к подлинной благословенности нового образа женщины. Она чувствует, как Галахад зарождается в ее плоти — разница в том, что она ощущает его *сознательно* в реальности своей женской природы и так полностью постигает истину своего сердца, любви одновременно личностной и внечеловеческой. Ее дух затем достигает зрелости и «она знает, что знает».

Лишь в Сердце-Самости исцеляется дух. Использование слова «Сердце» тут крайне важно. Как Джеймс Хиллман исчерпывающе показал в эссе о чувствах и чувствовании, наше время отчаянно нуждается в эросе — ценностях чувствования, ощущения, восприятия. У нас достаточно эмоциональных переживаний, испытываемых только ради них самих, и достаточно теоретических истин, — но подлинное ощущение, ведущее к восприятию нетленных ценностей, в наши времена встречается всё так же редко. Дорогу откроют отдельные сознательные женщины. Как сложно для мужчин, столь подверженных опасностям современности: одержимости разумом, технологией или собственной неразвитой и отрицаемой женственностью, найти смысл эроса без посредства истинных женщин, которые не только инстинктивно живут этими вещами, но и «знают о том, что знают»!

В 1947 году Юнг написал Аниеле Яффе письмо, прекрасно иллюстрирующее ценность для него, великого мужчины, чувственного ответа женщины, которая «знает что знает». Юнг благодарит ее за отзыв на об эссе о Троице:

«Я глубоко благодарен Вам за отклик на мою “Троицу”: представить не мог себе чего-то более красивого. Это “целостная” реакция, которая оказала на меня “целостное” воздействие. То, что я вообразил в своей работе — Вы прекрасно воплотили. Ваше письмо вновь показало мне, как многого мы лишены, оставаясь без всякого ответа или довольствуясь обрывочным откликом, и какова радость, когда всё иначе — когда мы получаем творческий резонанс, в то же время подобный откровению женской сущности. Это подобно тому, как вино после тяжелого труда, пота, беспокойств и забот, наконец, созревает и вливается в драгоценный бокал. Без этого вместилища и принятия, работа мужчины выходит в мир, будто беззащитный младенец, и творец провожает его с беспокойством и сомнением. Но когда душа открывается, принимая работу — это похоже на сеяние зерна в благодатную почву, или на то, как замыкаются вечером городские врата, позволяя горожанам вкусить покоя надежности»⁶².

После прочтения этих прекрасных слов особенно ужасной кажется позиция многих женщин, настолько деловитых и занятых отстаиванием личных или коллективных женских прав, что они сразу же отвергают образ и роль «ценного бокала» — Грааля женской сущности, принимающего вино тайнства, к которому многие смогут приобщиться в нужное время.

Давайте теперь вернёмся к этим странным словам: «Благословенна та, кто опознает Горестный удар, исцеленный во плоти Пеллеса, во плоти женщины» — так называемый Горестный удар причинил рану чреслам короля Грааля Пеллеса, истекавшего с тех пор кровью до появления нового человека, Галахада. Ранение короля отражалось в бесплодности окружающей замок пустоши. Что стоит за этими образами? К. С. Льюис не дает ответа в своих комментариях. Конечно, это образы ушедшего прошлого; прекращение выделения менструальной крови символизирует возвращение целостности раненого человечества в природной женщине, которая, с окончанием задачи воспитания детей, теперь с радостью и непротивлением смотрит в лицо смерти в последние годы — такое непротивление свойственно лишь тем, кто свободно отдавался переживанию как тьмы, так и света. «Благословенна та, что отправляется в это путешествие», — говорит Талиесин, но второе благословение другое: «Благословенна та, что может знать [значение этих вещей]».

⁶² К. Г. Юнг, «Письма», том I, 1971, 1973.

Примечательно, что столь многие современные женщины испытывают острые и болезненные физические и психические затруднения из-за менопаузы, которые часто затягиваются на годы, вызывая всевозможные отклонения. Болезненное состояние прячут за вывеской «перемен в жизни», но многие ли женщины действительно меняют свое отношение к миру, обращаются в самих себя, чтобы отыскать внутренний смысл и подготовиться к смерти, сознательно начав новый этап пути: «из Карбонека в Саррас»? Очень немногие. Большинство отчаянно цепляется за «Камелот», потому что никогда полностью не отдавались этому этапу пути — и теперь энергия, высвобожденная биологическими переменами, устремляется не к расцвету творческой деятельности Логоса внутри женщины, не к осмыслению противостояния воображения и смерти, — но пожирается порывами не включенного в структуру личности «анимуса», мужского компонента психе, становящегося теперь деструктивным, а не соединяющего женщину с внутренним духом. Рана, оставленная Горестным ударом, то есть разрыв между духом и плотью, в таких женщинах не исцеляется, но кровоточит еще сильнее. Так распространяется бесплодная земля и увядает сердце. Повсюду мы можем видеть женщин среднего возраста, заполняющих внутреннюю пустоту всё более лихорадочной внешней деятельностью, или отчаянно ищущих мужчину, любого мужчину или его подобие, в попытках сохранить иллюзию молодости.

«Благословенна та, кто знает, как исцелить Горестный удар» — в такой женщине и пролитие крови и прекращение менструального цикла становятся сознательной жертвой, исполненной значения. Она знает о «перемене в жизни» на всех уровнях и принимает ее всем сердцем.

Эти слова Уильямса: «Благословенна та, кто опознает Горестный удар, исцеленный во плоти Пеллеса, во плоти женщины» — явно вдохновлены самой странной из легенд «Смерти Артура» Мэлори. Когда три рыцаря: Галахад, Персеваль и Борс приближаются к концу поиска — к ним присоединяется сестра Персеваля, остающаяся безымянной у Мэлори, но Уильямс называет ее Бланшфлёр или Диндрейной. Мэлори рассказывает, как эта благородная женщина провела сэра Галахада к кораблю Соломона, который впоследствии доставит Грааль и трех рыцарей из Логра в Саррас. Здесь они встретили ожидающих сэра Персеваля и сэра Борса, а дама, исполняя свою роль связи с бессознательным, открыла им историю корабля, и меча, найденного на борту сэром Галахадом. Даже ее брат Персеваль не узнавал ее, пока она не назвалась дочерью короля Пеллинора. Затем все четверо отправились в последний этап поиска.

В странствии они оказались у замка, и вооруженные рыцари, вышедшие оттуда, попытались похитить принцессу, сестру Персеваля. Вспыхнула битва, но, в конце концов, странников убедили выслушать причину такого похищения. Госпожа замка была смертельно больна и долго пребывала в коме — но ей было предсказано исцеление благо-

даря крови принцессы королевского происхождения, девы. И потому каждую благородную женщину, проходившую этой дорогой, рыцари похищали в надежде на то, что она окажется спасительницей. Сестра Персеваля, услышав об этом, тотчас же назвалась принцессой–девой, и предложила добровольно отдать свою кровь госпоже. «Кто пустит мне кровь?». Одна из фрейлин подошла и надрезала ей руку, и кровь выплеснулась в чашу. Диндрейна отдала много крови и знала, что умрет. Заговорив с рыцарями, она просила не хоронить ее тело, но положить на корабль в ближайшем порту и пустить его в свободное плавание. «Когда вы прибудете в Саррас», — сказала она — «вы обнаружите там этот корабль с моим телом — и там я должна быть погребена».

И так она умерла — но госпожа замка встала со смертного одра. Три рыцаря вняли просьбам Диндрейны и, оставив ее тело на корабле, отправились в Карбонек, город Грааля, где Галахад исцелил раненого короля. Оттуда они вышли к морю и взошли на корабль Соломона, куда переместил себя Грааль. Затем, без парусов и весел, они переплыли море и прибыли в Саррас.

Эта легенда лежит в основе стихотворения Уильямса «Последнее путешествие». Воссоздавая эту историю, он умышленно показывает нам тело Диндрейны на одном корабле с Граалем и тремя рыцарями: Галахадом, который есть «алхимическое дитя», священный ребенок; Персеваль — звезда мудрости; Борс — обыкновенный практичный человек. Корабль вмещает четверицу, и все четверо уносятся в «духовное царство», где, в бессознательном, двое из рыцарей и мертвая женщина останутся с Граалем, пока он вновь не будет обнаружен, и только один Борс сразу возвращается в мир. Впереди лежали эпохи возрастающего внимания к человеку — Возрождение, эпоха Просвещения, индустриальная революция и наш век технологического материализма. Таково великое значение одиночного возвращения Борса: интуиция Галахада, внутренняя мудрость Персеваля и ценности женственности Диндрейны переместились в бессознательное.

Борс в поэмах Уильямса — муж и отец, твердо стоящий на земле хозяин, уверенный во внешней деятельности. Поэт изображает его стражем образа Грааля в будущих веках, но мы видели постепенное затмение простых человеческих ценностей Борса в бесплодности разума и технологии, отделенных от чувства. И сегодня назрел момент возвращения Грааля из Сарраса — время воскрешения Диндрейны.

История Мэлори о сестре Персеваля и ее крови, пролитой ради другой дамы, ее тесной связи с Граалем, насколько мне известно, не появляется больше ни в одном изложении легенды. Никто, кажется, больше не обращал внимания на этот эпизод, и вдруг поэзия Уильямса перенесла его в сердцевину последней сцены быстро удаляющегося Грааля:

*Пред штурвалом восходяще–заходящее солнце
Пожилось прямоугольным шафрановым покровом*

*на стол и бледное тело Бланифлёр;
Мать природы любовников, создание обмена,
Истекшее кровью чрез рану бедра —
Она приняла смерть другой, другая взяла ее жизнь.
Там, где все еще длился сегодняшний вечер,
в свете последних свечей Логра,
танцевала дама, радуя взор друзей; на ее
Щеках горел румянец из артерий сестры Персиваля.
Их разделял теперь измеренный шагами путь
от небес до земли,
И мертвая женщина ожидала свой черед и напряжения танца,
Там, где, управляя четверичным крестцом
Под шафрановым покровом радостное горе Бланифлёр
Вело вперед корабль Соломона (да будет он благословенен).*

Для меня эти строки звучат сильнее всего прочего цикла стихотворений, они переполняются смыслом, если мы только даем им «целостный отклик».

В переживании мифа Уильямсом, основанном на намеках Мэ-лори, Диндрейна, прежде всего — дева, пребывающая в себе, сопровождающая поэта Талиесина на всех уровнях — телом и сердцем, разумом и духом; она приемная мать Галахада, сестра Персеваля — мудрость женственности, необходимая его «философской звезде». Однако Логр, коллективная культура той эпохи, не был готов к появлению «новой женщины», кратко блеснувшей в истории. Женщина в коллективном смысле еще многие века должна подчиняться мужскому господству, находясь в неведении о том, что всегда известно ее плоти. Тем не менее, эта дама, «мать природы любовников, создание обмена», прежде чем исчезнуть вместе с Граалем, отдала жизнь своей крови, чтобы обычная женщина этого мира могла пронести ее жизнь в своем теле и сохранить для будущего. Больная находилась в коме — это «плоть», земля, долгое время презираемая христианством. Кровь Диндрейны, целостной женщины, дала ей возможность обновиться.

«Там, где все еще длился сегодняшний вечер, в свете последних свечей Логра, танцевала дама, радуя взор друзей; на ее щеках горел румянец из артерий сестры Персиваля».

Эта дама, танцующая в простом восторге человеческого общения, унесла в своих венах, бессознательно сохранила в глубине своего бытия жизнь «мертвой» женщины, чей дар «обмена» включал в себя небеса и весь мир.

«Их разделял теперь измеренный шагами путь от небес до земли, и мертвая женщина ожидала свой черед и напряжения танца». Она, Диндрейна, ожидала в женском бессознательном того дня, когда она станет пробуждаться. Она ждала «напряжения танца», а именно мук деторождения. В стихотворении она лежит на борту корабля Соломо-

на, который символизирует мудрое и понимающее сердце. Она будто находится в лоне, четвертая в «четверичном крестце» Грааля.

Есть ещё одна строка, которую мы пока не рассмотрели: «Иstekшая кровью чрез рану бедра». Используя слово «бедра», Уильямс связывает жертву Диндрейны с раной увечного короля, которого вскоре исцелит Галахад (стоит помнить, что он также уподобил менструальную кровь женщины крови короля Грааля в стихотворении о розовом саду). Это необычайно интересно: ведь сестра Персеваля была ранена в *руку*! Рука является символом творческой деятельности в этом мире, а бедро символизирует мужскую половую силу. Король Грааля ранен, его мужественность изувечена, поэтому он не может породить никакой новый образ. Женщина, с другой стороны, истекает кровью через руку — и потенциал ее творческой деятельности снова тонет в бессознательном, ожидая «напряжения танца» — родильных мук, на самом деле ставших свойственными женщинам в последние столетия. Сразу же после жертвоприношения крови, Галахад, воспитанник Диндрейны, символ целостного человека, исцеляет короля Грааля — но великий образ не может воплотиться в мире, потому что мир еще не готов принять ценности целостной женщины. Грааль уходит, а с ним и Диндрейна — «видящая» женщина.

Это можно рассматривать, как символическое изложение ситуации, характерной для середины того века, в котором творил поэт — и также рассказом о внутреннем приключении всякой сознательной женщины (вне зависимости от того, осознавал ли это сам Уильямс). Если подлинная творческая сила женщины в мире Логоса увечна, если ее «руки» используются для манипуляций, а не для творения — то и мужчина лишен мужественности (это, в сущности, не причинно-следственная связь, но синхронизм). Если, однако, ее рана становится жертвенной, если она сознательно переживает смерть ради другой (отвержение требований ее эго, одержимого анимусом), то происходит возрождение. Она возвращается в напряжении танца, в подлинном обмене дарами земли и небес, а с ней приходит и долгожданный Грааль.

Человеческая рука отличает его от животного, и символизирует, как уже было сказано, связь с жизнью. Диндрейна отдала кровь из руки и саму жизнь другой женщине. Танцующая дама с кровью Диндрейны в венах соответствует Борсу, мужу и хозяину — они передают дочерям и сыновьям потаенное ощущение Грааля, прошедшее сквозь века растущего гуманизма. На заре эры Водолея, эры зрения и созерцания, эры носителя сосуда с водами жизни, разве не узорим мы пробуждение Диндрейны: сознательно пребывающей в себе женщины, более не отделенной от мира, но ступающей по улицам Града Божьего и человеческого? Так, говоря словами Талиесина, она может «даровать вспышку видения женщины у основания мира».

Кэйтлин Мэттьюз «София, спутница в поиске»

Каждый участвует в собственном приключении, образом которого служит Грааль — по словам Кэйтлин Мэттьюз нужный, «чтобы любить тебя в собственный внутренний мир». Ведь, несмотря на то, что приключение это действительно внутреннее, оно должно проявляться во внешнем мире, чтобы удовлетворять наши глубочайшие потребности, одновременно становящиеся и потребностями мира в целом. Все мы пребываем в некотором изгнании: из дома, из детства, любви или Бога. Грааль говорит нам, что мы также изгнаны из рая, который, наверное, вмещает в себя всё вышеперечисленное — и сам Грааль также изгнан, как и мы. Это проявляется природой спутника-проводника, сопровождающего рыцарей Грааля (и нас самих) в поиске, разделяющего наше изгнание и желающего с нашей помощью вернуться к желаемому состоянию. Итак, мы видим, что наш проводник так же нуждается в нас, как и мы в нём — и такое суждение справедливо и в применении к самому Граалю. Мы читаем: «испить из Грааля — вспомнить рай», а именно этого переживания ищут все странники; оно становится для нас величайшим источником вдохновения.

Приключение Грааля выступает схемой-отображением нашего собственного духовного пути: вновь и вновь мы находим и теряем дорогу, заново вспоминая и вновь забывая то, чему научились. Сущностная цикличность жизни указывает нам, что почивать на лаврах нельзя ни при каких достижениях: повторяющийся момент единственного откровения невозможно продлить или запечатлеть. Каким бы ни был наш путь, схема остается верна: идем ли мы проторенным другими путем, или отправляемся в крайне индивидуальные области — повсюду нас подстерегут те же поражения, проявятся плоды тех же ошибок, одинаково заманчивыми окажутся неверные направления — будь-то из-за лени, невежества или отчаяния. Мы пускаемся в духовное путешествие в состоянии первичной невинности, подобно Персевалю, самому простодушному из рыцарей, вышедшему из лона леса, где мать укрывала его ото всех жизненных истин. В самом начале Персеваль едва ли вообще осознает свое приключение: приняв вооруженных рыцарей за ангелов, он ведет себя неблагородно, а после упускает возможность задать важнейший вопрос Грааля, который исцелил бы недуг раненого короля. Однако никто, отправившийся в духовный путь, не одинок — так и искатель Грааля никогда не остается предоставленным только самому себе. И настоящее эссе я посвящаю знакомству с таинственной спутницей странника. Она сопровождает рыцаря Грааля и любого мистика, имея отражения почти во всякой

духовной традиции. Легенды Грааля называют ее Безобразной дамой или Кундри. Ее первоначальный архетип — София, святая мудрость Бога, а значит, мистическое значение ее чрезвычайно обширно. Являясь в разнообразнейших обликах, она служит задаче повышения осознанности, заставляя вспомнить о рае, поскольку она главным образом и является символическим воплощением изгнания из рая, указывая вместе с тем путь возвращения к первоначальному состоянию. Верим ли мы в буквальное грехопадение души или нет, ясно, что большую часть времени мы проводим в забвении: состоянии разделенности с нашей подлинной сущностью.

Безобразная дама — специфическое воплощение Софии в сознании Персеваля; и поскольку она отсутствует в «Цикле Вульгаты», где завоевателем Грааля назван Галахад, я буду приводить примеры лишь из тех текстов, героем которых выступает Персеваль.

Давайте же познакомимся с Безобразной дамой. Итак, Персеваль не задает вопроса Грааля. Передур (валлийское имя Персеваля) сидит за столом с тремя другими при дворе Артура, когда входит она:

И тут они увидели курчавую черную девушку весьма уродливого вида, которая ехала на желтом муле, подгоняя его ремнем. Лицо ее и руки были чернее сажки, и черты их были еще уродливее, чем цвет. Щеки раздуты, лицо вытянуто и сморщено, а нос короткий, с широкими ноздрями. Один глаз у нее был серым, а другой — черным, и оба они глубоко сидели в глазницах. Длинные зубы ее были желтее цветов ракутника, на вздувшемся животе лежали груди и подбородок. Спина ее была искривлена, бедра широки, а ноги худы и костлявы, кроме узловатых коленей и больших стоп⁶³.

Она ругает Передура за то, что тот не задал вопрос Грааля, в данном случае — «почему кровоточит копье?», ведь: «Если бы ты спросил об этом и вмешался, мир во владениях короля был бы сохранен, а теперь там каждодневно льется кровь, и гибнут рыцари, и их вдовы остаются без средств, а дети — без защиты, и всему этому виной ты»⁶⁴. То же мы видим и в «Парцифале», где Безобразная дама принимает облик волшебницы Кундри. Ее облик так же отвратителен, но она еще более всеведуща, и названа вестницей Грааля: ее появление ускоряет течение приключения, в конечном счете, приводя к успешному исполнению.

Но кто же эта уродливая карга, и какова ее роль в истории, аллегорически повествующей о запретной духовности? Многие вовсе отрицают ее принадлежность к канону Грааля: ведь это создание, от-

⁶³ «Передур» из «Мабиногиона» в переводе Джеффри Гантца (Jeffrey Gantz), 1976.

⁶⁴ Там же.

меченное злом, и кроме того — женщина. Чтобы разобраться, нам нужно обратиться к истокам образа Безобразной дамы и обдумать природу божественной женственности. Здесь будет бесполезен дуализм, сделавшийся присущим нашему пониманию духовности, и нам лучше вспомнить времена, когда божественное могло быть выражено в женственности ничуть не менее чем в мужественности. Как мы увидим, история Грааля вмещает и героинь-женщин, и роль их не менее важна, чем роль рыцарей Грааля: истоки этих образов лежат в предельных глубинах кельтского сознания, и прямо влияют на наше собственное понимание духовного приключения.

Мнимой противоположностью Безобразной дамы служит Дева Грааля, несущая его в особом шествии. Описана она так, что спутать ее с черной Кундри нельзя:

*Таким светом сияло ее лицо, что всем показалось восходящим солнцем. Наряды ее были из вышитых арабских тканей. На зеленом шелке, шитом золотом, несла она [...] Граль [...] Та, которой Граль доверил нести себя, называлась Репанс де Шой. Такова была природа Граля, что носящая его должна была обладать совершеннейшей непорочностью, и отринуть всё неистинное*⁶⁵.

Обе они служат одной цели, но насколько различен их внешний вид! Тот факт, что обе служат Граалю, должен помочь нам понять, что это два обличья одного архетипа, хотя тексты предания вовсе не делают это очевидным. Природа божественной женственности расколота надвое: податливая святая чистота и угрожающий оскал темной власти.

Место женственности в духовном мире, и особенно в христианстве, было определено неверно. Церковь, выхолостив в себе эзотерические или мистические элементы (или, по крайней мере, наделив их «официальностью»), развила культ девы Марии как единственно возможное проявление женственности; шаблоны верховной матери или безжизненной святости, непорочных девственниц и женщин-святых, разумеется, не могли быть примерами божественной женственности в ее полноте. Единственной «опасной» женщиной в христианских текстах была Магдалина: раскаявшаяся грешница, искупившая тем самым земную похоть — такой образ должен был стать клеймом всех женщин. Именно такой жесткий дуализм низвел некогда единую Богиню до уровня женского демона. Сообразно этому происходило и изменение восприятия женщины: она стала вратами дьявола, дочерью Евы, из-за которой произошло грехопадение. Наша Безобразная дева, казалось бы, принадлежит этому темному образу, однако ее происхождение не христианское, а тянется к более древним глубинам. Первые

⁶⁵ «Парцифаль» Вольфрама в переводе А. Т. Hatto, 1980.

легенды Грааля были записаны в XII веке, когда положение женского начала было уже невысоким. Образ же Безобразной девы восходит к субстрату более древнему, во времена которого женственность имела выражения куда более выдающиеся.

Образ Грааля как сосуда благодати, возможно, знаком многим, но как символ женственности он практически неизвестен из-за христианских наслоений, затмивших его таинственное происхождение. Легенда Грааля в той или иной форме существовала и до того, как христианство придало ей свой формат и воспользовалось ее символизмом. Возможно, лишь величайшие символы можно применять в настолько разнообразных контекстах. Хотя это может казаться бесконечно далеким от христианского восприятия Грааля как чаши Тайной Вечери, — в былые времена вотчиной женственности было сохранение знания и мудрости. Смятение в определенных кругах вызывало то, что Грааль носит женщина: ни одной женщине в те времена вообще не позволялось прикасаться к священным сосудам. Однако это прямо противоречит кельтским корням образа Грааля и того, кто его стережет. Грааль и его содержимое, несмотря на включенность в тело христианских апокрифов, на *самых ранних* этапах истории не связывался с чашей Тайной Вечери и искупительной кровью. Они прямо восходят к древней священной вере в право власти — суть которого в живом человеческом воплощении той земли, с которой символически заключает брак претендент в короли.

Древние королевские обряды глубочайшим образом связаны с бракосочетанием владыки с его землей. Этот мотив не полностью утрачен и в наше время — вспомним английскую церемонию коронации, в ходе которой монарх женится на земле, получая в числе регалий и «обручальное кольцо Англии». Подобный обычай мы можем отследить до времен Богини и матрилинейного наследования — тогда король овладевал землей через родство с женщинами, которым она по праву принадлежала. Часто устраивалась символическая свадьба короля со жрицей, воплощавшей в ходе ритуала Богиню.

В ирландской истории «Baile in Scáil» («Пророчество призрак») Конн, король Тары, оказывается в загадочной земле и заходит там в некоторый дом. Он со своими спутниками видит там «одетую в отороченный золотом плащ молодую деву с золотой короной на голове, сидящую на стеклянном троне. Перед ней стоит наполненная красным пивом серебряная чаша с четырьмя золотыми углами. На земле стоит золотая чаша. У ее губ — золотой бокал или чаша»⁶⁶. Эта дева — воплощение права власти в Ирландии, она дает серебряную чашу Конну, ведь именно его наследники будут править этой землей. Ее оправдано будет сравнить с хранительницей Грааля, дарующей просветление странствующему рыцарю. Однако у нее есть и другой лик, открытый

⁶⁶ Arthur C. L. Brown, «The Origin of the Grail Legend», 1943.

нам в ирландской истории о Ниалле Девяти Заложников: Ниалл с четырьмя братьями совершенствуют свое воинское искусство, живя на доходы от земли. Заблудившись, они страдают от жажды. Первый брат находит колодец, но его стережет уродливая старая карга, которую он должен поцеловать, прежде чем напиться. Каждый из братьев по очереди подходит к колодцу и уходит ни с чем. Тогда Ниалль подходит к старухе, целует и даже обнимает ее — а отпустив, видит, что она стала самой прекрасной женщиной на свете. Она так отвечает на его вопрос: «Я право власти, король Тары; твои наследники будут править каждым из кланов». Затем она отправляет его назад к братьям, но они не могут получить воды, пока не признают старшинство Ниалла.

Это важная история, многое проясняющая об истоках Грааля и того, кто его стережет. Дева с серебряным кубком в «*Baile in Scáil*», Керидвен и ее валлийский котел вдохновения, или старуха, охраняющая колодец — всё это проявления древнего архетипа Богини.

В поиске пути на королевский трон Безобразная дама — право на власть — не может принять истинный облик, а поиск не может завершиться, если ее безобразный лик будет отвергнут. Испытание должно указать на того, кому страна важнее, чем королевские почести. Но как же это относится к рыцарю Грааля? Если отождествить приключение Грааля с поиском права властвовать, многие вещи обретают новое прочтение.

Вспомним, что результатом обретения Грааля становится исцеление раненого короля и цветение Бесплодной земли. С древнейших времен, особенно в кельтской культуре считалось, что искалеченный или раненый король не может править — поскольку его сущностным качеством должна быть целостность. Другая ирландская история рассказывает, как Нуаду, король Туата де Дананн, теряет руку в битве при Маг Туиред. Его право власти тотчас оспаривается и переходит к другому, несмотря на то, что Нуаду получает взамен серебряную руку. Королем же он вновь становится лишь после волшебного восстановления руки во плоти. Король Грааля ранен в гениталии, хотя эвфемизм говорит о бедре — он не может вступить в союз с землей, с правом власти, поэтому земля становится бесплодной. В таком случае, цель приключения рыцаря Грааля в исцелении короля, недуг которого распространяется на всё королевство. Получается, что право власти крайне важно для понимания легенд Грааля: некогда могущественный образ божественной женственности воплощает не только дева, но и вестница Грааля — Безобразная дама. Эти два лика права власти воспроизводятся легендой Грааля как два раздельных персонажа; они также могут означать страдающую и опустошенную землю, черную и нежеланную подобно Безобразной даме — а также исцеление этой земли, где право власти уже может принять свой былой облик прекрасной Девы Грааля.

Возможно, мы слишком пристально рассматриваем языческие корни легенд Грааля — но делая так, мы лишь стараемся уравновесить повсеместный сильнейший акцент на христианские параллели. Спутница в приключении, Безобразная или Прекрасная дама, характерна не только поиску Грааля, и сформирована не только языческим прошлым. Прежде чем увидеть в поиске Грааля собственное духовное приключение, обратимся к рассмотрению еврейской мистической традиции (а в равной мере и христианской), где эта спутница принимает другие облики, и раскроем тайную традицию, в которой запечатлена потаенная мудрость веков.

«Изгнание студит холодом сердце. Пусть Тот, кто исчислил звезды, руководит тобой в стремлении помочь нам, и возвратит нас к счастью»⁶⁷, — говорит мать Артура в «Парцифале». Ощущение изгнания довлеет над нами: каждая культура по-своему описывает событие, в котором люди выпали из божественной гармонии. Легенда евреев и христиан содержится в Книге Бытия, в описании грехопадения Адама и Евы и их изгнания из рая: в мистическом смысле это разрыв между Богом и человечеством. К сожалению, описания мистических правд часто толкуются как события действительной истории, а не аллегории. Грехопадение само по себе предсказывает беду людям, отлученным от Бога. Однако в христианстве в неразрывной связи с грехопадением выступает искупление, называемое в литургии *felix culpa*, «заблуждением, принесшим счастье», — ведь Христос приходит спасти мир. Без первого Адама не было бы второго Адама (Христа), спасающего нас. Соответственно, в возгласе *ave Maria* («Радуйся, Мария»), *ave* — перевернутое имя Евы, ведь Мария искупает вину Евы, матери всего живого. Грехопадение стало нашим изгнанием из рая: из райских кущей мы создали бесплодную землю. Приключение — наше духовное путешествие, а Грааль — наше возвращение к овладению правом власти, становление королями и королевами творения. Независимо от ортодоксального описания грехопадения, каждая культура развила апокрифическое объяснение того, как некоторая частичка рая могла остаться среди людей, предоставляя возможность возвращения. Легенда Грааля — отклик Европы на ощущение изгнания: но почему же религия того времени сама по себе оказалась недостаточно эффективна?

В «Полете дикого гуся» Джозеф Кэмпбелл задает вопрос: почему «кто-то в средние века решил бы, что необходимо отправиться в такой одинокий, опасный путь (т. е. приключение Грааля), когда прямо по соседству каждый день справлялась Святая Месса с самим Христом на алтаре?»⁶⁸.

Как мы уже видели, истоки Грааля не всегда христианские, хотя он в целом воспринят христианским символизмом. Приключение Грааля включает такие измерения, которые в христианском учении только подра-

⁶⁷ Упомянутый выше перевод «Парцифала».

⁶⁸ Джозеф Кэмпбелл (Joseph Campbell), «Flight of the Wild Gander», 1951.

зумеваются, но не выражены прямо. Каждая душа должна лично возвратиться из изгнания: и такое возвращение может как следовать обычному пути внешних учений веры, так и избегнуть его. Обретение Грааля не тождественно причастию в ходе мессы — это нечто куда большее. Принятие причаствия может стать абсолютным познанием, союзом Творца с творением, но если воображение причащаемого не привнесет в священнодействии живого осознания — внутренний и внешний миры останутся вечно параллельными друг другу и никогда не сольются воедино. Таинство причаствия необходимо воспроизводить в повседневной жизни, а не переносить на некое далекое небывалое царство духовности. Во внешнем своем проявлении христианство неспособно породить в верующем чувство личной ответственности за собственное искупление. Только человечество имеет врожденное право свободной воли, и немногие христиане способны всесторонне осмыслить это положение. Именно проявление свободной воли привело к грехопадению; но почему свободную волю нельзя использовать для противоположной цели, ради окончания нашего изгнания?

Такой вопрос никогда не ставится открыто внешним христианством: в качестве средств искупления предлагаются вера, добрые дела и принятие таинств. Мистически, внутри всех различных религий существует некоторая площадка сокровенного единства, предполагающая иной способ спасения, куда более индивидуальный. Христианство низвело свою эзотерическую традицию до уровня «безопасного» мистицизма, выхолостив в себе божественную женственность, традицию таинств — всё, что так или иначе связано с индивидуальным откровением. Несмотря на это, традиция Грааля пережила века, засвидетельствовав уничтожение катаров и тамплиеров — двух несвязанных групп, чья очевидная духовная независимость и способность к мистическим прозрениям, среди прочего, противоречили устройству Церкви. Церковь никогда не подтверждала существование Грааля, но и не отрицала его. Церковь даже составила собственную историю Грааля. Столь популярны были некогда истории об Артуре, что монахи Гластонберийского аббатства приспособили легенду Грааля к своим целям, взяв простеца Персеваля и сделав из него Перлесвауса: «утратившего долину», — выписав его подобию Христа, и сделав историю Грааля захватывающей христианской аллегорией. Так легенда Грааля стала действовать на двух уровнях: как популярный мотив во внешней религии, и как иной, потаенный путь к Богу, возвращение из изгнания.

А как же другие традиции? В еврейском представлении о грехопадении акценты расставлены иначе. Здесь ощущение изгнания сильнее, необходимость возвращения острее. Сокровенный иудаизм, и особенно Каббала, представляют отлучение от Бога как историю взаимоотношений: завет, заключаемый Богом с Израилем, больше похож на брачный контракт, чем на законодательный документ. Продолжая изучать эзотерический символизм Каббалы, мы вновь встретим нашу спутницу, но не в виде Безобразной дамы или девы Грааля

(хотя в чём-то подобную и этим образам) — а как Шекину. Утверждается, что Шекина пребывала с Богом с начала творения; ее присутствие в книгах Библии и каббалистических текстах (например, в Книге Зоар) дает нам ясное представление о ее роли на пути Возвращения.

Так о ней говорится в Книге притчей Соломоновых:

*Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал верху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли: тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицем Его во все время...*⁶⁹

Отсюда очевидно, что Бог и его Шекина объединялись в любовном сотворчестве. Когда Адам и Ева вкусили плода древа познания и были изгнаны из рая, Шекина решает сойти с ними — если разрушен союз Бога и творения, то не может быть и союза между Богом и его Шекиной — так что она добровольно уходит в изгнание с человечеством. И теперь каждое ее проявление здесь логически свидетельствует о приближении, соприсутствии Бога. Однако она не просто абстрактное проявление божественного первоначала. Она живет в ковчеге Завета, следуя перед ним в пустыне в виде облачного столба днем и огненного столба ночью: таково видимое присутствие Бога среди израильтян. Ковчег, подобно Граалю, является реликвией могущественной силы, даже фрагментом рая (не забудем о том, что Грааль в «Парцифале» назван *lapsit exillis* или «камнем, упавшим с небес»; также говорится, что это был изумруд, выпавший из короны Люцифера подчас мятежа падших ангелов). Сама по себе Шекина воплощает потерянный рай и связывается с фактом изгнания. Она сопровождает Израиль в пустыне, пока ковчег не находит себе пристанище в Храме. Разрушение Храма в 586 году до нашей эры значительно укрепило еврейское ощущение изгнания: ковчег исчез, и его местонахождение стало неизвестным. Шекина потеряла обиталище и отныне живет в сердцах ее народа. Творя вещи, угодные Шекине, правотверный еврей приближает возвращение, а дурные дела огорчают Шекину и длят изгнание. Роль Грааля среди евреев играет ковчег — цель внутреннего поиска.

⁶⁹ Книга притчей Соломоновых, VIII:22, 23, 27, 29, 30.

Шекина, таким образом — женское соответствие Бога; каббалистические тексты даже называют ее женой Бога, и Бог отделен от нее грехопадением и непреходящей греховностью человечества. Сложность образа Шекины становится понятной только из рассмотрения его истоков — фигуры ханаанской и месопотамской богини Астарты или Иштар, верховной правительницы небес, властвующей совместно с супругом Ваалом или Таммузом. Божественность некогда воспринималась как совместное правление господина и дамы. Шекина — преемница символической роли Астарты, а также выражение женственности божества, в прочих отношениях крайне патриархального. Шекина Бога ассоциировалась с положением самих израильтян — также изгнанных и обещанных Богу. В «Плаче Иеремии» о падении Иерусалима город воплощается в образе Шекины:

*Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником. Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его; все друзья его изменили ему, сделались врагами ему. Иуда переселился по причине бедствия и тяжкого рабства, поселился среди язычников, и не нашел покоя; все, преследовавшие его, достигли его в тесных местах. Пути Сиона сетуют, потому что нет идущих на праздник; все ворота его опустели; священники его вздыхают, девицы его печальны, горько и ему самому. Враги его стали во главе, неприятели его благоденствуют, потому что Господь наслал на него горе за множество беззаконий его; дети его пошли в плен впереди врага. И отошло от дочери Сиона все ее великолепие*⁷⁰.

Здесь изображено проявление Шекины: изгнанного величия и мудрости Бога; воплощение народа, потерявшего право распоряжаться самим собой. В Библии Шекина также называется Хохма, что значит «мудрость»: она та, кто оглашает криком улицы; охраняет фонтан мудрости, который, подобно Граалю, приводит душу в чувство. Мудрость или Шекина является надеждой на восстановление; в тот день, когда изгнание закончится, она исполнит следующее повеление:

*Иерусалим! сними с себя одежду плача и озлобления твоего и оденься в благолепие славы от Бога навеки. Облекись в одежду правды от Бога, возложи на голову твою венец славы Вечного, ибо Бог покажет всей поднебесной славу твою*⁷¹.

⁷⁰ Плач Иеремии, I:1–3, 6.

⁷¹ Книга Варуха V: 1–3.

Здесь говорится о Шекине–Мудрости в запредельном обличье: более не в изгнании, но в союзе с Богом. Ведь наиболее поразительное проявление Шекины — супруга, возлюбленная. Мистик всегда использует сексуальные образы для обозначения своего единения с божественным или отделения от него. Шекина позволяет распространить подобную образность на человечество, возлюбленное Богом. Правоверные еврейские пары занимались сексом накануне Шаббата, подражая союзу Бога с Шекиной. Каббалисты применяли необычайные техники медитации, воображая этот божественный союз и стремясь тем самым ускорить возвращение Бога.

Символизм Шекины присущ не только иудаизму: в период после исхода, начиная с 500 года до нашей эры, каббалистический мистицизм пережил серьезный подъем, и это было время значительного перекрестного обмена религиозными идеями между еврейским, эллинским и христианским мирами. Гностическое христианство подняло Мудрость, Софию, почти на уровень Христа: в своих апокрифических евангелиях гностики изобразили нисхождение Шекины падением Софии, которое сделало ее ответственной за сотворение мира. Несмотря на исходный дуализм этих текстов, мы вновь обнаруживаем два лика Софии: падшую Софию по имени Ахамот, скитающуюся по миру в горести и смятении, и саму Софию, трансцендентную королеву небес, чей союз с Логосом (проявлением Бога или Словом) обозначил конец изгнания творения.

Каноны западного христианства могли пренебречь собственным эзотеризмом, и всё же, мистические тексты Библии по-прежнему открывают образ Шекины и Софии тем, кто способен истолковать их, и понять их значение. Иудейские и гностические тексты одинаково описывают отлучение от Бога как разделение любовника и возлюбленной. Шекина и София поселяются среди людей, как возможность возвращения, и их лик сначала темен, соответствуя состоянию изгнанного, потерянного народа; наконец, они возвращают лучистый и запредельный спасительный облик. Очевидней всего это преображение описывает «Парцифаль»: Безобразная дама Кундри скачет в замок Грааля, где лежит в агонии раненый король; она одета в черную парчовую накидку, украшенную «стаей диких голубей, вышитых арабским золотом, будто вензель Граля»⁷². Она сопровождает Парцифalia в замок, чтобы он сумел верно ответить на вопрос. Увидев ее, рыцари Грааля восклицают: «Наши беды кончены! То, чего мы жаждали с тех самых пор, как на нас легли оковы, теперь приближается под знаком Граля!.. Великое счастье на пути к нам!»⁷³. Черный облик Кундри мог обмануть нас, заставив считать ее злобной ведьмой, желающей навредить приключению Грааля, но ее наряд указывает, что Безобразная дама — сестра Шекине и Софии. Голубь всегда указывал на божест-

⁷² «Парцифаль» Вольфрама.

⁷³ Там же.

венное соучастие. Это священная птица Богини вошла и в образность Шекины, став символом Святого Духа. Нежелательный для христианства женский пол Святого Духа был замаскирован голубиным обличьем; Святой Дух здесь — обещание окончательного искупления, совершенного бытия в Боге. С начала времен, когда Святой Дух парил над водами Творения, он был образом надежды, вдохновляющей на продолжение духовного приключения. Как бы ни толковали Святой Дух современные теологи, он восходит к божественной женственности: святому Материнству Божьему. В запутанном символизме Христос принял некоторые свойства Мудрости; его также считают выражением Слова Божьего (Логоса) и Мудрости Божьей (Софии) в Новом Завете: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога»⁷⁴, подобно Мудрости или Шекине, Христос — тот, «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения»⁷⁵. Однако, несмотря на перемену пола, этот символизм сохранился и в эзотерической христианской традиции. Шекина, в первую очередь, является ветхозаветным образом, Новый же завет восстанавливает принципы и Софии и мессианства как проявлений божественной силы — воплощая их во Христе. Христос — мужчина, однако символизм женственности не предан забвению, ведь Мессии нужно средство для проявления себя в этом мире: «Первый Адам восстал из грубой пыли земной, второй приходит из драгоценного лона Девы»⁷⁶. Мария становится второй Евой, также воплощая принципы Шекины, поскольку она не просто носительница или сосуд воплощения Христа, но символизирует собой и всё изгнанное человечество. Ее плоть — одежды божественности воплощенного Бога — Христа. Человеческое и божественное вступают в мистический брак: рождение, смерть и поглощение одновременно — таково переживание причастия. При пресуществлении обыкновенные хлеб и вино становятся плотью и кровью Христа: в метафизическом смысле плоть и кровь даны Христу его матерью Марией, но они же — вдохновляющая божественность Мессии. Здесь уже невозможно толковать женственность как материю, и мужественность как дух — происходит подлинный союз этих двух начал. Духовные преобразования носят почти алхимический характер:

*Небесный Дух оплодотворяет лоно девственной купели, добавляя свою тайную примесь света, так, что она оказывается способна породить небесные творения, и возратить подобие Творца тем, кого рождение из праха земного делает людьми жалкого положения*⁷⁷.

⁷⁴ Евангелие Иоанна I:1–2.

⁷⁵ Послание к колоссянам II:3.

⁷⁶ Святой Пётр Хризолог, проповедь 117 в «Божественной службе», том 3.

⁷⁷ Там же.

София и Христос исполняют одну мессианскую задачу; оба разделяют с человечеством состояние изгнания, стараясь заставить его вспомнить о подобии Творцу; и оба — ключи к возвращению из изгнания.

Пересмотрев легенду Грааля в таком свете, мы откроем поразительные параллели, напрямую относящиеся к нашему духовному приключению. В мистическом понимании нет никакого конфликта между иудаизмом, христианством или любым другим религиозным путем: всё это лишь способы возвращения из изгнания. Если определения общедоступных учений религии были недостаточно ясны, внутри нее или параллельно ей всегда возникало соответствующее решение. Легенда Грааля смешивает культурный и религиозный символизм в непосредственной реакции на историческую эпоху.

Мы пребываем в изгнании, в состоянии беспамятства. Мы лишились права власти, единства с божественностью. Но у нас есть вероятность, потенциальная возможность — внутренняя спутница в путешествии. Персеваля называют «вдовьим сыном» — в этом образе мы узнаем себя, как детей Софии-изгнанницы и Христа, сына Марии. Бесплодная земля — наше состояние отлученности, это не рай; это разграбленный Иерусалим: Святой Город, за который воюют евреи, христиане и мусульмане, это сама изгнанная София. Грааль — та частица рая, что остается с нами, скрытая и запредельная, чаша права власти и мудрости: глоток из нее возвращает память о рае, о союзе души с Богом. Раненый король может сам стать рыцарем Грааля, он — символ утраченного права властвовать; он и Христос, распятый царь, пронзенный пять раз и вновь страдающий от всякого греха. Легенда Грааля обнаруживает традицию таинств, вобравшую многие черты, разделяемые крупнейшими религиями. Нетрудно понять, почему всякое ее упоминание вызывает живой и широкий отклик.

Осознание изгнания оказалось размытым в текущую эпоху. Немногие последовательно следуют мистическому пути, раскрывающему память о собственном духовном наследии. Мы пребываем в беспамятстве, но, с упадком основных религий, возрастает интерес к возможности духовного приключения. И этот процесс зачастую принимает крайне странные формы. Фильм Стивена Спилберга «Индиана Джонс: В поисках утраченного ковчега» изображает целью духовного поиска материальный объект. Подобно Граалю, ковчег Завета скрыт или пребывает вне мира, его сила неочевидна, но вездесуща. Ковчегом стремятся завладеть разные силы: одни разыскивают его, как археологическую ценность, зло хочет использовать его в своих целях — и ни одна из сторон не принимает во внимание последствия того, что духовный принцип ищут подобно предмету. Ковчег, как и Грааль, полон силы; в фильме сила Шекины проявляется так мощно, что обе стороны совершенно избавляются от зла, замещаемого чувством ответственности. Хотя фильм — всего лишь тень истинного духовного поиска, его всемирная популярность могла бы помочь пробудить ощущение из-

гнания, желание вновь открыть наше истинное наследие. Известны и более необычные носители действий Софии, история религии знает немало случаев, когда земное сокровище принимали за небесное. Небесный Иерусалим не может быть установлен на земле, раненый король не какой-то конкретный король, а Грааль — не физический предмет. Мы поймем эти символы лучше, если будем считать их принадлежащими самой душе. Загадка символизма Грааля нацелена на то, чтобы влюбить нас в собственный внутренний мир; мы должны всем сердцем желать пребывать в нём и работать с его принципами. Сумев применить принцип Грааля к собственному духу, мы тотчас узрим его воплощение в реальном мире.

Дева Грааля, Шекина или София — воплощение этого священного предмета; она и есть Грааль или ковчег, сокрытое сокровище, символизирующее единство души с божественным. Мы постоянно находим и вновь теряем этот Грааль. Нет способа прийти к этому священному союзу, узреть сияющую славу Софии, не приняв сперва Безобразную даму — подлинный образ нас самих. Индивид не может способствовать спасению мира, не разобравшись вначале с собственным состоянием. Вначале горькая чаша, затем золотой Грааль. Мы потеряны, мы в изгнании, вне гармонии с собой, без памяти об искре божественности в нас. Мы жаждем вернуть утраченное счастье, но как же это сделать? Сперва нужно воспитать чувство ответственности по отношению к себе: это не эгоизм, а здравый смысл. Лишь те, кто начнет приключение, достойны получить Грааль; если мы будем ждать, пока все не присоединятся к отряду — мы так никогда и не начнем. Наши ошибки в пути не так важны. Вестница Грааля, Безобразная дама, скоро даст нам знать: мы должны прислушиваться к ней как к внутреннему голосу, Воле Божьей. Ее голос груб, а совет не мил; но лишь полностью познав себя, мы сможем продолжать.

В продолжение приключения наш ум будет уязвлен догадкой о том, что нет никакого предмета поисков — Грааль лишь символ нашего страстного желания единения с Богом. День за днем будет расти ужасное подозрение: нет никакого Грааля, никакого зарева славы, слияния с бесконечным. Возможно, мы никогда не увидим подлинную Деву Грааля и пребудем в изгнании вечно? На пути не продвинуться; мы не становимся лучше, шагая дальше. Путь состоит из воспоминания и забвений, и, в конечном счете, из *осознанности*. Нам нужно задать вопрос Грааля. Завершение духовного приключения — в нём самом. На этом пути пребываем мы все: нужно лишь решиться осознать, что это так. Мы начинаем сознавать страдание других и их чувство отлученности от самих себя; мы начинаем ощущать сочувствие Софии, скрытой спутницы, как собственное сочувствие.

Пустившиеся в приключение подобны тем, кто посвятил жизнь приближению к образу Бодхисаттвы. В буддизме Бодхисаттва — тот, кто поклялся не возвращаться в нирвану, пока «последняя травинка»

не войдет туда перед ним. Это грандиозная идея. Мы начинаем свой поиск в мнимом эгоизме и продолжаем абсолютным вниманием к другим. Мы отождествляем себя со знаком надежды — изгнанной Софией — и действуем с ней заодно, пытаюсь приблизить союз всего сущего. Бог, божественное — не снаружи, а внутри нас. Пока невозможен окончательный вселенский союз, мы можем пытаться вспомнить о том, кто мы есть на самом деле, отождествляя себя с принципом приключения, в котором мы пребываем. Ведь суть поиска Грааля не в том, чтобы исчезнуть в небывалой стране, из которой нет пути назад; наш долг состоит в возвращении даров Грааля в себе, в превращении в чашу, средство восстановления и возвращения памяти всякому живому существу. Мы становимся Граалем, испить из которого могут другие, ибо найти Грааль означает стать им. Персеваль, в отличие от Галахада, возвращается из поиска и становится королем замка Грааля. Раненый король вновь обретает право властвования и исцеляется. Бесплодная земля, а по-видимому, и Безобразная дама возвращают себе былую красоту. Сам Грааль перестает быть целью и становится живой реальностью. София вновь обретает целостность, возвращаясь из изгнания в том, кто добыл Грааль.

Два лика Софии, Безобразная дама и дева Грааля, сопровождают нас в поиске — один побуждал, другой вел нас. Теперь мы понимаем, что возвращение в рай не будет завещано нам небесами, действительность в наших руках. И в нашем возвращении из изгнания София всегда сопровождает нас.

Брайан Клив «Нужда мира»

О природе Грааля спорят так же, как и о природе Бога, но окончательно убедительных указаний эти споры не рождают. Брайан Клив предлагает новый подход, допуская существование множества граалей: сосудов благодати, физических и духовных; важнейший вопрос здесь не «что такое Грааль?» и даже не «существует ли он?». Сутью проблемы автор объявляет возложенную на нас ответственность — мы должны защищать мир от зла, порожденного нами самими. Исполняя долг, мы спасаем и себя и мир, поскольку обе стороны подвергаются одной опасности. И, сделавшись защитниками как раз в поиске Грааля, рано или поздно мы раскроем его сильнейший завет: Грааль служит нам так же, как мы служим ему. Чтобы воспринять это послание, мы должны постичь подлинное значение служения, а это не проще, чем постичь и исполнить волю Бога.

Вопрос, который я постараюсь осветить в этом эссе, таков: имеет ли Грааль какую-то значимость в нашей повседневности? Для этого мы рассмотрим его как реальный физический предмет, а не просто мотив различных легенд. Существовал ли он материально, существует ли сейчас, а если так, то чем он был и чем является? Если он существовал материально, имел ли он при этом духовную ценность? Наконец, самая важная часть вопроса — имеет ли он значение сегодня? Чтобы не создавать интриги, сразу заявлю о своем убеждении (некоторые оговорки я приведу позже): Грааль существовал, существует и невероятно, неизмеримо важен сегодня для каждого.

Но было бы глупо притворяться, будто я имею нечто подобное доказательству, или историческому факту. Если бы даже существовало идеальное свидетельство, например кто-то представил бы глиняную чашу «несомненно подлинного происхождения», как говорят торговцы предметами искусства — без всякого сомнения, присутствовавшую на Тайной вечере — это не отождествило бы ее с Граалем, поскольку Грааль по определению обладает значимостью духовной. Всё, на что мы можем уповать, желая разобраться с подлинностью Грааля, это разностороннее исследование представлений о нём — с тем, чтобы определиться, насколько он вообще вероятен. Впишется ли Грааль в канву событий, о которых мы можем судить с большей уверенностью? Вписался бы он в общий узор бытия подобно утерянному кусочку мозаики — или допущение его существования лишь создаст новые сложности, заставив усомниться в прочих важных идеях?

На последний вопрос мы можем ответить прямо сейчас: идея Грааля прекрасно вписывается в общее течение представлений человечества. Большинство культур обладало неким образом источника

всякого плодородия, обновления и возрождения, будь то фонтан молодости, острова благословенных, волшебный котел, рог изобилия, или какой-то иной загадочный символический предмет, открываемый лишь посвященным, это может быть даже мужская сила короля — и список примеров может быть куда шире.

Более того, эти верования не просто параллельны идее Грааля, порой они пересекаются или оказываются тесно связанными, как в случае с мужской силой короля, рассматриваемой в качестве необходимого условия плодородия земли. Кроме того, идея связи короля с неким магическим предметом, лежащая в сердцевине легенд Грааля, распространена даже в землях, незатронутых известными нам сказаниями Грааля, например, божественная удача фараона считалась тесно связанной с его последом, который всегда бережно сохраняли при рождении наследника престола.

Послед фараона считался его «другим я» и был столь сильно заряжен королевским достоинством, что оно излучалось даже только его изображением, обернутым тканью. Такие свертки фараон рассылал своим полководцам в далекие страны, чтобы передать им свою силу и удачу, необходимую для победы в войне. Утверждают, что именно отсюда пошла традиция идти в бой с королевским штандартом, а также мистическая привязанность солдат и моряков, даже простых горожан, к своему флагу. Король, монархия, государство (даже республика!) каким-то неизъяснимым духовным образом не только представлены флагом, но и отождествляются с ним.

Следовательно, помыслить о «Граале» как об объекте, заряженном волшебным, мистическим значением, сущностью королевского господства и истинного порядка, природного и духовного благополучия и плодородия — а также как об объекте, тесно связанном с конкретным королем или отождествляемым с ним, — вполне естественно: такая идея укладывается в общее русло человеческих представлений.

Это, конечно, не доказывает ничего, кроме того, что легенда Грааля или хотя бы ее центральная идея совместима с идеей королевского правления. Возможно, «Грааль» для мира означает то же самое, что королевский штандарт для армий — источник блага, доблести, силы, благодати. Или скорее не источник, ведь это подразумевало бы некоторую независимость, разделение короля и штандарта, Бога и Грааля, а канал — физическое средство, благодаря которому королевское или божественное достоинство может излучаться источником в желаемом направлении.

Откуда же короли черпают власть, где сокровищница их благодетели? Разумеется, это Бог: вся суть королевской власти в связанности с Богом. Король — представитель Бога, избранник Бога, помазанник Божий и носитель власти Бога. Корона — образ нимба божественности. И потому нетрудно представить короля и его штандарт (или

любой другой символ королевской власти) отражением в микрокосме этой связи: Бога и Грааля.

В легендах раненый Король–Рыбак воплощает самого Бога, ведь сообщение между королем и штандартом не одностороннее. Король излучает свою благодетель через штандарт, но если штандарт захвачен врагом, это станет и ранением самого короля — пострадает его власть, его способность править. Его «удача», «фортунa», само королевское достоинство будут ранены и даже искалечены. Лишь спасение штандарта может исцелить раненое величие короля. А потому, так ли уж нелепо предположить, что в случае причинения вреда Граалю некими противниками Бога, пострадают и Грааль и сам Бог? Для христианина принять эту идею не так уж трудно, ведь христианское учение говорит, что вместе с Христом, представителем и истинной сущностью Бога, был распят и сам Бог — в нём и вместе с ним.

Здесь можно возразить, что само существование Христа делает идею Грааля, источника благодати, неприемлемой и излишней. Ведь Христос принес в мир бесконечную благодать, навечно достаточную для всех. И потому нет необходимости в Граале, служащем той же цели.

Идея того, что Христос впервые принес в наш мир благодать, и до его прихода ни один человек не мог получить ее и попасть в рай, опровергается самой Библией. Енох «шел с Богом» и «не знал смерти». Илия был взят в небеса и, судя по всему, также не ведал смерти. Авраам и патриархи знали Бога и были ему милы. Моисей говорил с Богом «как человек говорит с другом». Исая Бог сделал своим вестником. Святой Иоанн–Креститель, возвестивший о явлении Христа, умер до распятия и воскресения. Можем ли мы предположить, что эти люди, не говоря уже о Самуиле, Соломоне, Иосифе, Гедоне, Иисусе Навине, Деворе, Евере, Руфи, Ноемине, Сарре и всех прочих героях и героинях Ветхого Завета, признанных и любимых Богом при жизни, не были допущены Им в рай после смерти?

Принимая представление о божественной благодати как о единственном способе спасения, необходимо признать и то, что она должна была существовать до рождения Христа, а не появилась лишь после его смерти и «схождения в ад», откуда он вызволил добрых мужей и жен Ветхого завета.

Действие Христа состояло не в принесении в наш мир чего-то небывалого (он подобного и не утверждал) — но он придал значительное усиление тому, что уже существовало, и об этом он неоднократно говорит.

Допустим, что благодать существовала до явления Христа, как продолжает существовать и после Его вознесения. Был ли необходим подобный физический канал передачи благодати? Если да, то чем он был? Сделало ли явление Христа подобный предмет излишним?

Благодать нисходит на человека или напрямую от Бога, источника всякой благодати, или косвенно, через посредство неких лично-

стей и обстоятельств. Христиане почти единогласно сходятся во мнении, что мы достигаем благодати посредством чего-либо: это может быть вода крещения, или проведение обряда священником, Тело Христа в причастии, или рукоположение при посвящении в сан, и подобное. Прежде всего, мы получаем благодать благодаря телесному самопожертвованию распятого Христа. Разумеется, он не *даровал* каждому из нас благодать, но сделал ее доступной для нас — если мы сделаем себя *достойными* ее, благодаря нашим личным усилиям или действиям других, например, святых, которые, как считается, имеют излишек благодати, направляемой на других достойных братьев.

В природе мы также наблюдаем единый центральный источник благодати: вся сила жизни на Земле проистекает от Солнца, которое, в свою очередь, обязано своим существованием какому-то невероятно древнему космическому событию. Я предлагаю считать, что Солнце для материальной жизни — то же, что Грааль для жизни духовной. Можно выбрать более понятный образ и уподобить Грааль роднику в пустыне, а наш мир — оазису вокруг него. Благодать — «живая вода» родника, а материальный Грааль — это резервуар, скалистая полость или каменный фонтан, в котором вода поднимается и ожидает, когда мы зачерпнем ее. Бог сделал этот родник неиссякаемым, но именно мы должны черпать воду, чтобы оросить пустыню — а вот к этому готовы уже немногие из нас.

Христос был важнейшим «материальным» посредником между нами и Богом во время своей жизни, а также в своей смерти. Он был Богом в мире. Абсурдно ли счесть его *живым* Граалем того времени — каналом, через который вся божественная благодать вошла в мир? А если так, могло ли не быть никакого подобного посредника до его явления? И могло ли не остаться такого посредника после возвращения Христа к Богу и его становления Богом?

И Христос сам говорит об этом: Дух Святой, «утешитель» был послан Ему на замену, чтобы пребывать с нами вечно. Прежде чем вы возразите, что Святой Дух не является предметом, что он полностью нематериален — вспомните, что и Христос был нематериален и материален одновременно. Он был человеком в не меньшей степени, чем Богом, телом в не меньшей степени, чем духом. Возможно ли, что послав Святой Дух, Бог наделил его материальным телом или *символом* — подобно тому, как королевский штандарт символизирует королевскую власть? И такой символ мог бы не только представлять Святой Дух, но и действительно быть тем, что он символизирует — быть физическим каналом, посредством которого Святой Дух, божественная благодать и жизнь войдут в мир, подобно тому, как они вошли в мир через Иисуса.

Можем ли мы выделить в истории отношения Бога к нам некий предмет, который мог бы исполнять функции Грааля до рождения Христа? На ум тут же приходит ковчег Завета, а кроме того, святая святых в Храме Соломона или, возможно, некий объект *внутри* нее,

например алтарный камень (и тут необходимо вспомнить о том, что некоторые легенды описывают Грааль как камень).

Сами по себе легенды Грааля не предлагают единого его образа; это и блюдо, и чаша, и камень, и таинственная неопределимая абстракция — и сюда нужно добавить эхо языческих образов волшебных котлов и даже отсеченных голов, которые разговаривают и пируют с живыми. Или же это чаша Тайной вечери, Христова кровь, как *содержимое* чаши или некоего сосуда.

Либо различные легенды никак не связаны друг с другом, либо ссылаются на одну и ту же действительность, по какой-то причине не сходясь в ее описании. Также возможно, что изменяется сама эта действительность, и потому Грааль выглядит то так, то иначе. Пока что в целях нашего расследования я предположу, что обсуждаемый нами материальный Грааль действительно был чашей Тайной вечери, а противоречивые заявления относительно его природы в различных стихотворениях и легендах возникли вследствие окружавшей его секретности. Я также предполагаю⁷⁸, что чаша была доставлена в Англию не Иосифом Аримафейским, помогавшим в погребении Иисуса, но его сыном, также Иосифом, сопровождавшим Иоанна Богослова на Патмос — тогда Иоанн и передал ему чашу.

Чаша впоследствии оказалась в Уэльсе, где ее стал охранять рыцарский орден, посвятительные ритуалы и ордалии которого легли в основу легенд о приключении Грааля. Когда этот орден был распущен, некоторые сведения о нём и Граале проникли в европейскую поэзию благодаря работам норманизированного валлийского принца-поэта Бледри ап Кадивора, отождествляемого Джесси Уэстон и прочими⁷⁹ с Блехерисом (описанным в продолжении «Персеваля» Вошье де Дененом), а также с бывшим членом ордена Мастером Блихисом, о котором мы знаем в том числе из «Разъяснения». Сам Грааль тайно сохранялся уже не рыцарским орденом, но единственным родом, чьи потомки оберегали его от обнаружения или повреждения до недавнего времени.

Один раз в столетие Грааль покидал свое укрытие на несколько часов для участия в Мессе, целью которой было высвобождение в мир той благодати, которая была накоплена силами добра. Во всех прочих случаях он оставался сокрытым. Подлинная чаша Тайной вечери не является ценным или роскошным предметом. Это дешевый глиняный кратер греческого образца: скорее не чаша, но глубокое блюдо с двумя ручками — грубо украшенный и купленный на базаре в Капернауме за несколько медяков. Подобный предмет было бы почти нереально сохранить в течение почти двух тысяч лет — если только он не оставал-

⁷⁸ Подробнее в другой книге автора, «The Seven Mansions», 1980.

⁷⁹ Edward Owen, член Cymmrodorion Society, в документах общества, а также в статье «A note on the identification of Bleheris» для «Revue Celtique», 1911. Кроме того, J. L. Weston, «The Quest of the Holy Grail», 1913 и «From Ritual to Romance», 1957.

ся скрыт под землей большую часть времени. Потому в завершении своего пребывания в Гластонбери он был облицован золотом, как подобает драгоценной реликвии — и именно золотое убранство имело форму кубка. Впоследствии для использования глиняное блюдо не нужно было вынимать из раки — там оно оставалось, укрытое от взора тяжелым панцирем золота, с того дня до начала двадцатого века.

Хотя физически Грааль был сокрыт, его духовная действительность по-прежнему нуждалась в защите. Все мы должны заслужить благодать, и так же мы должны защищать источник благодати — широтой и напором наших совместных усилий в ее обретении.

Для тех, кто настаивает на совершенной достаточности Христа в этом отношении, есть ответ в Евангелиях; Христос не сказал: «Я сделал всё необходимое, теперь вы можете отдохнуть» — он сказал: «Несите свой крест». Он сказал: «Путь сложен» и «Многие слышат зов, но немногие будут призваны». Он совершенно ясно дал понять, что для достижения Бога мы должны приложить невероятные усилия. Но для Его вмешательства, для заслужения милосердия Божьего, даже эти усилия будут недостаточными — и всё же, без них Райские врата не раскроются. И, стало быть, представление о том, что мы собственноручно должны защищать Грааль, наш источник или канал Благодати, никому не должно показаться неверным.

И, разумеется, Грааль — действительность не только христианская: он служит всему человечеству, а защищать его должны все люди, желающие подчиняться и служить Богу. Добрые мусульмане, добрые индуисты, добрые иудеи, добрые агностики — даже добрые атеисты, пусть и не сознавая этого — находятся в рядах защитников Грааля. В то же время плохие христиане — его противники.

Принять благодать, о которой говорит Христос, могут немногие; она требует принесения своей жизни в жертву — это необходимо для защиты Грааля. Положение Грааля оказывается очень шатким. Я предлагал сравнить его с родником и каменным фонтаном, в котором собирается вода; итак, окружающий оазис зависит от существования этого родника. Родник же в свою очередь зависит от оазиса, укрывающего его. Если оазис запустеет, если его деревья не поливать, не ухаживать за травой — они погибнут, пустыня возьмет верх, песок засыплет фонтан и задушит родник.

Вообразите, что оазис был создан королем, вырывшим колодец, изваявшим мраморный бассейн, посадившим деревья и траву — всё ради племен пустынных кочевников, умиравших от жажды. Король сказал: «Вот вам жизнь. Без меня вы бы не создали такой оазис, потому что вы не знаете, как это делать. Теперь он существует, и вы ухаживайте за ним. Здесь хватит воды для любых ваших нужд. Всё, что вам нужно — приходить сюда со своими бурдюками, собирать воду и нести, и пусть сильные собирают побольше, чтобы делиться со слабыми и беспомощными. И конечно, вы должны блюсти чистоту

родника, не позволяя рубить деревья для костра. И вы должны поливать деревья и траву, укреплять каменную стену вокруг оазиса, чтобы сюда не попадал песок. Теперь будьте счастливы».

К сожалению, кочевники были всего только обычными людьми и не делали ничего из сказанного. Лишь немногие из них решились на что-то сверх того, что было необходимо для их собственного выживания. И потому оазис становился всё более заброшенным, окружавшая его стена развалилась, деревья стали чахнуть, иссушенную траву вытоптали, а вокруг родника развелась грязь — и лишь героические усилия немногих отделяли мир от катастрофы. День за днем росла вероятность того, что даже их усилий не хватит — но остальные пожимали плечами и посмеивались, говоря: «Если этот оазис погибнет, король выкопает нам еще один колодец и посадит еще деревьев. Это его работа». Но это не Его работа, а наша.

И таково наше теперешнее положение. Угроза присутствовала с самого начала, но в последние два столетия она сделалась смертельной: зло всегда обитало в мире, позволяя влиться в него всё большему злу, но в последние века река зла сделалась потоком. И подобно тому, как источником нашей благодати, каналом и средством ее проникновения в наш мир является Грааль — физическим средством, благодаря которому зло входит в наш мир, является черный Грааль, его противоположность.

Другое эссе той же длины потребовалось бы для описания черного Грааля, его происхождения и применения, рассказа о тех, кто повелевает ему, находясь у него в подчинении, и о том, как он действует. Сейчас я скажу только, что он существует. Нетрудно догадаться, что его приверженцев куда больше, и в мирском смысле слова они куда более могущественны, чем те, кто связан с истинным Граалем. И в последнее столетие, поскольку их сила стала достаточной, они больше всего алчут обладания истинным Граалем — и его уничтожения.

Вы скажете, зло не может уничтожить добро — и это верно. Но добро необходимо *творить*. Как уже было сказано, доброта, подлинная и настоящая благодать — редкое явление. Если мы не сотворим достаточно благодати для защиты Грааля, то Грааль как предмет сможет попасть в руки зла. Дух, придающий Граалю его значение, просто покинет этот мир, подобно тому, как вода покидает забитый колодец. Грааль с точки зрения мира прекратит свое существование — это и есть цель и упование лукавых людей, желающих его уничтожить.

В конце 1880-х годов разворачивались некоторые значимые события. Различные могущественные течения, преданные злу, формировались и приобретали влияние. Среди них была на первый взгляд незначительная лондонская организация, чьей объявленной целью было изучение и практика различных мистических систем. Подлинной же целью было обнаружение и уничтожение Грааля, в то время скрытого в валлийском замке и сохраняемого потомками первоначальной семьи хранителей. Всё же, «охрана» заключалась всего лишь в физи-

ческом обладании и ответственности за предмет. Пожилой джентльмен, обладающий ценным предметом, должен считаться его «стражем», но нет никакой надежды, что он сумеет защитить его от целеустремленных врагов. Для этого ему необходима помощь.

Так и была сформирована небольшая группа лиц, должных обеспечить Граалю физическую защиту — а такая мера не считалась необходимостью уже несколько веков, ранее секретность считалась наилучшей защитой, ведь среди защитников всегда мог оказаться глупец или предатель. Однако в 1889 году дела обстояли очень серьезно. Подходило время проведения Мессы, Грааль должен был быть извлечен из убежища — и в этот момент он был наиболее уязвим. Замок в Уэльсе в условиях отсутствия постоянного гарнизона не назвать неприступным, так что было принято решение отвезти Грааль в Лондон, где его защитники могли свободно перемещаться, не вызывая сплетен среди местных жителей — что было бы невозможно на окраинах Уэльса.

Месса была проведена в Лондоне, и Грааль оставался там несколько лет. Но однажды кто-то выдал его — Грааль, физический объект из золота и глины, был похищен наряду с другими двумя кубками: позолоченным серебряным и полностью серебряным, необходимым в шествии большим церемониальным крестом, а также тремя серебряными окладами списков Евангелий. Все они датировались III–VII веками и находились в Гластонбери или в Уэльсе, когда Грааль сохранялся там. Эти реликвии использовались в связанных с Граалем церемониях и впитали некоторые его благодетели, так что их можно называть замещающими Граалями (на самом деле, в мире есть некоторое количество должным образом охраняемых вторичных Граалей, о чём будет рассказано позднее).

Конкретно эти вторичные Граали были привезены в Лондон своим хранителем вместе с подлинным Граалем — и всё было похищено врагами в 1908 году. После осквернения все второстепенные объекты их новый владелец привез в Сирию, где они были вновь украдены и появились на рынке антиквариата в 1910 году. Один из кубков, известный как кубок Антиоха, можно увидеть в Клойстерс, музее средневекового искусства в Нью-Йорке. В заключительном деянии осквернения золотые раки подлинного Грааля были расплавлены, а сама чаша разбита.

Целью тех, кто похитил физический Грааль, было проведение с ним черной мессы и приобретение невероятной, ни с чем не сравнимой силы. Приближалась Первая мировая война. Гитлер, не случайно родившийся в 1889 году, вступал в зрелость, когда он мог стать полезен тем, кто желал его контролировать. Было вычислено и совпадение многих прочих факторов, способных дать злу огромные силы. Осквернение, разрушение Грааля посредством черной мессы, последующий триумф черного Грааля должны были обеспечить полную победу зла. Произошло многое из того, на что надеялись новые обладатели Граа-

ля, его физического символа, и чтение любой газеты может дать представление о результатах — пусть даже читатель не согласится с нашим коротким освещением причин.

Однако успех новых обладателей Грааля был не таким полным, как они ожидали, ведь «приток» зла в наш мир невозможно усилить механическими средствами, так же, как и приток благодати — всё зарабатывается служением: благодать служением Богу, зло служением сатане. Предположение о том, что заклинания и магические формулы, какими бы богохульными они ни были, могут «вызывать» злых духов или управлять ими, просто наивно. Никакие манипуляции с Граалем этих «магических адептов» не увеличили бы притока зла. Действительным следствием было отсечение источника благодати от всех тех, кто желал и мог заслужить ее. Таковым, конечно, и было единственное желание гораздо более великих служителей зла, управлявших группой подчиненных магов с помощью мечты о немедленной зловещей славе.

Но даже и такое ожидание не сбылось полностью; милосердие Бога безгранично: пусть Он попустил осквернению физического Грааля — но Он позволил сохраниться духовному Граалю, самой *действительности Грааля*, и не только сохраниться, но и возвратиться на место надежного хранения в Уэльсе. Дело в том, что духовная реальность, будучи лишённой воплощения, может совершенно не иметь ни формы, ни веса, ни облика — быть абсолютно независимой от пространства и времени, подобно Богу. В то же время она может, и зачастую должна, принять ту или иную степень овеществленности, предметности — чтобы послужить Богу в конкретном времени и месте. Великолепный пример — явления Богородицы в Фатиме в 1917 году. Там и тогда Она не только приняла видимую форму и облик, который трое детей могли видеть, а двое слышать, но и обрела некоторую степень телесности. Например, тяжесть ее ступней заставила прогнуться верхние ветви небольшого дуба, над которым она явилась; и хотя кроме трех детей никто не увидел ее саму, многие видели, как прогибались под невидимой тяжестью ветви.

В этих явлениях можно увидеть крайне поучительные параллели с сущностью Грааля. Во-первых, возможность видеть Богородицу определялась состоянием ума и духа тех, кому она явилась. Сперва малыш Франсиско не видел и не слышал ее, и не мог понять, что делают его сестра и кузина. Но послушавшись их совета прочесть молитву к Богородице, смог увидеть ее, хотя и не слышал. Впоследствии, вовремя пришедшие в Кова-де-Ирию видели следы Ее присутствия, но не Ее саму; они могли услышать и Ее голос, но не различали слова; только две девочки расслышали их с полной ясностью.

То есть, мы можем описать дух, как нечто, способное показаться некоторым наблюдателям, оставшись невидимым для других; быть услышанным некоторыми, но другим не сказать ничего, а в ушах третьих прозвучать едва слышно, «будто пчелиный гул». Однако в

любом случае имеются *различные* физические признаки присутствия. Схожим образом мы не можем увидеть ветер — хотя следы его присутствия вполне очевидны.

Параллели с некоторыми описаниями Грааля явны настолько, что нет нужды на них указывать. Очевидно и то, что во времена, предшествующие похищению физического Грааля, тот способ, каким он воздействовал на искавших и нашедших — в наибольшей степени зависел от конкретного состояния духа искателя. Там, где один видел всего лишь древнюю золотую чашу, другой был ослеплен истинным обликом Грааля — и восходил на такую духовную высоту, где предметное воплощение идеи Грааля делается несущественным. Каждый из тех немногих, кому довелось созерцать Грааль, видел ровно тот облик, какой он сам лично способен был увидеть.

Эту идею двойственной или множественной природы Грааля можно развивать и выражать различно, что я и попытался показать в настоящем эссе. Подобно тому, как абстрактная идея монархии находит своё телесное воплощение в персоне конкретного короля, а присутствие короля в свою очередь может быть обозначено королевским штандартом, так и папство воплощается живым Папой Римским, на которого могут указывать кольцо, тиара или действие получения папской индульгенции. Все эти вещи при определённых условиях могут воплотить намерения Папы, передать его благодать верующему. Сходным образом верующий в единого и *вездесущего* Бога мусульманин верит и в то, что конкретный город, Мекка, — *особо* исполнен божественной благодати. А в Мекке конкретный черный камень, Кааба, воплощает для мусульманина Грааль. В Каабе обитает благодать Аллаха, отсюда она истекает наружу. Однако хорошо осведомленный мусульманин не станет считать, что сила Аллаха в мире, присутствие его благодати, может зависеть от физического существования какого-то черного камня. Так же как и мы не верим, что присутствие Божьей благодати в нашем мире обусловлено существованием terracотовой чаши в золотом кубке. Поскольку мы, люди, создания как духовные, так и телесные — мы не способны получать благодать Божью непосредственно, так же, как не способны узреть славу Божью глазами или вытерпеть пламя любви Божьей телом. Подобно тому, как трансформатор делает возможным бытовое применение энергии высоковольтных линий, могущество Бога для нас необходимо умалить и, в каком-то роде, изолировать, чтобы оно было нам полезно. Без изоляции, защиты, без «трансформатора» вещественной, предметной формы, Божья благодать причинила бы нам не жизнь, но смерть. Мы падшие создания, и нуждаемся в прикрытии даже от милосердия Бога. Как уже было сказано, нам необходимы воды Крещения, миро и елей, хлеб и вино Причастия. Даже апостолам нужна была промежуточная форма языков пламени, чтобы Святой Дух мог сойти на них. Сам Христос не обошелся без вод крещения и голубки. И когда мы нуждались

в Христе — Бог воплотился в живом человеке. И так же Грааль, своего рода «посольство Бога» на земле, нужен нам в обеих формах: духовной реальности и предметном воплощении.

Но, как я уже сказал, Грааль больше не существует в предметном воплощении, несмотря на то, что духовная реальность всё так же присутствует в прежней местности, не в предметной, но в «психической» форме. Для наглядности возвратимся к метафоре родника и фонтана в оазисе: что происходит, если каменный бассейн сломан, разрушен? Очевидно, что взять воду из родника становится сложнее. И оазису в целом угрожает большая опасность: теперь родник куда проще завалить обломками, грязью и песком. Наблюдая картину такого упадка, можно решить, что дни оазиса и всех его обитателей сочтены — источник жизни исчезнет, пустыня возобладает. Окончательная победа зла в этом мире очень близка. Наиболее здравомыслящий материалист признает, что опасности, грозящие сегодня нашей планете и выживанию человека, столь велики, что в долгосрочной перспективе наше благополучие кажется сомнительным. Перенаселение, загрязненность, изменение химического баланса, радиоактивное заражение, не говоря о ядерном арсенале, голод, непостоянство климата, истощение важнейших ресурсов и десяток прочих охватывающих весь мир угроз теперь знакомы большинству по личному опыту. Но знакомство с угрозами родило только отстранённое безразличие, если вовсе не покорность.

Однако все мыслящие духовно сознают, что угроза зла далеко выходит за рамки уничтожения тела. Ведь, в конце концов, всякий человек должен умереть, и не так уж существенно, будет это смерть одновременная с миллиардами прочих, или «одинокая» в своей постели, потому что итог один: индивидуальный суд над умершим, и — кара либо спасение. Подлинный триумф зла состоит не в том, чтобы повысить вероятность того, что человеческие миллиарды умрут более-менее одновременно, но в том, чтобы подвести каждого конкретного человека к смертной черте в состоянии нежелания признать свои ошибки, в безразличии к Богу, в неверии в спасение, в служение Богу, или хуже всего — в состоянии совершенной удовлетворенности от собственного уничтожения. Даже среди меньшинства: тех, кто сохраняет веру, — лжеучителя прививают удобное мнение о том, что от верующего ничего не требуется: никакой жертвы, никакой истовости, никакой попытки быть праведным.

Нам позволено верить, будто рай уподобился системе здравоохранения: доступен для всех, каждый может рассчитывать на него. Мы воображаем Бога как надрывающегося за работой врача, который обязан долгом выписать нам больничный — документ, извиняющий наше отсутствие на работе. Мы думаем, Бог должен нам всё прощать. Именно эта удобная уверенность и есть изящнейший триумф зла. Мы дошли до того, что само слово «зло» табуировано, идея ада высмеивается как средневековый предрассудок, существование злых духов считается не-

достойным обсуждения. В погоне за расширением экуменизма, терпимостью, открытостью ума, компромиссом с неверующими, «приемлемой для современного человека» теологией, многие священники перестали верить в Воскресение. Некоторые даже оставили в стороне веру в Бога. Если им приходится употреблять такие «старомодные» слова, они неловко покашливают, будто сказали непристойность, и делают гримасу, как бы говоря: «но мы-то знаем». Попробуй заговорить с ними о войне между добром и злом — они не потерпят такого. С терпеливым превосходством станут объяснять, что эти субъективные термины бессмысленны; что для пост-фрейдистского человека...

Однако война между добром и злом реальна, и Грааль — в самой ее сердцевине. Можно изобразить ее героическими образами средневековья: штандарт, поднятый над холмом; возвышенность удерживает горстка истрепанных боем, израненных защитников; они ведут непрерывное сражение против кишаших напирających орд, постоянно умножающихся и оснащенных всё более смертоносным оружием. Опасность таких описаний в стиле Уильяма Морриса сегодня в том, что они заставляют реальность выглядеть нереальной. Подлинный слепок с этой войны — на страницах газет и на телеэкранах, в нашей совершенно реальной повседневности. И мы не просто наблюдатели, сохраняющие нейтралитет. Мы прямые участники этой битвы, не зависимо от того, желаем ли мы этого, осознаем ли мы это. Каждый поступок, слово и мысль имеет влияние на эту войну, усиливая одну или другую сторону. И слишком часто мы обнаруживаем себя на стороне зла, понимаем ли мы это, верим ли мы этому. Злу служат не только гитлеры и сталины, иди амины, пол поты и сомосы. На стороне зла могу быть я. Можешь быть ты.

А Грааль? Это то, что каждый из нас должен найти. А найдя, должен защищать до смерти — и гораздо дальше.

Как? Будучи праведным. Становясь совершенным, как нам велит Евангелия. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». Суть не в том, чтобы *делать* добро. Немногими понимаемая правда в том, что прежде чем сделать добро, необходимо *стать* добром. Подлинное творение добра в том, что твоя добродетель влияет на твое окружение. Как свеча, зажженная посреди сумерек. Лампада не совершает поступков. Но без нее никто вообще не сможет что-то сделать во тьме. А подобная лучистая добродетель столь редка, что может по праву называться священностью, святостью.

У евреев есть поверье о десяти праведниках, чья святость оберегает мир. Магометане верят в скрытого Имама. Предки британцев верили, что Артур и его рыцари спят в пещере и готовы спасти мир, если тот окажется на грани краха. И в этих легендах есть истина. Миру сейчас как никогда сильно нужны скрытые святые, которые могли бы спасти его от самого себя. Они черпают свою силу в том, что осталось от Грааля, и отдают ее нам. Поистине, они едины с Граалем. Ведь, как

я уже говорил, у Грааля есть подчиненные, как и ручей может пробиваться на поверхность через многие родники. Некоторые из таких подчиненных телесны; некоторые имеют человеческий облик. И грандиознейшее земное дерзновение в том, чтобы стать одним из этих Святых Праведников: найти Грааль, войти в него, служить ему, и тем самым послужить человечеству и Богу. Это приключение ведет в ту «местность», которую святая Тереза Авильская назвала Внутренним Замком — в сокровеннейших чертогах которого обретается Грааль.

Лоис Ланг Симс «Желание сердца»

С точки зрения христианской мистики, существует конкретный вопрос, который со всей необходимостью должен быть задан до любых попыток понимания сути мифа Грааля — и это тот же вопрос, что в каждом рассказе о божественном сосуде должен быть задан искателем, прежде чем он сумеет проникнуть сквозь окружающую Грааль завесу тайны. Вопрос таков: «кому служит Грааль?». Как мы уже видели, ответ состоит в том, что он служит каждому — ответ формально прост, но сложен для понимания. Следующее сочинение показывает, что и в измерении мифа, и в нашей повседневности, озвучивание вопроса почти неуклонно ведет к принятию истины, а принятие истин, воплощённых в Граале и Граалем, ведут к обретению состояния недостижимой иначе исполненности, совершенности. Состояние же это позволяет нам понять и справиться с тем делом, что было предписано нам еще до рождения. Действие озвучивания вопроса и принятия истины превращает нас в слуг Грааля.

Может и не для всех, но для большинства из нас упоминание Святого Грааля тут же предполагает две различные реакции ума, противоположные друг другу: с одной стороны, озадаченность клубком странных историй, на распутывание которых понадобилась бы целая жизнь прилежного изучения; с другой — лишенное перемен и движения созерцание простого образа: благодатный кубок, плотная материя золота, но вместе с тем и эфемерность утреннего тумана. Мы всегда замечаем его будто краем глаза, осознавая, что он несет в себе свет, не принадлежащий этой земле. Мы можем не знать, почему так происходит, но этот простой образ собирает в себя все устремления нашего сердца. Мы испытываем притяжение к нему, чувствуем любовь, несравнимую с привязанностью даже к ценнейшим из личных вещей; в то же время, он сам излучает на нас любовь, невероятно более сильную, чем любая другая, какой мы были достойны — мы даже догадываемся, что никакой «иной» любви, не присутствующей в излучении Грааля, просто нет. Есть только это наиполнейшее чувство, возникающее из чудес пульсирующего источника и вновь возвращающееся в него. И таинственное «это чувство» является целью жизненного поиска любого из нас.

Приключение и вопрос⁸⁰, эти два слова — ключи к таинству Грааля. Они как две стороны одного явления: приключение и есть вопрос. По достижении цели путешествия–приключения, вопрос решает сам себя.

⁸⁰ В оригинале игра слов: «quest» и «question» — прим. ред.

Нет ничего удивительного в представлении о приключении Грааля: это странствие ищущего рыцаря, который должен достичь определенных места и времени для того, чтобы в них озвучить определенный вопрос. Став заданным, произнесенным, вопрос отмечает момент достижения, исцеления и освобождения. Древняя рана перестает кровоточить, затягивается. Разливаются животворные воды, расцветает земля. Этот вопрос — первый шаг на пути посвящения в небесные тайны, и он же последний — перед тем, как тайны раскроются в момент смерти, момент вхождения в жизнь вечную. Ведь чем является этот вопрос? Верно понимать его как магический клич, призыв к ответу. Ничто непризванное не явится в царство реальности. По причине неведения, человеческий клич из необходимости принимает форму вопроса. И наоборот, когда Бог вызывает к нам, он также предлагает вопрос. Ведь, в силу того, что мы обладаем свободой, даже Господу не ведом наш ответ, до тех пор, пока мы не озвучим его. «Любишь ли меня?» спросил Господь апостола Петра; казалось бы, вопрос лишен смысла, ведь ответ уже ясен Тому, кто его задал — но нет ответа без вопроса, любовь не появляется, не будучи вначале призванной (мы, конечно, предполагаем, что этот библейский диалог повествует об уровнях метафизической действительности, а не о фантазмах, для призыва которых только и хватает силы наших повседневных людских «бесед»).

Тот факт, что четыре евангелия и в целом вся Библия, так же, как и многие прочие священные писания повсюду в мире, полны озвученных вопросов — не случайность и не совпадение. Приведем некоторые примеры вне христианского контекста: Упанишады, проповеди Будды, диалоги Платона — повсюду мы видим постоянное применение этого метода: вопрос рождает ответ. *Кого ты ищешь? Кому ты говоришь «я есть»? Почему ты плачешь?* А от искателя, колеблющегося в начале пути, мы слышим: *что мне следует сделать? Как человек может возвратиться в лоно матери и родиться снова?*

Кроме того, есть и ложные вопросы: «*Боже, что делать этому человеку?*» — не более чем уловки, на которые Иисус отвечает, а чаще игнорирует, развеивая их с деликатной небрежностью. Вопрос, заданный из искреннего побуждения — знак той готовности, по которой духовный наставник выбирает ученика. Вопрос, движимый сомнением (желанием остаться на месте и умалить новое) или праздным любопытством (неготовностью к изменению), развенчивает того, кто мог бы стать учеником, исключая его из внимания наставника. Современных детей называют «разумными» за озвучивание вопросов, которые некогда сочли бы признаком не ума, но смертельной глупости. Но дети редко задают подобные вопросы искренне, из побуждений собственной природы — наоборот, маленький ребенок, предоставленный себе, будет задавать вопросы либо строго практические, либо те, что вытекают из личного поиска ребенка, и развивают этот поиск. Так, в одной из версий истории, рыцарь обманывается и считает, что должен задать вопрос из любопытства. Но не праздное любопытство ведет рыцаря Грааля, обладающего простодушием ребенка, а

желание верно исполнить свою роль, которое возникает в ответ на острожно поданный сигнал, разыгранное перед его глазами представление: пир и шествие. Не внешняя подсказка, но родившееся в нём чувство помогает рыцарю задать нужный вопрос, испросить объяснения, что позволит ему понять изящнейшее и грандиознейшее предназначение Грааля — и то, как его собственная судьба связана с ним.

И первый вопрос рождения, смерти и воскресения Христа, важнейший как для истоков, основоположения, так и буквально первым встречающийся в библейском писании, на первый взгляд не кажется чем-то большим, чем выражением дрожащего сомнения. Но такое его толкование говорит о неумении прочесть контекст, воспринять целостность мифа, важнейшей частью которого он является: *«Как будет это, когда Я мужа не знаю?»*.

Не архангел Гавриил велел Деве задать этот вопрос. Так же, как никто не поучал Персеваля или Галахада, что им нужно сделать, чего от них ждут: их задача была в том, чтобы это самостоятельно понять — и было необходимо, чтобы они сделали так. Смысл подобных вопросов в том, что они по собственной воле возникают из глубины сердца — призывая ответ. Гавриил подал Марии знак, и она задала вопрос, желая знать — ее вопрос порожден не недоверием. Она задает вопрос, прося знания: чтобы ей позволили понять, чем именно является то, что ее просят принять в себя. Акт безусловного повиновения, которому она отдается — с тем принимая в себя Семя Божье — совершается с пониманием того, на что она выражает свое согласие. Ей дан ответ: *«Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя»*. Четырнадцатилетняя девочка получила ответ и знает, что это будет за сошествие, что за столь страшное осенение она принимает, когда произносит: *«да будет Мне по слову твоему»*. Так Божество зачинается в ее лоне. Она становится Vas Spirituale, сосудом духа.

Церковь давала Деве множество странно звучащих имен. Ее называют вазой, зеркалом, башней, троном, садом: вереница образов проходит перед внутренним взором, пока мы читаем молитвенные воззвания к ней, вспоминая о том, как одна грань реальности может выражать себя в многочисленных и различных проявлениях. Эти проявления накладываются друг на друга, подобно вуалям окутывают лежащую за ними суть — одновременно и заслоняя ее от взора, и выявляя ее объем и форму. И святой сосуд, кубок — одно из проявлений божественной женственности, которая названа Шекиной в иудейской традиции, а в христианской — Марией, благословенной матерью Христа. Существует мистическое тождество образов Грааля, девственного лона, и пустовавшей до сих пор гробницы, в которую возлагается тело Господа, временно уступившего силе смерти. Это отождествление подразумевается мифом о двух Иосифах, всегда описываемых как хранители сосуда — будь то лоно, могила или чаша — все эти образы означают постоянно обновляемое вместилище, из которого восстает живой Бог.

В области мифа одноименность персонажей подразумевает некоторое тождество ролей, ими исполняемых. Описания священной драмы Христа в Евангелиях говорят о двух Иосифах. Первый — Иосиф, защитник Девы. Он берет Марию замуж, и узнает потом, что она беременна. Ангел уверяет в ее непорочности, сообщая, что ребенок был зачат чудом. От Иосифа же требуется оставить законные супружеские притязания на лоно Марии, не тревожить ее девственности — жена зачала не от его семени, но от Святого Духа. Иосиф соглашается с этой ролью, становится на стражу девственности Марии, на защиту Божественного Дитя. И подобным же образом Иосиф Аримафейский отказывается от новой («девственной») гробницы, построенной по его велению. Эта гробница, изначально предназначенная для похорон самого Иосифа, становится пристанищем тела Иисуса. Совершив Воскресение, Иисус выходит из нее в цветущий сад. «Огражденный сад» — образ двух Марий, матери и любовницы, напоминающий о Песне песней Соломона, в которой странным смутным знамением звучит мотив потери и обретения Марией души ее возлюбленного. Таким образом, первый Иосиф распоряжается обстоятельствами при рождении, второй — при смерти и воскресении Господа. Лono и могила сущностно едины: близнечные аспекты единого таинства смерти в жизни и жизни во смерти.

Иосиф Гластонберийский — хранитель Святого кубка; хотя легенда непреклонно отождествляет его с Иосифом Аримафейским, всё же, он может быть и отдельным персонажем, третьим Иосифом. В одной из версий истории, в видении ему является Христос, даруя чашу Тайной вечери, в признание тогдашних заслуг Иосифа. Упрощая, можно предположить, что Иосиф вступил во владение сосудом каким-то обычным способом и использовал его как реликварий: ведь несколько капель священной крови пролились в чашу, когда тело Иисуса снимали с креста. Чаша неоднократно упоминается христианским мифом. Наши первейшие ассоциации — сосуд Тайной вечери, а также Святого причастия. Но в ту же ночь чаша исполняет двойственную роль в Гефсиманском саду. Вначале это чаша страданий, и Христос молится Отцу, чтобы она минула его, если это возможно; после же это Viaticum, когда ангелы причащают Христа из того же самого сосуда — уже как источника духовного питания, которое по сути есть слияние Его человеческой личности с Его божественной сущностью. Во многих традиционных изображениях Моления о чаше очевидна тождественность этих двух сосудов, и третьего — чаши Тайной вечери. Такой же сосуд присутствует и в иконографии Распятия: парящий в воздухе ангел ловит чашей кровь, сочащуюся из ран умирающего Христа.

Чтобы понять образ чаши, в легенде о третьем Иосифе ставшей Граалем — исходной точкой великой средневековой мифологии Приключения — давайте попробуем вообразить себе этот сосуд. Он столь чист, что становится един со своим содержимым, разделить их невозможно. Он — *Vas Spirituale*, Бездна, по выражению суфиев, «заполненная светом небесного сердца». Первым моментом творения стал тот, когда Бог удаляется, чтобы создать Пустоту. В эту Пустоту Он

проецирует себя в виде Слова, возвращаясь к Себе в качестве третьего лика Троицы, божественной Софии — а ее воплощение в потоке времени это Благословенная Дева.

Отождествление Марии с божественной Софией не следует понимать, как абсолютное. Церковь последовательно учила, что природа Марии божественна не сама по себе, но в силу того, что она является воплощением, вмещилищем духа, иначе не имевшего бы формы, и через Марию в ограничениях потока времени восстает совершенная идея, дабы в ходе Успения, в конце концов, обожествиться, когда Мария возносится в сердце Бога. Через нее Божество сделало себя доступным, проявленным в привычном людям потоке времени. В богослужении римокатолической церкви, при помощи соотнесения важнейших празднеств, посвященных Марии, со строками священных книг, она постоянно сличается с полубожественной фигурой, которая кажется первой эманацией божественной Софии; София же, в свою очередь, определенно тождественна Святому Духу. Размышляя о таинстве Грааля, мы можем рассмотреть и следующий отрывок из Книги премудрости Соломона, который поможет представить образ сосуда, единого со своим содержимым через абсолютную чистоту обоих:

«Ибо Мудрость подвижнее всякого движения, и чистотой рас­судка проходит сквозь всё и проникает повсюду... посему ничто скверное не войдет в нее»⁸¹.

Поверхностное прочтение этого отрывка вызывает озадаченность. Непонятно, почему сама по себе чистота должна создавать движение; и как из этого следует, что совершенная чистота не может быть осквернена внедрением чуждого вещества. Но в последующем размышлении делается понятным, что совершенная чистота действительно подразумевает абсолютную проницательность, проницаемость, абсолютную быстроту движения — а также и то, как эти две стороны, абсолютная подвижность и абсолютная чистота взаимно предопределяют друг друга. Любая медлительность, затрудненность проницания вызывается сопротивлением двусторонним: внешним и внутренним. Но абсолютная чистота, к которой не примешано ни мельчайшей частицы материальной тяжести, не может ни испытывать сопротивления, ни оказывать его. И потому, при «столкновении» с чуждой субстанцией абсолютная чистота с абсолютной скоростью проходит *сквозь* нее, и они никак не затрагивают друг друга. Теперь мы можем начать понимать, как священный сосуд — Дева, лоно или Грааль — способен принимать в себя Дух Божий и распространять его в бесконечность, оставаясь в то же время невидимым — поскольку Дух в любой отдельный момент не имеет формы.

Другое воплощение образа лона — Круглый стол, за которым могут разместиться двенадцатеро: апостолов или рыцарей. На некото-

⁸¹ Глава VII.

рых средневековых изображениях значение этого образа выражено весьма ясно: в очертаниях круглого стола с двенадцатью блюдами ясно различим яичник с двенадцатью яйцеклетками, которые, по одной в месяц, будут выходить целый год. Впрочем, стол этот изображается во многих противоречивых вариантах. Двенадцать ли мест, тринадцать? В общем, предполагается, что тринадцатое место отведено самому Иисусу. Однако любопытный геометрический факт, убедительный, по крайней мере, для привычного к мифическому плану рассудка, указывает в другом направлении. В эссе Кейт Кричлоу о «Душе как Сфере и Андрогине»⁸² говорится:

Взяв сферу произвольного размера, и задавшись вопросом, сколько равных по размеру сфер можно расположить вокруг первой, путем расчета или физического эксперимента узнаем: ровно двенадцать. Таким образом, для полного равномерного закутывания одной сферы в оболочку из подобных ей, нам потребуется двенадцать их, и каждая будет касаться пяти соседних периферических сфер и одной центральной.

Любой традиционно настроенный ум, руководствуясь законом соответствия, сразу же признает в этой фигуре мистическое значение: представлять центральную сферу должен Иисус, или быть ею представленным. Правильно вообразить такую схему непросто, и потому, что описание ее не подразумевает излишней буквальности восприятия, и потому, что мы не так уж способны воображать нечто в более чем трех привычных нам измерениях. Но, как сказано, святой Иоанн прижимался к груди Иисуса — и это подсказка: другими словами, они занимали за столом одно место. Иисус ждет, пока освободится место — Иуда должен покинуть стол. Роль Иуды в этой священной драме многосторонняя и значение ее неисчерпаемо. Одним из толкований может стать выход яйцеклетки, оплодотворенной и выпадающей из круга себе подобных для рождения дитя. Иуда поднимается из-за стола, покидает свое место, и уходит — во мрак ночи. В стереометрической аналогии центральная сфера в этот момент вывернута наизнанку, обращена вовнутрь самой себя, в этой ситуации она совершенно пуста и темна. Это мир «грехопадения», «здешний мир» в отсутствие Бога. И в дальнейшем изложении нужна предельная ясность: мир «грехопадения» нельзя полностью отождествлять с *нашим миром*, каким мы его знаем; известный нам мир — это состояние поддержания тонкого равновесия между низвержением во грех и действием искупления, вызываемым вмешательством Слова Божьего. Это Слово — Христос, и он должен быть рожден из лона и распростереться (распать себя) над бездонной и пустой тьмой падшего мира, так чтобы *наш мир* мог быть

⁸² Keith Critchlow, «The Soul as Sphere and Androgyne».

восстановлен до небесного состояния в процессе, воспринимаемом нами как *время*. Иуда исполняет роль Предателя: через него, из-за неразрывной любви, соединяющей Бога даже с падшим человеком, принцип Христа рушится в мир, где становится подверженным смерти. Яйцеклетка выходит в мир, в тот момент падший и темный, но она несет в себе воплощающегося Господа. Иуда уступает свое место Иисусу — и тот вначале садится на него, а после встает и уходит вслед за предателем. В темном саду, который есть преддверие смерти, Его изымают «мечами и посохами» (очевидное анатомическое соответствие половому члену). Иисус вновь занимает место Иуды, который, в конце концов, и не может жить, но гибнет как израсходованная яйцеклетка в «поле крови». Благодаря этому замещению, символизируемому поцелуем Христа Иуды, Божество становится едино со смертью — и после победно восстает. «Пустота наполнена светом небесного сердца». Когда мы в следующий раз видим круглый стол Верхнего Зала, вход убежища открыт, и в него нисходит Дух Святой. Большая горница теперь равна лону Девы и Святой Чаше, содержащей в себе жидкий огонь Тела и Крови Христовых.

Современная икона, написанная монахом братства святого Серафима Саровского решает символизм трех Иосифов свяской очень тесных образов: Иосиф Гластонберийский смотрит вниз, на Грааль, укрытый в пещере или могиле, из вершины которой вздымается Гластонберийский шип. Святая чаша испускает лучи света, пронзающие камни. За этим символом женственности возвышается алтарь Тора, увенчанный башней; за ним — церковь Нашей Заступницы. Святой Иосиф держит в руке прорастающий листьями прут: одновременно и чудотворный шип и регалию супруга Девы (это отсылка к истории о выборе будущего жениха Марии через поданный знак: каждый жених получил в подарок прутик — и из прута Иосифа вылетел голубь; прутик-жест Иосифа обычно изображают прорастающим листьями). Его плащ насыщенно-зеленого цвета разрастающейся природы, а также изумруда, выпавшего из короны Люцифера и ставшего Граалем (вновь образ предмета, выпавшего из назначенного ему места в круге). На руке он держит плат льняной ткани — развевающуюся плащаницу Христа. Этот плат связывается средневековой традицией со Святой Чашей, как один из священных предметов, задействованных в богослужении. Посетители Кентерберийского Собора смогут воочию увидеть кубок XII века и блюдо для гостей с такой латинской надписью вокруг обода:

Алтарь служит крестом,
кубок — могилой,
блюдо — камнем,
а тонкая ткань — саваном.

Гонорий Отёнский («Гемма души», Книга 1, глава XLVII) поясняет:

Когда священник говорит «Per omnia saecula saeculorum», к нему подходит дьякон и поднимает вверх кубок. Он укрывает часть его тканью, затем вновь ставит на алтарь и укрывает антиминсом, играя роль Иосифа Аримафейского, снявшего тело Христа с креста, укрывшего Его лицо плащаницей, уложившего тело в могилу и закрывшего ее камнем. Всё подносимое, а также кубок укрываются антиминсом, обозначающим льняной саван, которым Иосиф обернул тело Христа. Кубок обозначает могилу, а блюдо для гостии — камень, которым она была закрыта.

В «Романе о Граале» Робера де Борона Христос является Иосифу в тюрьме, и, отдавая священный сосуд, говорит так:

«Ты снял меня с креста и уложил в гробницу, после того, как сидя за столом, я сказал Симону Петру о том, что буду предан. И поскольку случилось сие за столом, то в будущем столы будут устраиваться так, чтобы я мог быть принесен в жертву. Стол означает Крест распятия; сосуды, в которых происходит жертвоприношение и освящение, будут означать гробницу, в которую ты уложил меня. Это — чаша, в которой мое тело, в форме гостии, будет освящено. На него будет положено блюдо, как знак камня, каким ты закрыл зев гробницы, и всё покрыто платом, как знак того савана, каким ты обвил мое тело. И смысл твоих действий будет известен христианам во все времена, до скончания света»⁸³.

На ножке кентерберийского кубка имеется двенадцать ребристых шишечек и двенадцать долей, спускающихся вниз. Хотя по возрасту он, конечно, не может быть кубком, которого касался Иисус — он, при этом, идеальный образец средневекового Грааля. Кубок и блюдо были святотатски вынесены из гробницы архиепископа Хьюберта Уолтера в 1890 году тогдашними настоятелем собора и капитулом. В наши дни они столь же кошунственно выставлены на просмотр за плату. Можно только воображать, как они вернутся к исполнению своего ритуального предназначения в великие торжества церкви; храниться же они должны в убежище в особо священной части Собора: возможно, в восточной часовне, к которой стремится вся планировка здания. Теперь низведенный до уровня «культурно-исторической ценности», этот Кентерберийский кубок при верном отношении вполне мог бы стать, а в некотором смысле, бесспорно, и сейчас является Священным Граалем.

⁸³ По тексту «The Grail Legend» Emma Jung и Marie Louise von Franz.

Каждый кубок, используемый в Причастии, оправдывает свою роль восхождением к изначальной идее — сосуду, освященному руками Христа. Святость этого первоначального сосуда следует из его единства с божественной женственностью, форму и функцию которой он принял, как и могила в саду, и лоно Девы, и сама Дева.

Итак, наше размышление указывает на неразделимость двух проявлений: Тела и Крови Святого Причастия, а также испускающего свет (по причине прозрачности) трансцендентного образа Теотокос, Богоматери. Мария получает звание носительницы Бога, потому что всё ее естество предано этому: вынашиванию и распространению Божественного Духа, воплощением которого она стала сама. Само её тело невидимо, мы воспринимаем его форму только как носитель небесного света. Сходным образом, Грааль является носителем святой крови. В чаше причастия вода смешивается с вином, что обозначает союз Девы с Сыном. Вода — принципиальное воплощение духовной чистоты. В обряде крещения она играет роль очищающего элемента. Кровь (представляемая вином) подобна огню, но даже глубже его — она едина с божественной жизнью: излитое вино становится святой жертвой, благодаря которой падший мир вырван у смерти. Грааль-кубок подобен мистической розе Данте (обозначающей, по сути, то же самое) — до окончательного разрушения всех образов перед прозрением правды, Грааль — последний видимый образ. Видение это будет представлено каждому, пусть и на мгновение, в секунду смерти — оно даст нам возможность выбора: в этот самый момент, войти ли в присутствие Божье. Тибетский текст «Бардо Тодол» описывает его как чистый бесцветный свет, невыносимый, пока душа, пройдя через все этапы своей судьбы во времени, не достигнет точки, за которой нет возврата.

Святой Иоанн Креста, вероятно, никогда не слышавший о «Бардо», говорит о том же: «когда душа совершенно очистится и опорожнится ото всех видимых форм и образов, она пребудет в сем свете, чистом и простом...».

И Платон, говоря о моменте, непосредственно предшествующем этому окончательному растворению души, заверяет, что мы «придем ко знанию абсолютной красоты и, наконец, узнаем, в чем сущность красоты». Это знание является (или может стать) последним исчезающе малым колебанием на грани телесной смерти: ответ на вопрос души может быть дан лишь в тот момент, когда она добровольно перестает цепляться за земную жизнь.

Кому служит Грааль? Он служит нам всем в момент нашей смерти, исполняя роль *Viaticum* — последнего, что мы видим, прежде чем перестаем видеть — и передавая нам дар вечной жизни.

⋮МАТРИЯ⋮
⋄⋄ и применение ⋄⋄
⋮ВООБРАЖЕНИЯ⋮

Гарет Найт «Мерлин и Грааль»

Переживание магического и мистического опыта Грааля открывает путь к достижению единства всего живого и сущего. Текущая эпоха до сих пор в большей степени управляется стремлениями мужественности. Гарет Найт ищет способ узнать роль божественной женственности в Творении: как всё более заметные токи поляризованного равновесия полов могут быть использованы в деле человеческого выживания? Автор исследует власть, присущую Граалю, как сосуду и божественной благодати и магического вдохновения, — а эти два полюса многим покажутся принципиально несовместимыми. Но, как откроется со временем, они являют две стороны одной медали.

Святой Грааль — наисильнейшее, наиважнейшее мистическое переживание: сердцевинный опыт прямого наблюдения Бога и нетварной действительности иного состояния бытия. Всё же, подход к этому мистическому переживанию явно *магический*. Магичность Святого Грааля в способе его поиска, поскольку Приключение Грааля — технология такого повеления стоящим за физическим существованием силам, которое повысит вероятность снисхождения мистического опыта в ищущую душу. И это, как раз, вотчина Мерлина — архетипического мага артурианского цикла.

Кельтская мифология, как и любая другая, стремится изображать магические, а не мистические движущие силы; здесь прототип Святого Грааля представлен в форме котла вдохновения, сосуда награды и восстановления–перерождения. Предмет, обладающий этими свойствами, принадлежит богине Керидвен, за ним ухаживают девять дев. Они аналогичны девяти музам классической мифологии; если попытаться провести аналогии к каббалистическому Древу жизни, то они явно связаны с девятой сефирой Йесод, «Основанием», которая, среди прочих имен, носит также имя «сокровищницы образов».

В проявлениях вознаграждения и восстановления прото–Грааль связан с Дагдой, вождем Туата де Дананн («детей богини Дань») и Браном Благословенным, который кормил из этого котла свой народ, а убитых в бою воскрешал с его помощью. Наряду с копьем Луга Лавады, мечом Конайре Великого и предсказательным камнем Лиа Файл, который определял того, кто достоин трона — котел Керидвен был одним из основополагающих сокровищ Туата де Дананн. Все эти предметы обеспечивали выживание народа, как возобновляющегося сообщества, и в силу этого выступали высочайшими «культурными ценностями», то есть, — святынями, излучающими на свой народ психологическое притяжение, и позволяющими людям воспроизводить традиционно повторяющиеся способы действия, приведшие к

обретению этих сокровищ. В несколько измененном виде эти сокровища по-прежнему присутствуют в символах традиционных орудий западноевропейской магической традиции, как четыре четверти магического круга: меч воздуха на Востоке, копье или жезл огня на Юге, чаша или котел воды на Западе, камень, диск, монета или щит земли на Севере. Та же символика определяет и четыре масти карт Таро, от которых происходят масти современных игральных карт.

В древнейшие времена существовала тесная связь между четырьмя этими символами и принципом права на власть, отождествляемого с *женской* фигурой, Эриу — суверенитетом Ирландии; она дарует эти сокровища. Природа ее двойственна: порой она предстает прекрасной, порой отвратительной. Та же двойственность проявления присуща другим великим богиням античности, которые в свою очередь, воплощают в себе различные проявления Изиды природы. И столь же двублична дева-провозвестница Граала.

Всё же, возможно и окончательное принятие божественной женственности, ее выражение в едином, приемлемо-уравновешенном облики, — мы обнаруживаем его в библейском описании достижения «Нового Иерусалима»: украшенный подобно невесте, этот город дарует мир всесочетания. Разумеется, и библейская же «багряная жена» — нечто, с чем необходимо поладить, а не исторгнуть ее. Именно впитание «вавилонской блудницы» или содержащихся в ней энергий, принятие ее посредством всеобъемлющей любви, возвращает женственности образ исцеляющего света.

Огромнейшая сложносоставность образа женственности очевидна сразу. Женственность включает в себя вообще весь принцип формы, — а значит, и весь явленный мир, планету Земля, всю человеческую массу в целом; образами женственности выступают любые сосуды и вместилища: чаши, города, дома, страны, тела; кроме того, женственности принадлежит и женская составляющая в каждом двуполом существе — то есть, в каждом человеке. Поистине, женственность составляет половину великой двойственности творения. Всё сущее существует именно в силу того, что представляет собой союз и переплетение мужественности и женственности: ян и инь, иды и пингалы, положительного и отрицательного, мужчины и женщины, направленной силы и воспринятой формы, колонн Яхин и Боаз, стоящих перед входом в храм таинств.

На созерцании этих двух принципов основаны и размышления («медитации»), входящие в набор практик йоги или ее западных эквивалентов; в наши дни они служат контекстом для техник психотерапии. Но эта двойственная схема содержит в себе больше того, что в силу академической косности склонна признавать психология — она принадлежит области магии. Архетипическим же магом запада выступает Мерлин. Магия — умелое и упорядоченное применение воображения, как органа восприятия и действия. Силы, используемые ею

— два полюса на «горизонтальной» плоскости, уравновешенность которых позволяет вскормить третью, вертикальную силу, внедряемую меж двух полюсов горизонтали. Также и наоборот, сила может быть вновь извлечена из носителя, из сбалансированной дипольной горизонтали. Глубочайшие проявления этого магического принципа — механизмы рождения и смерти, да и вообще всякого делания, производства, художественного или иного творчества, а также процессы учреждения объединений или сообществ, постоянных или мимолетных. Всё это — перекрестное взаимодействие симметричных горизонтальных полярностей, сбалансированность которых позволяет свершиться введенной меж ними вертикальной полярности.

Вертикальная же полярность — это жизнь и ее проявления на разных уровнях выражения. Для более высокой (относительно «нуля», то есть точки пересечения с горизонталью) силы, вертикальность выразит себя скорее в форме женственности; для более низкой формы — поселится скорее в силе мужественности.

В конечном счете, вертикальная полярность — *мистическая* движущая сила, ведь именно в вертикальном направлении движутся нетварные реальности, чтобы обрести выражение в воплощенном мире. Горизонтальная полярность — *магическая* движущая сила: хотя ее высочайшее и вернейшее назначение состоит в том, чтобы служить мистическому намерению, ее *modus operandi* и исходные материалы полностью принадлежат миру материальных форм. На низких уровнях магии горизонтальные полярности выражают себя в причинении изменений материальному миру. На более высоких — в технологиях идейности и воображения. На еще более высоких уровнях, горизонтальные полярности выражаются с еще большей силой, проявляясь в формулировании предвидений и управлении ими, — и в приготовлении их всеобъемлющего воплощения на всех уровнях, «от верху до низу».

Даже когда мы заговариваем о таком неудобном и недостоверном предмете, как магия, следует отдавать себе ясный отчет: сказанное выше объективно описывает *все* мыслительные процессы, достигающие воплощения в мире вещей. То есть, меж обычным миром и магией нет никакой преграды: мы все пользуемся магией, чтобы управлять своей жизнью, подобно тому, как пользуемся языком для выражения мыслей — хотя можем делать это и неосознанно. Алхимики упорно старались выразить эту мысль, всегда описывая свою «первоматерию» как нечто, обнаруживаемое повсюду, но непосвященными игнорируемое и почитающееся должным, разумеющимся. Алхимические принципы растворения и сгущения — не великие тайны избранного меньшинства. Это основные принципы жизни, и всё живое естественно и инстинктивно использует их во множестве способов. Возгонка, осаждение, кальцинирование и прочие химические лабораторные оперативные термины, применявшиеся алхимиками, — являются одновременно и точными определениями различных процессов сознания.

Из плодов нашего бессознательного использования магии или «алхимии, которая разумеется сама собою», составлен мир, который мы создаем вокруг себя. Таким образом, магию или алхимию невозможно запретить — без них ничего не может существовать; это также бессмысленно, как объявить вне закона органы чувств или обмен веществ. Вопрос состоит только в степени осознанности их использования: ведь прирост уверенности, усиление намерения, делают магию более эффективной, — подобно тому, как искусственно созданная тяга усиливает горение, или превращает домашний очаг в алхимическую печь.

Могущество магии измеряется длиной вертикальной полярности: в своей предельной мощи она простирается от нетварного духовного источника (лежащего вне форм, даже вне бесформенности) до телесного мира проявленных предметов. Это большая редкость; большинство тех, кто сознательно постигает мир, будучи воплощенными на этой планете в это время, в силу самого этого воплощения не способны *сознательно* воспринимать присутствие более высоких уровней. Даже области интуиции для многих закрыты.

Материалистическая мысль, конечно, пытается искать причины в мире следствий, — и именно потому оборачивается смертью души и выхолащиванием духа. Извращение материализма принесло нам некоторые краткосрочные технологические преимущества, но с ними мир просто быстрее несется в тупик бетонного туннеля. То, что началось как приключение разума, глашатаем которого выступил Фрэнсис Бэкон в «Новой Атлантиде», теперь являет знаки надвигающейся катастрофы глобального масштаба: экологического истощения и ядерного испепеления; разочарования в «объясненной наукой» жизни и простого вымирания заскучавших народов.

То редкое событие, которое предотвратило бы этот рывок к всеобъемлющему уничтожению, вполне обоснованно было бы названо проявлением Святого Грааля. Западная христианская церковь, как и отстраненный мистицизм, сказали бы: «дух дышит только там, где сам того хочет, и больше нигде» — и человечеству якобы следует лишь верить и молиться, ожидая свершения Божьей воли. Но, хотя и нельзя диктовать условия Святому Духу, можно и нужно применять собственные человеческие силы и свободную волю. Они и так применяются уже теперь — но неверно и в усиление зла. Так что от тех, кто обладает знанием, волей и способностью, требуется личное усилие в выпрямлении путей. Иначе нет и не было бы смысла в Приключении Святого Грааля, которому было посвящено всё рыцарство короля Артура: рыцари просто оставались бы в Камелоте, молясь о том, чтобы Грааль пришел к ним сам.

А за организацией всех поисков Грааля стоит архимаг Мерлин со спутницей, Дамой Озера. Они подготовили цвет рыцарства для важнейшего приключения. Традиция говорит, что изначальный Мерлин был выходцем из забытой эпохи, — он уцелел в том огненном кошмаре, что

предал волнам предыдущую цивилизацию, легендарную затерянную Атлантиду, — а ведь и наши дни зловеще созвучны такому мотиву.

Далее станет очевидно, что я не согласен с академической договоренностью помещать истоки артурианского цикла в V век нашей эры — хотя романо-кельтский *dux bellorum*⁸⁴, любимый современными историками, стал определенным фокусным центром, вокруг которого могла выкристаллизоваться память о древности. Реальные корни силы, питающей эту традицию, уходят намного глубже, — ко времени возведения мегалитов Западной Европы.

Традиция говорит, что строители неолитических культовых площадок изначально руководствовались примером поселенцев с крайнего запада Европы, возведших важные центры вдоль западного побережья Европы, а также в Ирландии, Шотландии, Уэльсе, юго-западной Англии, Бретани, на Иберийском полуострове и в бассейне Средиземного моря на таких архипелагах как Мальта. Большую часть этих земель теперь ассоциируют с кельтами; но кельтская культура — верхнее и позднейшее наложение на культуру изначальных жителей здешних ландшафтов. Кельты впитали и сохранили традиции бронзового века и народную память неолитических культур, на место которых они пришли.

Итак, кельтская мифология выявляет более глубокие движущие силы легенд об Артуре и Граале. К таким силам относится стремление Мерлина основать новую династию при помощи управления генетическим материалом; Дама Озера оказывает ему помощь, Фея Моргана чинит колдовские препоны. Автохтонный аристократический род, представленный королем Утером Пендрагоном, должен сочетаться с родом жреческой аристократии древних атлантов, представленным Игрейной — согласно традиции, она была принцессой Атлантиды, а после гибели родины нашла покровительство одного из вождей Корнуоллского полуострова, Горлуа Тинтагельского, став его супругой.

Власть древнего рода атлантов основывалась на принципах наследуемого ясновидения, как одного из свойств генетической линии. В этом основа сегодняшних представлений о «sang real» — осящающей королевской крови. Принявшие дар ясновидения могут обращаться ко внутренним силам и знанию, закрытым для простых смертных. Общественное устройство, основанное на руководстве ясновидящей знати, сохранялось в Древнем Египте почти до времен Александра Македонского, оно же является корнем—обоснованием аристократической и королевской традиций. Проблема, сопутствующая всем формам крайне избирательного полового воспроизводства, — в неотступной вероятности вырождения: если чрезвычайно узкий фонд крови, участвующий в скрещивании, обретет изъяны, — не будет материала для его восстановления.

⁸⁴ (лат.) «герцог битв», то есть Артур.

Представление о власти сверхлюдей не теряет своей важности, и продолжает влиять и на современную историю, в частности, в отношении института монархии. «Божественное право королей» — идея, развитая из древних представлений. Казнь Карла I оставила особенно глубокий отпечаток в британской расовой памяти. Широко известная гравюра XVII века показывает короля стоящим на коленях у алтаря: он отложил земную корону ради небесной короны мученика. Любое дело обретает неизмеримую силу через самопожертвование, и это в особенности справедливо в отношении жертвы короля; это древнейший мотив: божественный король племени добровольно приносит себя в жертву ради благополучия народа и устойчивого повторения циклов природы. Несмотря на то, что последние сто или около того лет, мир узнал широкое распространение республиканских демократических институтов, романтика монархии по-прежнему владеет народным воображением, что видно хотя бы из заголовков мировой прессы. Пусть сегодня аристократия более не является сверхъестественно одаренной элитой, чьи силы коренятся в способности различать «волю богов», видеть поток сверх-материальных сил — но сам по себе институт смог существовать так долго благодаря тому, что исток его в могучих душевно-духовных движущих силах.

Для рассмотрения исторической связи между традиционным представлением о *sang real* и Святым Граалем, как воплощением женского начала — стоит проследить влияние на Англию (а позже Великобританию) королев этой страны. В круг нашего внимания должны попасть не только великие королевы, как Елизавета I и Виктория, не только важные фигуры переходного периода, как воплощение католической реакции Мария I, или первая королева объединенной Великобритании Анна, но также и значимые супруги, как жена Генриха II Алиенора Аквитанская, а равно и иные известные королевы, возобновлявшие связи с Западной Европой (в конце концов, прерванные при Марии), усиливавшие древние эзотерические, доисторические сплетения.

Для исследования Грааля и артурианского цикла Алиенора особенно важна: она покровительствовала куртуазной любви и трубадурам—менестрелям, бывшим животворящей ниточкой в деле литературного выражения Кретьеном де Труа и его последователями древних устных легенд о короле Артуре и Граале. Кроме того, Алиенора — мать харизматичного Ричарда Львиное Сердце и его брата Иоанна Безземельного; в великом цикле баллад—легенд о Робине Гуде эти две персоны сыграли характерные роли злого узурпатора и короля—изгнанника, однажды правившего и должного возвратиться.

Я могу лишь попробовать указать наиболее любопытные сюжеты для размышления и исследования. По-прежнему недостаточно исследована жизнь и деятельность мага, математика, географа и библиофила времен Елизаветы, доктора Джона Ди. А ведь он, в каком-то смысле, наследовал мантию легендарного Мерлина, — это ноша не из

лёгких. Ди пришлось пострадать от поспешности и предрассудков пост-ренессансного академического мира, впрочем, такой участи не избежал даже Ньютон — чьи алхимические и прочие эзотерические исследования были проигнорированы интеллектуальной верхушкой, к несчастью, некомпетентной и не способной оценить их важность. Их сочли недостойными даже очернения! Сегодня нам остается ждать поколения должным образом подготовленных ученых, которые воздадут справедливые почести сокровищнице эзотерических исследований, накопленной великими учеными XVII – начала XVIII веков, прежде чем Возрождение (какая ирония в этом подлоге термина!) отбило у мужей науки охоту связываться с чем-то, что нельзя увидеть или потрогать.

На практике же было так: Дрейк, Рэли и прочие великие мореплаватели тех времен обращались для планирования маршрутов именно к библиотеке Ди. Сходным образом и Мерлин давал Артуру и его союзникам практические советы в области стратегии и тактики. Ди обладал столь же широкими познаниями в магии эпохи Возрождения, сколь Мерлин — в додруидических магических технологиях. Ди с почетом принимали величайшие дворы Европы, и здесь он имел влияние, и Мерлин также свободно путешествовал по королевствам древнего Логра — Корнуоллу, Лионесс, Северной Галлии и так далее.

Наконец, подобно тому, как Мерлин составил грандиозный стратегический план развития для Логра, так и Ди сформулировал для Британии идею Империи — таков был логический венец развития его картографических исследований.

Может быть, случилось так, что идея Британской империи, также как и представление о необходимости сохранения королевской крови как средства правления, выпали из времени и не нужны в сегодняшнем мире. Но родившая их движущая сила — одна из опор коллективной расовой души британцев, выражающей стремление вести за собой другие народы (пусть порой и в сомнительных формах). Идея Британии, как вождя других наций, может казаться устаревшей и глупой многим современникам, принявшим интернационалистический склад ума, — но важность этого архетипа уходит корнями во мглу времен, когда Британские острова были религиозным центром кельтского мира. Римский историк Плиний признает за религиозным духом Британии право поучать даже персов — великих жрецов античности и хранителей мудрости звезд.

Религиозный авторитет Британии коренится в традиции потерянного континента Атлантиды; хотя современная наука отказывает ему в праве существовать физически, он остается сильнейшим воображаемым образом, заставлявшим древних мореплавателей (например, святого Брендана) отправляться на поиски Островов блаженных. Сила видения Атлантиды так велика потому, что оно представляет собой расовую память о Золотом веке — то есть, об опыте человеческого сознания в состояниях рассудка, предшествовавших теперешнему,

ограниченно-упадочному. Подобные представления непросто ухватить современным аналитическим умом; всё же, Рудольф Штайнер в записках и лекциях о «духовной науке» изложил в некоторых подробностях и эти идеи, и некоторые методы работы с ними.

До римского владычества мудрость античному миру светила с запада. Британские острова, в особенности западные их земли, и, в частности, Ирландия, были центром великой религиозной культуры и знания. Англии, ко времени завоевания римлянами, оставался великим центром учения друидов. Впоследствии культура кельтского христианства распространилась на восток от Ирландии, поддерживая факел знания в темные времена средневековья. Но всё это — позднее отражение предшествовавшего расцвета и распространения неолитической культуры Бру-на-Бойн (которой принадлежат такие важные археологические площадки, как Тара и Нью-грейндж) на Британских островах.

Итак, мы видим традиции коллективной души различных племен и рас, последовательно населявших Британские острова. В определенном смысле, эти традиции соответствуют состоянию человеческого сознания на данном участке поверхности Земли. Истоком мудрости они почитают запад. И, собственно, Британские острова, как самая западная часть европейских земель, продолжают претендовать на роль первохранилища этой мудрости — столь великой, содержащей в себе судьбы целых народов.

Некоторая часть этого представления выражена Чарльзом Уильямсом в поэтических образах артурианского цикла «Область летних звезд» и «Талиесин через Логр»⁸⁵. Его герой, бард Талиесин, встречает Мерлина и Даму Озера (здесь названную Брисен) на опушках волшебного леса Броселианд. Сила их магии столь глубока и велика, что Талиесин может наблюдать ее лишь в видении. Итак, он видит, как Мерлин могучими словами закликает силу звезд, а нагая Брисен, ставшая воплощением женственности как таковой, сливается с материком Европы и Ближним Востоком. В этом великом отождествлении с землей различные части ее тела соответствуют важным центрам культуры и цивилизации: Ватикану, парижскому университету, космополису Толедо, Иерусалиму, Кавказу, и, что более всего примечательно, — ее бровь, символизирующая разум и интуитивное понимание того, что должно быть и что будет, приходится на Логр; Брисен вглядывается в западный океан, и там, где он подступает к зачарованному лесу, обретается замок Грааля.

Замок Грааля же — это состояние внутри леса (а лес часто называют образом бессознательного), соответствующее сердцевинной точке религиозного рвения; это столица символической Вселенской Империи, город Византий. Мифическая столица империи, помещенная

⁸⁵ Charles Walter Stansby Williams, «The Region of the Summer Stars», «Taliessin Through Logres».

на место исторического Византия, и соответствующая пупку всежизни—всеземли Брисен — цель, к которой направлены все выпущенные молитвы, всякое обретшее форму религиозное устремление. Огромная человеческая масса слилась в желании совершить телесное паломничество в реальную географическую точку, но не отправиться блуждать опасными тропами западного леса Броселианд, обиталища странных чудес и чудовищ; туда вхожи лишь поэты, безумцы и любовники — хотя исследователи души, специалисты аналитической психологии и практикующие оккультисты также обосновались там. Говорят, что вошедший в этот лес не вернется прежним — бессознательные подземные силы навсегда оставят свою отметину. Они также и силы смерти и перерождения.

За вполне определенной, конкретной частью леса, обретается замок Грааля. Сбившиеся с пути могут попасть в окружение даже подлинного зла, в шупальца подручных бесчестного безголового императора По-Лу. Но всё же, что такое «замок Грааля в опасном лесу»? Это принцип божественной женственности, глубинное свойство, присущее сознанию самой материи.

Таков глубочайший секрет древнего посвящения и алхимии. Розенкрейцеры учили новопосвящаемых акростику, складывающемуся в обозначение универсального растворителя, VITRIOL: «посетить изнанку земли, где обнаружить и очистить скрытый камень» (*Visita Interiora Terrae Rectificando Invenies Occultum Lapidem*).

В другом важном розенкрейцеровском алхимическом трактате, «Химической свадьбе Христиана Розенкрейца» принцип женственности описан почивающим в подземной гробнице, как спящая нагая госпожа Венера. Это Исида природы, или божественность, проявленная как сердцевина силы космической женственности. Нашедший ее тайную келью (скрытую за символической медной дверью—ловушкой), и осмелившийся разбудить спящую Венеру, обнаружит, что она родила Короля.

И вот что обычно остается непонятым: именно *сам нашедший* спящую Венеру, Исиду природы, и становится новорожденным королем, которым беременна спящая. Личный опыт переживания действительной сути природы преобразует мужчину в духовную сущность, полностью владеющую собственной судьбой. Как раз в тот момент, когда познается он сам, он начинает знать. Таково знание Гнозиса: за пределами *natura naturata* мужчина осознает и *natura naturans*⁸⁶. Этот процесс, крайне сложный для интеллектуального выражения, лучше

⁸⁶ *Natura naturans, natura naturata* (лат.) — «природа порождающая», «природа порождаемая». Первое — безусловность, главенство самосодержащейся воли, причиняющей изменения любой внешности и среде, тождество желания и исполнения; второе — обусловленность внешними причинами, самосознание полностью сформированное внешними воздействиями, причинно—следственными цепочками — *прим. ред.*

всего описан Оуэном Барфилдом, в конструктивном анализе философии Кольриджа «What Coleridge Thought»⁸⁷.

Этот альтернативный путь просвещения едва ли приветствуется ортодоксальным духовенством. Духовенство не склонно поощрять даже тех, кто ищет откровения на широкой дороге божественного мистического опыта, символически представленного великими имперскими дорогами Византии. Насколько же ему неприятны те, кто идет более диковинными путями? Те, кто находит просвещение в женственной, а не мужественной этике теологических предположений иудаизма, христианства, ислама. Те, кто скорее ищет просвещения в материи, нежели отрицает ее.

И всё же, такой путь существует, и даже сама христианская мифология обозначает его. Дитя Иисус рождается в яслях или пещере, поддерживаемый руками матери; его окружают самые прозаические земные звери: ослы и коровы. В завершении его предназначения, когда тело погребено в пещере, Христос должен сойти к самым глубинам, в преисподнюю — только так он может совершить Воскресение. Даже в великом эпосе средневекового христианства, Данте описывает путь на небеса как проходящий через низ, через сердце Земли. Может быть, это и есть самый Ад — но, не пройдя его, не познаешь и искупления горы Чистилища и восторга путешествия по Небесам.

Возможно, многим достаточно того, чтобы под надзором заботливой церкви просто ожидать прихода Спасителя, Искупителя. Но это не исключает других путей для души странника. Восток располагает путем буддизма махаяны, на котором просвещения ищут личным усилием, желая облегчить бремя невежества в мирах чувства, желания и формы. Западной церкви может казаться грубо незаконным стремление произвольного верующего стать бодхисатвой, воплощением спасителя, — но призыв Христа «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», оказывается прямым приглашением стремящейся душе; притча о зарытых талантах говорит о том же. Церкви следует избегать этой ошибки, и не отрицать для душ возможности использования их собственных талантов.

Путь к звездам, лежащий через центр Земли, отражен и в легенде о том, как Мерлин был зачарован Дамой Озера, Нимуф. Мерлин лишился ума, возжаждав ее красоты, — она же, познав его магию, сплела вокруг него заклятье, пленив в башне, окруженной зарослями боярышника. Эта башня казалась Мерлину тюрьмой, отсюда он не мог помочь Артуру и рыцарям Круглого Стола.

Вдохновенное наблюдение определенных древних гробниц ставляет предположить, что легенда воплощает память о добровольном погребении жреца-короля или вождя: он ищет слияния с землей и

⁸⁷ Owen Barfield, «What Coleridge Thought».

умершими предками, как представитель своего племени, всех ныне живущих соплеменников. Представляется также, что, вопреки нашим собственным ощущениям, звездные небеса и их силы обретаются не вокруг, не снаружи Земли, но внутри.

Современному человеку запада непросто вообразить такое представление. Создаваемые добровольной жертвой силы оставили след в рисунке психических акцентов, связывающих истоки и бассейны сведенных вниз (или направленных наружу, в зависимости от точки зрения) звездных сил. Их мало-помалу и от случая к случаю обнаруживают современные исследователи лей-линий и прочих подобных предметов. Традиция, описывающая Святой Грааль, как погребенный в тайнике ради последующего обнаружения — еще одно выражение обозначенного комплекса магических сил.

Знакомясь с историей Поисков Святого Грааля в том виде, в каком она дошла до нас, записанная сэром Томасом Мэлори (важнейшим источником для которого было изложение цистерцианцев, выстроивших сюжет вокруг персоны сэра Галахада), мы склонны рассудить, что приключение Артура удалось в лучшем случае частично.

Сэр Галахад, обретший Грааль, никогда не вернется на Землю — он хотел лишь идти всё дальше в небеса. Этот сфокусированный на одной точке горизонта идеализм по-своему ценен; но оставление королевства Логра, его мирского устройства — идеализм монашеский, затворнический. В терминах тибетского буддизма, любопытным образом соотносящегося с древними кельтскими тайнами, Галахад оказывается скорее последователем хияяны, а не махаяны: его более заботит собственная душа, нежели воплощение сочувствия ко всем разумным существам. С другой стороны, нежелание перейти в нирвану до того, как всё сущее сумеет достичь ее прежде, могло бы стать встречей лучших черт христианской и буддистской традиций, а окончательное вхождение всего сущего в рай стало бы временем встречи Востока и Запада, как предзнаменует празднество Весак: августовское лунное торжество гармоничного содействия Будды и Христа.

Разумеется, свершение Галахада обладает собственными достоинствами, и в любом случае способствует некоторым переменам на всех уровнях, не являясь исключительно, изолированно личным. И всё же, Грааль не был возвращен этим подвигом, и не пролил благодать на Землю. Не вернулись и спутники Галахада, Персеваль и его сестра — хотя примечательно, что она приняла смерть ради жизни другой, неизлечимо больной дамы, отдав свою чистую исцеляющую кровь, способную побороть любой недуг.

Лишь Борс, которому легенда не уделяет значительного внимания, вернулся из Приключения Грааля, чтобы рассказать о произошедшем. Борс — семьянин и принадлежит мирскому укладу; составители монастырских хроник подвергли его нападкам даже за то, что он породил сына — считая это моральным падением. А без свидетельства

Борса мы бы вовсе не узнали о внутренней истории Святого Грааля, он бы исчез бесследно, расплывшись святым туманом.

Но, как бы то ни было, приходит время нового Приключения, и форма, в которой оно будет выражено, отразит насущные нужды. Научные и религиозные учреждения нуждаются в радикальном переосмотре своих позиций — и те, и другие, после катастрофического раскола между ними, вызванного разработанным в XVII веке научным методом, пребывают в равном беспорядке. Брешь эту, в меру своих талантов, на время могли прикрыть мужи знания: это и знаменитые Роберт Бойль, Иоганн Кеплер, Элиас Эшмол, Исаак Ньютон, и почти канувшие в безвестность Михаэль Майер, Роберт Фладд, Атанасиус Кирхер, и оставшиеся совершенно безымянными братья розенкрейцеры. Раскол меж религией и наукой сопряжен и с параллельным кризисом *sang real*, проявившимся в гражданской войне и жертвенной смерти короля, и позднейшей реставрации Стюартов — рассудить о чем здраво до сих пор мало кто сумел. Массонские и иезуитские интриги, их соотносимость с глубоким кризисом человеческой души, как в тигле Британии (Пределах Мерлина), так и позднейших материковых и имперских ростках — не были в полноте постигнуты или изложены. Всё это — выходы на поверхность той глубокой магии, что остается за пределами размышлений о природе искусства.

Наука и религия ныне разделены пропастью столь чудовищной ширины, что на кон поставлено само будущее человечества и возможность присутствия высоких форм жизни на планете. Надежда брезжит в том, что некоторые дисциплины (например, физика) уже обнажают ограниченность прежних ошибочных представлений, а новые науки (например, экология) уже осознают часть своих интересов и некоторую моральную ответственность, предотвращение постоянного истязания Земли, как необходимое условие выживания.

Ядерное ли истребление впереди, повторится ли судьба легендарной древней Атлантиды, ушедшей в пучины под тяжестью собственных грехов, гордыни и насилия; или всё же, свершится повторное обнаружение человеком собственного духовного предназначения на этой маленькой планете? Это путь магии: прямое сознательное сотворчество с «внутренними», «окультурными» силами. Путь магии мистичен, поскольку эти силы — проводники истинной действительности Бога, выражающие ее в предметах здешней реальности. Символ видения Святого Грааля выражает действие окончательного обнаружения Бога и его претворения в вещественную реальность. Чаша Грааля создана прозрениями мужчин и женщин, воплотившихся в телах, в веществах Земли — и каждый подобен миниатюрному Граалю, каждый содержит в себе кровь Святого Духа, как выражение их собственной истинной сущности. И так, в особом смысле человек становится воплощенным на Земле Богом — пусть такая идея кажется ересью

нынешней церкви, и глупостью — материалистическому научному сообществу.

Но те, что воспитали в себе умение зреть волны внутреннего прилива, видят, как они накатывают, готовые хлынуть — и как же велики будут перемены для песочных замков людских умопостроений! Надежда на будущее выражается во многих формах; одна из них — символ созерцания Грааля, способный на бесконечное расширение понимания, поскольку он синонимичен овеществлению духа, раю земному. Его можно описать и символами древних таинств женственности; успением и коронованием Богородицы; страстями, воскресением и вознесением вочеловечившегося Господа; жертвой божественного короля-жреца языческой древности; тантрическим путем буддизма махаяны; возведением Храма Соломона; расцветанием Розы на Кресте; алхимическим деланием; гнозисом Магдалины — и раскрыть в терминах множества других путей, где сознание вдохновенного человечества говорит о святости *формы* и необходимости *искупления* ее из состояния упадка. Упадок же, в основном, является мнимым, и вызван лишь упадочностью способа восприятия формы.

Боб Стюарт «Грааль как телесный сосуд»

Мотивы возобновления и восстановления, как важнейший элемент литературы Грааля, указывают на высочайший образ Сосуда, выраженный в человеческих формах — это Богородица, носящая тело и кровь Спасителя в собственном теле. Образ женщины, рожающей бога в следующем эссе спроецирован на область генных манипуляций. Сам автор указывает на то, что не следует понимать слова излишне буквально, — но всё же, в утверждении о том, что «плотский сосуд тела — также и духовный сосуд обновления», присутствует непреложная правда. В этом сущность Грааля: символический сосуд содержит ту реальность, что превосходит очевидную физическую данность. Духовная алхимия должна совершаться в том, кто стремится успешно исполнить Приключение.

I

Велики объемы туманных и завораживающих текстов, имеющих отношение к Граалю, — но внимательный читатель должен уловить упоминания и о двух меньших сосудах: «И когда наш господь был одет в саван, Иосиф собрал эту кровь в две солонки» («Жизнь Иосифа Аримафейского»), «В саркофаг Иосифа вместе с телом положены две бело-серебряные стекляницы с кровью и потом Пророка Иисуса» («Historia de Rebus Britannicus» Майлгуна Авалонского). Нам следует присмотреться к этим любопытным утверждениям, поскольку устная традиция упорно продолжает повторять их и в наши дни.

Я должен объяснить, почему использую устойчивый элемент традиции как основу для собственных размышлений, поскольку дальнейшее рассмотрение некоторых сторон традиции Грааля не вполне соответствует заявленной в названии теме.

Внешний облик любого предмета редко бывает достаточным для того, чтобы верно определить его происхождение и принадлежность. И это еще более верно в отношении древних туманных традиций, историй, легенд, песен, а также накопленных описаний и комментариев к знаниям подобного рода. Ряд замеченных публикой текстов, появившихся под гром фанфар в последние несколько лет, описывает традицию Грааля как потаенный политический заговор. Я же ставлю себе задачу рассказать, почему традиция не может быть ни материальным заговором, который может быть «раскрыт» телевизионной документалистикой, ни эксцентричным накоплением старых побрякушек. Традиция Грааля — особый способ сознания, становящийся катализатором принципиальных изменений как отдельного человека, так и сообщества. И потому традиция может сохраняться как пассивно (ко-

гда связанная группа определенных символов–носителей не используется, но только передается через время в более–менее сохранном виде), так и будучи сознательно применяемой. Применение, или задействие, совершается оживлением основных символов в воображении ныне живущего — это действие мы рассмотрим подробнее в привязке к конкретным символам традиции Грааля.

Выступая с подобным недоказуемым предположением, я, разумеется, оказываюсь в роли беспомощного стража при входе в Тофет, усыпальницу забытых и проклятых богов. Согласно своему обычаю, евреи плевались, заслышав имя этого места, во многом схожего с кельтским подземным миром Аннун — тем самым местом, где обретается Грааль. Почему страж беспомощен? Потому что непрекращающийся наплыв вездесущих псевдо–академических грабителей не желает и плевать потратить на подобную теорию: ею ничего не обоснуешь.

Грааль — сосуд подземного мира, и останется им, но благодарные умы нашего мира могли разными путями выносить его на поверхность. Каббалисту такой парадокс понятен сразу же, чуть сложнее понять его ортодоксальному христианину или последователю приспособленных для запада восточных учений.

Близкое знакомство с первоисточниками сущностно важно, и выдвигаемые предположения теряют значение, не будучи связанными с содержанием древнейшей основы цикла Грааля и сопутствующими текстами. Основной первоисточник — «Поиск Святого Грааля». Никакой объем последующих комментариев не сможет заменить самих легенд; они — движители живого могущества, ведущего к очевидному внутреннему преобразению. Традиция предполагает, что это преобразование рождается внутри и начинает выражать себя вовне. И не в какой–либо ограниченной политической, религиозной или эфемерной форме⁸⁸.

Один из признаков величия в способности символа явить себя человеческому восприятию во множестве облиций, и каждая новая, принадлежащая настоящему времени форма, будет идеально сонастроена сути вневременного источника. И Грааль таков. Это не значит,

⁸⁸ Тому, кто желает обоснования академическими материалами, такое удовольствие будет представлено ссылками в любой добротной работе о средневековых и фольклорных легендах. Я приведу здесь короткий список тех работ, какими пользовался сам при написании данного эссе. P. Matarasso, «Queste del Saint Graal/The Quest of the Holy Grail»; J. Cable, «The Death of King Arthur», 1971; J. Gantz, «The Mabinogion», 1976; преподобный C. C. Dobson, «Did Our Lord Visit Britain? », 1974; H. Jennings «The Rosicrucians», 1907; преподобный R. Kirk «The Secret Commonwealth», 1976; A. и B. Rees, «Celtic Heritage», 1978; A. Ross, «Pagan Celtic Britain», 1974; A. Ross, «Folklore of the Scottish Highlands», 1976; H. M. Porter, «The Celtic Church in Somerset», 1971; E. Pagels, «The Gnostic Gospels», 1980; R. Steiner, «The Occult Significance of Blood»; G. R. S. Mead, «The Hymn of Jesus», 1963; L. C. Wimberley, «Folklore in the English and Scottish Ballads», 1959.

что Грааль суть «всё для всех», или может стать «всем, что мы пожелаем увидеть». Все великие символы или ключи к изменению способа сознания имеют ограничения, хоть мы порой и не можем достичь таких границ. Вероятно, чем-то ограничен и Грааль.

Задействование великого символа, пра-символа, приводит к ряду последовательных циклически отзывающихся последствий, каждое из которых находится в соответствии с первоначальным событием, но выражает себя иначе, каждый раз по-новому. Связность этих расходящихся волн событий можно обнаружить не простым сравнением общих черт в них, но глубинным переживанием, которое и оказывается сердцевиной — первоначальной причиной серии следствий.

Внимательное изучение этого процесса заставляет заключить, что хоть побочные проявления, следствия великого символа, поистине неисчислимы, — ни одно из них, взятое в отдельности, не оказывается истинным отражением первопричины. Выраженность в вещественности, в предметности, неизбежно означает ограниченность, и мы не должны думать, что скученность всех ограниченных выражений окажется полной суммой, настоящим выражением первопричины! Такой механический подход к символизму неизбежно губит чистоту и силу изначального истока.

Один из важнейших законов действующей магии, вероятно, парадоксален: целое может действовать посредством лишь одной из своих частей, при том, что собрание всех частей никогда не создаст цельности. Понимание этой разделенности, одновременной единству, было свойственно философии, метафизике и ритуалам древних; сегодня представление об этом парадоксе вновь переживает значительное интеллектуальное возрождение.

Символисты язычества и раннего христианства были в высшей степени практичными. Они ожидали и даже требовали от могущественнейших своих символов очевидных и бесспорных телесных проявлений. Именно с этой точки зрения мы и рассмотрим Грааль, помня о том, что его проявление в качестве телесного сосуда, человеческого существа, сущностно идентично проявлению в любой другой согласованной форме, отличаясь только способом выражения.

Самый драматичный и открывающий широчайшие горизонты религиозный вариант проявления Грааля предлагает ортодоксальное христианство; изначальное первичное верование приобрело здесь новое выражение, отвечающее бытующим предпочтениям. Христианское представление о воплощении бога в человеке основано на хорошо известной и широко распространенной магической системе, доступной не только так называемым «посвященным», но и простому народу.

Хотя приверженцы эзотерического христианства возразят, что их боговоплощению присущ более высокий уровень в сравнении с подобными языческими ритуалами, — невозможно обосновать утверждение, будто символизм родов девственницы не был давним и пре-

красно развитым и до, и во время, и после появления Христа. Ортодоксальная религия, конечно, любой ценой старается не допустить таких мыслей, даже вопреки фактическим историческим свидетельствам классической литературы, результатам археологических раскопок или выводам сравнительного религиоведения и мифологии.

Особый интерес для нас представляют систематические указания на то, что подобная древняя система может действовать и сегодня — или, скорее, человеческая вера в ее действие присутствует и сегодня. Обсуждение того, насколько такая система верна или пригодна для XX века, не входит в цели настоящего эссе.

Интерес к древним традициям и местным этническим обычаям получает импульс к возрождению почти с каждым поколением; в его русле толкование Грааля как кельтского и раннехристианского символа стало общепринятым. Вопреки постоянно прирастающему объему противоречивой литературы, разнобоко толкующей рукописные и фольклорные свидетельства о Граале, продолжает присутствовать присущая британской устной культуре устойчивая группа примечательных проявлений, которую можно назвать «традицией Грааля». И ее следует рассмотреть в расширенном контексте, добавив обсуждение магических практик, языческой и христианской символики.

Хотя наш анализ будет привязан к единственной, краткой и четко очерченной традиции, значение его более широкое; я не стану применять и обычных методов литературного сравнения или онаучивания фольклора. Большая часть изложенного мной материала, вероятно, уже знакома читателю — но мои выводы могут поразить.

Начну с традиции приятно немногословной, приобретшей литературное выражение в начале XIII века в работах Робера де Борона. Сообщение о двух предметах столовой утвари: «фиалах» или «стекляницах», имеющих отношение к Граалю, — характерно для известной истории об Иосифе Аримафейском и его связи с британскими святыми Гластонберри. Разумеется, спор об истоках и достоверности этой легенды едва ли когда-либо разрешится, но раз уж народная и эзотерическая традиции приняли ее в свое русло, она достойна пристального внимания.

Обнаружение «подлинных исторических» истоков традиции — вернейший способ ее выхолащивания. Разносчики пагубной «исторической правды» едва ли понимают, что многие явно сфабрикованные традиции укореняются в народном воображении, и остаются вполне жизнеспособными спустя века после того, как их (предполагаемые) создатели обратились в прах.

Прежде чем продолжать, я должен ясно сказать: я не намерен искать никакой исторической правды и что-то фактически обосновывать. Традиционное знание не нуждается в доказательствах; как раз недоказуемость исторически переданного предания, невозможность лично проверить его, и делают ценными переданные сведения. Мы имеем дело с единственным бесспорным фактом: традиция существу-

ет, и многие ее ответвления (литературные, фольклорные и эзотерические) говорят об одном и том же, пусть порой сбивчиво и отрывочно.

Разбирать такой материал будто детективную загадку, предполагать существование в прошлом или настоящем действующих тайных «орденов», сохраняющих традицию до наших дней в целях мирового господства — значит чрезвычайно принизить ценность традиционного знания; авторы подобных конспирологических теорий являют свою ничтожность.

Невозможно «владеть» Граалем, невозможно и «фактически обосновать» Традицию.

Ищущий обнаружит множество источников узнаваемого рисунка традиционных верований; я могу назвать следующие:

1) Учения и писания канонического христианства, Ветхий и Новый Завет;

2) Параллели между языческой и христианской мифологиями;

3) Сюжетные параллели в британском и, шире, европейском фольклоре: в преданиях, песнях, балладах, ритуальных играх или представлениях;

4) Основной корпус литературы Грааля XII–XIII веков, сохранивший огромное множество языческих и еретических христианских традиций;

5) Эзотерические традиции европейских и британских школ, магических систем. Сюда входят так называемые учения о «внутреннем плане», переданные не принадлежащими этому миру силами, хорошо представленные в устных учениях: от возрожденного ведовства до различных форм Каббалы.

Я скажу еще раз: следующие страницы не предлагают никакого «фактического обоснования» чему бы то ни было, и не являются изложением моих личных верований или практик. Истинная ценность эзотерической или символической традиции не в содержании, но в том эффекте, какой ее содержание оказывает на способ сознания.

Отбросив вопросы общественной, исторической, и даже литературной достоверности, мы рассмотрим присущую традиции силу формировать и развивать сознание личности и характер сообщества. В некоторых случаях воздействие этой силы оказывается внезапным, стремительным и необратимым.

Восточные системы изменения состояния сознания привлекли к себе значительное внимание, и теперь многим известно применение определенных рассказов и присловий — например, знаменитых дзенских «коанов». Ключи такого рода срабатывают так: заводя в тупик парадокса, «выбивают» сознание индивида в новые режимы работы, прежде ему неизвестные. Та же каталитическая сила может быть до глубочайших уровней испытана и в таинстве Грааля.

В составе цельного таинства присутствует ряд меньших, но также значительных дочерних тайн, которые выражены через, так скажем, «подсимволы». Они оказываются полезными в деле прибли-

жения к великому символу, часто выступая тайными короткими тропками на пути понимания — позволяя обойти стороной тягостно-длинные избитые, догматизированные отрезки.

Именно в этом контексте я и предложу рассмотреть эзотерические традиции, предполагающие возможность существования плотских отпрысков и наследников Иисуса Христа. Таким традициям не обязательно опираться на факты, хотя это порой случается. Отношение к ним, как к скандальным сенсациям для масс, лишает их всякой ценности.

Действие их подобно действию «коанов» или притч. Указание на привычное генетическое наследование, существование магически пробужденного семейства, должно было потрясти посвященного, открыть ему новые способы осознания реальности, а значит, он стал видеть бы в реальности и новые слои, целые миры. Первоначальное потрясение на фоне вездесущей отупляющей ортодоксии может быть действительно велико, но следующий за ним процесс усваивания и вплетения себя в новое знание позволяет настроиться на тот обеспечивающий непрерывность традиции уровень осознания, что струится под жесткой поверхностью религиозной пропаганды.

С практической точки зрения важнее всего то, что преобразованию сознания содействует не вдумчивое изучение слов; оно возникает как удивительная внутренняя убежденность, через живое участие в символах таинства Грааля. И потому, расходящиеся широкими тиражами сочинения, целью которых является заработок на разглашении традиционных и эзотерических ключей, на самом деле, причиняют не так много вреда, как может показаться.

Всё же, в прошлые века, обсуждаемые прозрения считались тайнами; секретом были не сами по себе они, но их действие заполнения брешей и наведения мостов меж эзотерическими практиками и сознанием расы, группы, толпы. Эти тайны, произнесение которых каралось как ересь, воспринимались как игры, шутки, глупые побасенки. Так и историк мифологии Гальфрид Монмутский изо всех сил старается не дать забыть, что его сочинения изобилуют двусмысленностями, даже рискуя быть обвиненным в насмешке над своими благородными покровителями. Легендам Грааля, каким бы серьезным ни было их намерение, свойственно то же «ребяческое» накопление традиционного знания.

Первые примеры такого подхода действительно весьма древние; евангелие от Луки (18 глава, 17 стих) прямо указывает: «Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него».

Хотя нет никаких четких свидетельств существования в веках последовательного тайного учения, заметно присутствие постоянно возобновляющейся традиции, неискоренимой, постоянно выступающей под разными обличьями. С точки зрения магии, или даже чисто материалистических предположений современной психологии, можно проследить, как сама собой возникает традиция «генетической магии»

после реального или воображаемого контакта с определенными таинствами Запада и «наследования» им.

И эта традиция говорит нам, что упомянутые де Бороном «стекляницы» — отпрыски Иисуса Назаретянина: сосуды мужественности и женственности, семя и кровь. Ортодоксальный и эзотерический символизм в определенных контекстах шифруют «водой» семя или сперму.

Эта эзотерическая традиция может передаваться как устно, так и «сообщением» от нетелесных сущностей, преподающих свод целостного прикладного знания, сочетающего языческое и христианское просвещение в русле Таинства тела, с целью проявиться в человеческом половом воспроизводстве и перевоплощении.

Важность имеет не степень достоверности этого учения. Величайшую значимость представляет его постоянное возникновение в сознании как отдельных лиц, так и группы, от древности вплоть до настоящего дня. Эти постоянные повторения выявляют действие определенных символических состояний сознания, переводящих рисунок эмоций и рассудка в телесное выражение.

Одно и то же «таинство» совершалось на протяжении тысяч лет, и в свode текстов Грааля оно многократно выражено в различных формах. Время от времени возникает мода на «обоснование» того, что таинство сфабриковано или, напротив, реально, и исполняемо оккультной деятельностью тайных обществ. Правда может оказаться проще: таинство укоренено в периодически возобновляющемся порождении таких идей групповым сознанием. Не возрождающееся не может быть Граалем.

Европейское развитие символизма сосуда возрождения и восстановления прослеживается до известных рукописей, описывающих древнюю кельтскую традицию. Сведения, предоставляемые этими рукописями, сходятся с сообщениями античности, а также с археологическими свидетельствами, относящимися к романо-кельтскому периоду, к I веку нашей эры. Такие площадки археологических исследований, как Акве Сулис, где расположен кельто-романский храм Сулис-Минервы, предлагают действующие модели языческих верований в возрождение в подземном или «ином» мире.

Мотив возрождения, повторного порождения, содержится и в собранной в XX веке устной традиции народных преданий и песен, хотя описан он весьма спутано и разнообразно, а слово «грааль» нигде не употребляется.

Еретическое знание Грааля, принадлежащее XII–XIII векам, связывает языческие и раннехристианские верования нитью толкований в духе строгого аскетического отречения. Это не всегда ортодоксальное толкование выступает своего рода цементом, позволяющим сохранить языческое (и, стало быть, в другом контексте довольно «опасное») народное знание. Если в трудах Гальфрида Монмутского

различные мифические традиции выстраивались вокруг старого принципа «мира после катаклизма, грехопадения», то «Поиск Святого Грааля» сплетает те же традиции принципом «искупления мира».

Из средневековых источников, зафиксировавших валлийское традиционное знание, нам известно, что кельты верили в котел бессмертия. Этот сосуд возвращал жизнь мертвым (хотя при этом они лишались речи), а также наращивал свиное мясо на старых костях. Котел был принадлежностью священного пира умерших предков, и использовался в ритуале, целью которого было дарование божественного знания и бессмертия. Тот же мотив присутствует в греческой мифологии и ритуалах.

Дом магического сосуда — под землей. Все колодцы, родники и озера считались вратами в подземный мир. В часто цитируемой валлийской поэме «Вторжение в Аннун» описан магический поход в подземный мир, предпринятый группой героев — а тема кражи некоего предмета из бездны на все лады повторяется в фольклоре, магии и религии. Поэма «Вторжение в Аннун», вероятно, описывает древнейший известный пример приключения Грааля.

Основание веры в сосуд могущества, обитающий в подземном мире, лежит в языческой идее обмена между человеком и иными мирами. Идея эта сохраняет важность и в ритуальной магии современности. Жизнь и смерть не рассматривались, как противостоящая двойственность — это были не конфликтующие сущности, а проявления одной силы.

Самый очевидный сосуд магической власти во внешнем мире — человеческое существо, что отражено и в непреходящей вере в обмен и взаимосвязь в произведениях кельтско-римской культуры, и в сообщениях классической античности о кельтском отношении к смерти тела. Человечество состояло с подземным миром в отношениях торговли, обмена.

Именно в контексте обмена и взаимодействия человека с иномирьем возникла практика человеческого жертвоприношения — неотделимая от систем запланированного рождения, которое выступает носителем возможности перевоплощения.

Хотя современные магические сочинения могут пересказать об этих системах скорее просто бессодержательные сплетни, есть повод предполагать ее выживание в эзотерических традициях, а также народных деревенских магических практиках. Современное возрождение ведовства, несомненно, достойное похвалы в попытках вновь ухватить чистую суть отношений с природными силами, всё же склонно затуманивать восприятие рассматриваемых нами магических систем, в силу того, что ведовство не стремится разобраться в метафизических основах действия тех традиций, которые оно находит верными; а просто использует их — и потому они обрастают непоследовательными «объяснениями». В то время как христиане пытались использовать умозрительные модели древних, одновременно подавляя одну из их

составляющих: магию порождения, благодаря которой эти модели возникли — язычники современности подобрали отпавшие органы творения, не осознавая их былой принадлежности к великому целому божественной мудрости. При наличии такого конфликта образ искаленного Короля–Рыбака становится вполне закономерным: раненный в чресла вождь, утративший способность к воспроизводству. И этот символизм относится не только к болезни духа, неуравновешенности с материей, но и вполне реальному телесному недугу процессов полового воспроизводства.

В наипростейшем выражении, история рассказывает о героях, устроивших набег на таинственное иномирье, чтобы завладеть великой ценностью; в форме наиболее изящной ту же историю излагают классические тексты приключения Грааля. Присутствие сильного мотива плодородия обоюдно, и плодородие это выражается не только половым воспроизводством. Это общий вектор плодородия как такового, выходящий из подземного мира и достигающий физического тела, умственной, эмоциональной и духовной эффективности отдельного человека, а также племени или расы.

Неспособное к перерождению не может быть Граалем.

Кельтские практики почитания предков (культ мертвых) включали вхождение духа в иной или подземный мир, и его последующую связь с провидцем или провидицей — оставшихся жить во внешнем, человеческом мире. Система эта была так распространена в древних культурах, что здесь достаточно только ее упомянуть; читатель сможет найти многочисленные работы, посвященные детальному ее рассмотрению⁸⁹. Эзотерические практики управляемого оплодотворения, зачатия в назначенное время, служили возможностью перевоплощения для конкретных умерших членов рода. На протяжении значительного периода подобные таинства должны были располагать объемным хранилищем просвещенных душ. Считалось, что любой король — буквально сосуд и носитель всех своих предков, что отражено в ирландской традиции.

Широко распространенная дохристианская система, часто называемая современной литературой «ритуалами священного короля», в составе последующей ортодоксальной религии хорошо сохранялась и в исторический период, а немалая часть этих тонких практических операций запечатлена в святости легенд Грааля. Здесь сохранение

⁸⁹ Например, биография и литературное наследие чилийского мистика Мигеля Серрано вторит тому же мотиву. Центральный вопрос, занимающий автора — «возможна ли связь живущих с умершими?». С этим вопросом он пускается в паломничества, чрезвычайная обширность которых охватывает едва ли не полмира. В итоге, Серрано отвечает на свой вопрос утверждением, рассказывая об опыте «вечной любви»: смерти одного из любовников и его поселении в душе второго, живущего. Питаемый силами умершей возлюбленной, герой оказывается способным достичь личной целостности, слияния мужского и женского в собственном существе — *прим. ред.*

древних традиций двояко: это и частные почти «случайные» примеры будто не связанных друг с другом случаев, и постоянная тема размышления о ценности божественной одаренности благородных семей.

И потому не стоит поражаться тому, что одна из ветвей этой традиции предполагает зачатие Иисусом Назарянином плотских детей — его наследников, рожденных мифической темной женщиной христианства, Марией Магдалиной.

Обозначенная традиция может быть совершенно противна жесткой авторитарности ортодоксального христианства, но она гармонирует с неким глубоким и упорно сохраняющимся мифом, укорененным в выражении коллективного сознания в западных тайнствах. Тело, как физический сосуд — также и духовный сосуд обновления, как в безвременном переживании вдохновения, так и в бесчисленных перевоплощениях, в зависимости от воли, верований и культуры конкретного человека.

Кельтское воображение не стремится различать умерших, предков, фей, силы иномирья и тех, кому скоро предстоит стать ново-рожденными младенцами. Подобные верования сохраняются многими языческими культурами, часто достигая значительной сложности и изощренности.

Мой выбор элементов традиционного знания можно было бы заклеить как произвольный и тенденциозный, если бы не некоторые бесспорные факты, поддерживающие мои любопытные выводы, хотя и не «обосновывающие» их. Важнейший намек — упорное сохранение определенных тем, поддерживаемых устными традициями, как в рукописях и печати, так и фольклоре и эзотерических учениях.

Второе важное указание — относительно современная наука генетики. Знания из этой области могли применяться и древними, хотя их исходная модель наверняка отличалась от дедуктивной модели экспериментальной науки.

Попробуем дать краткое определение сложному предмету: генетика — одна из главных составляющих в выстраивании того, что называется «человеческим существом». Генетика образует одну из матриц (тело), позволяющих сущности действовать на многих уровнях проявленности. Специалисты по-прежнему могут по-разному распределять степени значимости между генетикой, влиянием окружающей среды, обстоятельствами, врожденными рефлексам и прочим, но всё же, наследование генов обосновано, как и любая работоспособная научная теория; и у нее постоянно обнаруживаются расширения.

Кратце, наука утверждает, что мы наследуем нечто от своих предков; то же представление было общепринятым для самих наших предков. И это представление выступает хребтом применения ритуальной магии, что дало повод репрессивной ортодоксии обвинять язычников и еретиков в некромантии. Гальфрид Монмутский говорит, что британский король Бладуд «распространил некромантию по всей

земле» — а выраженное иначе это значит вот что: его праотцы чтили умерших предков. Заявление Гальфрида подтверждается результатами раскопок и античными письменными свидетельствами.

Традиционное кельтское знание Гальфрид снабдил лишь поверхностной маскировкой, так что читатель обнаруживает множество параллелей с позднейшими легендами Грааля в «Истории британских королей» (в переводе с древнеанглийского, выполненном Аароном Томпсоном в 1718 году, или более современных переводах, например, Себастьяна Эванса⁹⁰). Поскольку Гальфрид был популярен как источник для легенд Грааля, а его сочинение будто бы предвосхитило их появление — ученые сегодня предполагают, что весь подобный материал может быть развит из общих источников в традиционном устном знании. Что всегда понимали учителя эзотерических традиций и современные фольклористы.

Примечательно, что своей истории «мифа после катаклизма» Гальфрид предоставляет генеалогическое обоснование.

Как совершается генетическое наследование? Через взаимодействие мужских и женских качеств. На языке магии эти составляющие с давних пор обозначаются как семя и кровь. Кельтская одержимость генеалогией не сводится к притязаниям на превосходство в обществе. В не столь далеком прошлом генеалогия выполняла роль современного генетического анализа: это определение вектора направленности в будущее на основе разбора сведений о прошлом.

Читатели, хорошо знакомые с христианской библией, вспомнят представленные в начальных главах евангелий от Матфея и Луки две различных генеалогии Иисуса Христа: Матфей представляет ортодоксальную мужскую линию наследования, а Лука показывает женскую, включающую в себя чудесные рождения Иоанна Крестителя и Иисуса: «дочери Аарона», Елизавета и Мария, зачали их при посредничестве архангела Гавриила.

Для многих древних культур матрилинейная наследственность определяет расовую и племенную принадлежность, право на наследование имущества и другие вопросы — и значительный объем кельтского фольклора расставляет акценты сходным образом. Современные язычники часто считают это признаком былого господства культа Богини, и, наверное, это справедливо — но кроме того, определение наследственности по матери отражает магический и метафизический интерес к *генетическим*, а не культурным линиям преемственности.

Цикл Грааля предлагает ряд явно выделенных ситуаций, имеющих отношение к женским линиям наследования, крови и таинственным представлениям — и их следует рассмотреть в свете современной науки о генетике. Вероятнее всего, они окажутся магическим аналогом генети-

⁹⁰ «Geoffrey of Monmouth: The History of the British Kings», Aaron Thompson; Sebastian Evans.

ки, или схожей оперативной моделью, выраженной в других терминах — но, в любом случае, объектами деятельности будут те же процессы, что интересуют и современных ученых. Всё же, подобие не будет буквальным, поскольку магические и метафизические модели заинтересованы наследованием через физическое тело только сил иного мира, и основаны на долгих циклах наблюдения и внесения исправлений, связанных с практиками предвидения. Именно подобные циклы имеются в виду обеими генеалогиями Иисуса, и именно они вновь возникают в истории о Галахаде, которая повторяет историю Христа.

Мифология кельтского христианства (наиболее ранней формы христианства, принятой Британией) неоднократно подчеркивает особую роль Иисуса, как героя, совершающего набег на иной мир — так же, как это делали герои языческой мифологии.

Шотландские горцы сохраняли древнее традиционное представление о том, что Иисус усыновлен и воспитан местной богиней Бригитой — могущественнейшей благодетельницей кельтского пантеона. В ранних общественных укладах кормилица и повитуха не менее важны, чем мать-родительница; в магическом выражении: то, что выводит дитя из лона, окажет сильнейшее влияние на его жизнь во внешнем мире. Рождение Спасителя увязывалось с благословением важнейших богинь языческих пантеонов: кельтской Бригиты и римской Минервы — покровительницы великого множества героев, разбивавших темные силы подземного мира, убивавших чудовищ и добывавших особые выгоды для своего народа.

Результатом этого «акушерства», толковать которое можно различно, явилась способность Иисуса исполнить ожидаемое от него сошествие в Ад и его «разграбление» (штурм врат и разбитие тюрем, вызволение добрых душ) — христианский аналог набег на подземный мир за добычей. Невозможно себе представить, чтобы божественный герой подобного масштаба мог войти в наш мир и покинуть его, не воспроизведя свою кровную линию в земных детях; линия наследственности сохраняет его опыт как Посредника и Спасителя. Сила передается через тело напрямую, независимо от умонастроений, эмоциональных состояний и культурного воспитания.

Неудивительно, что столь еретическая сторона раннехристианских верований жестко подавлялась — целью церкви была власть над силой, а не ее распространение по всему миру, как семени. Эзотерическая традиция поучает: сексуальная чувственность может оказаться ловушкой — но выверенное воспроизводство определенных генетических линий может быть благотворным для всего мира. Представления подобного рода оказываются предметами весьма превратных толкований, и их исторические проявления, включая возникшие в двадцатом веке, часто оказывались слишком далекими от сути. Превратность возникает именно из попыток буквально «обосновать» эту систему через «очищение» человеческих сообществ — весьма абсурдное и

невозможное предприятие, полностью игнорирующее исполнение сложных сроков, необходимых магической работе, и сознательно отвергающее дух истинной благодати и просвещения, который сквозит только там, где сам этого хочет.

И всё же, несмотря на некоторые очевидные извращения генетических представлений (которым можно противопоставить ужасающее развитие церковной ортодоксии, извращающей человечество в целом), позволю себе сделать некоторые праздные выводы. Если Иисус из Назарета был посвящен в древние таинства, обучаясь у ессеев или, как говорит традиция, у друидов в Гластонбери — он должен был обладать ясным пониманием традиционного магического знания о священном зачатии и перевоплощении. На самом деле, отрывки запрещенных и почти изъятых из истории гностических евангелий предполагают, что Иисус старался применять это знание весьма особыми путями, намереваясь извлечь просвещенных из телесной матрицы «всеобщей» реальности посредством практики магического целомудрия. К рассмотрению этого действия исчезновения на примере более поздних и не таких масштабных устремлений мы вскоре вернемся.

Не должно показаться слишком надуманным предположение о том, что наилучшим способом закрепить возвращение духа в падший (опустевший, испытывающий нехватку духа) мир, стало бы возвращение духовного семени в крови будущих поколений. Такова эзотерическая традиция двух сосудов-стекляниц, сопутствующих Граалю.

II

Тому, кто сегодня возьмется ретроспективно изучать фольклор или те слепки с традиции, что зафиксированы в разное время литературой, сложно будет судить об истинной природе изучаемого предмета. Знакомство с началами нашей литературы и устных преданий, песен, может оказываться бесконечным.

Можно разделять обнаруживаемые сюжеты на группы местного, национального, даже международного значения, или сортировать их по степени распространенности, но едва ли этим достигнешь большего, чем грубые статистические сводки; это просто наведение порядка, предшествующее настоящему рассмотрению материала.

В конце концов, именно личные верования сторонника некоторой школы или свода древнего знания оживляют и раскрашивают толкование полученных сведений. Некоторые современные авторы называют любое традиционное знание только неизбежным следствием экономической и общественной борьбы; многие фольклористы настаивают, что очевидные следы древних магических или языческих традиций в современном фольклоре — либо заблуждение толкователя, либо загрязнение фольклора мотивами популярной литературы. К сожалению, нередко они оказываются правы.

Я же, проводя анализ материала, выдвигаю предположение, могущее показаться весьма экстравагантным: современный устный фольклор содержит огромный пласт древней традиции, до сих пор доступный в многочисленных, хотя и утративших силу и ясность образах. Это предположение я дополню и другим, еще более значительным: внимательное сравнение «стандартных» для фольклора и песен форм с символизмом магии и языческой философией откроет многие практические истины легенд Грааля.

Всякий, кто интересуется магией глубже поверхностной накипи бесчисленных печатных публикаций, должен осознавать существование некоторой связи между магией и генетикой. Наши предки, от которых мы унаследовали и магию, и телесные свойства, более всего заботились о сохранении определенных родов, обладающих особыми способностями. При рассмотрении легенд Грааля в этом свете, оказывается, что они полны указаниями на наследственную магию, в особенности нацеленную на духовное восстановление, сопутствующее восстановлению телесному.

Как я уже указал, «История бриттов» собрала традиционные магические и религиозные сюжеты вокруг тематической оси «мира после катаклизма», переосмысления мифов через призму образа падения античной Трои и побега отряда героев из захваченного города. С другой стороны, легенды Грааля говорят о грехопадении и искуплении. К тому времени, как начали появляться работы алхимиков (символизм которых вобрал и языческие традиции и легенды Грааля), позднее приобретшие изящнейшие формы стараниями великих герметических философов XV–XVII веков — эзотерическая традиция в целом обратилась к мотиву искупления и восстановления падшего мира. Эта атмосфера стала средой рождения монументальных трудов христианской метафизики в союзе с магическими практиками. Проницательный читатель может заметить прохождение того же трехфазного цикла в более короткий период с XVIII века до наших дней.

Некоторые очевидные примеры наследственной магии в «Поиске»:

1) Ланселот, чье великолепие обусловлено родословной, а не его собственными внутренними достижениями. Растрчивая свою естественную одаренность, он впадает в грех и отчаяние, и страдает от серьезных лишений, прежде чем предпринимает попытку развить свою духовную сущность, истинную природу, найдя должное применение своему телесному наследству и умелости. В терминологии теории перевоплощений можно сказать, что Ланселот живет за счет капитала, накопленного в жизни прошлых, не раскрывая полного осознания о роли в жизни нынешней. И потому, Ланселот — пример обыкновенного человека, хотя весьма возвышенного и благородного во многих отношениях.

2) Галахад, плод тайного союза Ланселота и девы. Галахад, кажется, воплощает собой действие совершенствования — настолько,

что Ланселот спрашивает, почему сын не помогает отцу в исполнении его духовного долга. Эзотерический ответ на этот вопрос таков: чтобы Ланселот и Галахад обрели духовную свободу, каждый в своей степени, — они должны превзойти былые генетические циклы магического делания, и ухватить истинное духовное вдохновение.

3) Артур, отпрыск союза, устроенного посредством магической иллюзии, и, как говорит традиция, в детстве пребывавший под защитой заклинателя Мерлина.

Но важнее всего общая модель, объясняющая значение меньших ситуаций и персонажей легенд Грааля. Перейдем же сразу к ней, не перечисляя других лиц, тем более что их родословные ясно изложены в тексте самого первоисточника.

Разумеется, главный ключ — история «Древа жизни», очевидно предлагающая человечеству спасение в воздействии силы женственности. История эта должна быть подробно изучена, и соотнесена с топологическими моделями, например, каббалистическим Древом жизни — математической структурой, описывающей взаимосвязи между человеческими энергиями и метафизическим, выражая их в образах миров-представлений; Древо жизни также иллюстрирует принципы генетики и другие отношения, «вновь открытые» современной наукой и психологией.

Для нашего предположения о том, что Грааль может проявляться через «некромантию» — почтение предков — особенно важны действия Соломона в легенде о Древе жизни. В размышлении о качествах женственности, архетипический мудрец Соломон достигает откровения: «появится женщина, благодаря которой всяк познает радость стократ превышающую твою печаль, и она будет из твоего рода»⁹¹.

Восхищенный этим знанием, Соломон изучает «каждый посланный ему знак, во сне и наяву, в надежде узнать истину о завершении своего рода».

Наконец, обнаружив, что та Дева принадлежит к числу его потомков, а последний мужчина его рода стяжает славу большую, чем доблесть Иосии, Соломон решает отправить послание сквозь время, для своих потомков.

Созданное для этого магическое судно, разумеется, было изобретено хитроумной женой Соломона. Символизм судна включает три побега Древа жизни: красный, белый и зеленый. Мужчина прилагает усилия к тому, чтобы передать свое знание сквозь время, женщина предоставляет способ, каким это может быть исполнено — и третья

⁹¹ P. Matarasso «The Quest of the Holy Grail». Любопытно отношение легенды о Соломоне к прочему материалу, изложенному в книге: она оказывается ретроспективным ключом к пониманию многих событий и отношений предшествовавших приключений. Объясняя важнейшие сюжеты, она подготавливает читателя к последующим откровениям.

таинственная сила приводит судно в движение, отправляя его в плавание по океану жизни.

Всё соломоново предприятие — только еще одно выражение практического применения традиционного знания предков, магической генетики и прорицания: наук—искусств, общеизвестных среди развитых народов древнего мира, сохраняющихся и по сей день в полурастворенном виде.

Чаще всего упускается из виду то обстоятельство, что начало легенд Грааля лежит в устной традиции; читатель (скорее, слушатель) историй Грааля, должен был легко соотносить их содержание с внушительным объемом других подобных народных историй, песен и шуток, широко распространенных в ту пору во всех слоях общества.

Лишь в относительно поздние годы, через понимание фольклора, исследователи стали осознать природу преданий Грааля; выделенные из общего потока традиционного знания и обработанные, они, несомненно, содержат бесчисленные перекрестные ссылки, повторения сюжетов и сцен, которые современному читателю неизвестны и непонятны.

Всё же, такие мотивы не могут быть «прослежены до истоков», являясь потоками живого общения в сновидческом процессе коллективного воображения. Нельзя недооценивать тот факт, что традиция Грааля была нарочно сплавлена из течений всеобщего воображения; невозможно отрицать, что сплав этот создал новую могущественную умозрительную сущность, которая, будучи задействованной, служила механизмом преобразования. Прямым аналогом традиции Грааля будут работы Гомера.

Выражаясь языком современной науки, можно описать легенды Грааля и тексты, имеющие к ним отношение (например, «Историю бриттов» и «Пророчества Мерлина»), как модели расовой психологии, каркаса поведения этноса; кроме того, они представляют собой и топографическую модель магической физиологии, описывающую взаимосвязи между моделями, земель и подземным миром.

Примитивные примеры подобного символизма действовали в начале XII века как сценарии ритуалов, некоторые из них сохраняются и сегодня. Список фольклорных примеров был бы действительно длинным. Один из наиболее известных — «День крапивника», включающий ритуальную охоту за мифической птицей (представленной крапивником) и ее приготовление в «чертовски большом латунном котле». Получающееся блюдо столь велико, что вся беднота сможет насытиться оставшимися ребрышками.

На этот традиционный ритуал и относящиеся к нему песни часто указывают сторонники теории королевских самопожертвований, как на доказательство выживания ритуала. Обойдя стороной излишне сложную дискуссию, отметим сюжетную близость к набегу на подземный мир в поэме «Вторжение в Аннун». Хотя их разделяет пропасть в несколько столетий, судно народной традиции пронесло послание сквозь время.

Генетический поток или схема сообщения с предками в иномире, тесно связаны с выживанием народной традиции, выражающей себя в пении, рассказах и обрядах; фольклор сохраняет материал, полученный, видимо, от культурных и магических источников древности. Следует особо подчеркнуть очевидность, искусственность этого сходства, скорее сотворенного возрождающей силой коллективного сознания, нежели осознанным стремлением сохранить традицию.

Легенда о древе жизни также предоставляет возможность увидеть суть магической или духовной девственности — эзотерическое понимание которой намного предшествует христианскому переосмыслению преданий Грааля. Телесная девственность — просто обстоятельство, но девственность в целом — состояние ума, принцип действия сознания. Собиратель историй Грааля намеренно утверждает сердцевинный магический закон — который должен быть полностью осознан, прежде чем магическое делание любого типа станет поистине действенным; закон этот не имеет отношения ни к морали, ни к телесной девственности. «Девственность» в древности вовсе не означала сексуального воздержания. Это в равной мере справедливо для мужчин и для женщин, и легенды Грааля неоднократно заявляют об этом.

Девственность — состояние первоначальной духовности, имеющее телесное выражение в девственной плеве, которая суть результат перевоплощения и восстановления тела. И напротив, женщина, сохраняющая физическую девственность, может не быть девой — и, несмотря на расхожие мнения и домыслы, такая женщина бесполезна в магических целях.

Этот метафизический закон был открыто выражен Иисусом: «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». К сожалению, понимание сложных магических законов сексуальности было намеренно отравлено неверным истолкованием — мужчины и женщины современности получают в наследство скорее ощущение безысходности, оставаясь отделенными от истинной власти половых взаимоотношений.

Когда традиционная мудрость называет мать Иисуса и мать Иоанна Крестителя «дочерьми Аарона» и «девами» — мне видится в этом переосмысление в мифе свойственных язычникам магических ритуалов, ориентированных на выведение породы, и далее — чистота пребывающих в конкретном времени и месте мужчины и женщины открывала возможность перерождения для конкретных могущественных предков или существ иномирья. Такое предположение, однако, никоим образом не оспаривает и не умаляет религиозную или духовную силу Девы — эссенции, Девы дев и проявления Грааля в человеке.

И это утверждение возвращает нас к началу, и я вновь повторю: Святой Грааль, как всякий великий символ, может проявляться одновременно во многих образах и различными способами. На самом деле, эта «различность» определяется самим восприятием, состоянием

сознания того, кто воспринимает образ, что ясно показано в завершении предания о Приключении Грааля.

Хоть мы и удачно замкнули кольцо проявлений Грааля, это не значит, что все таинства одинаковы в своем действии и окончательных результатах, даже если они применяют одинаковые методы и ключевые символы. Например, касательно «генетической магии» эзотерическая традиция предполагает несколько первоисточников магического наследования, и, соответственно, несколько различных путей посвящения и связи с существами иномирья. Это и часто упоминаемый (хотя редко понимаемый) исток потерянного континента Атлантиды, и почти совсем неизвестные персонажи очень изолированных региональных традиций. Часто к этим источникам относят и определенные королевские и знатные роды — хотя возможность проследить генеалогию далеко в прошлое не обеспечивает действенности магической или духовной силы. Любой достаточно проницательный исследователь истории без труда увидит, что большинство королевских родов древней Европы были свергнуты и прервались.

Грубо говоря, не все причастные к таинствам являются потомками Иисуса Христа, но символическая традиция гласит, что любой из них *может быть* Его потомком. А отсюда следует не менее важный вывод: любой из нас может быть потомком некоторого божественного героя или священного короля того или иного масштаба.

Именно эта умозрительная, воображаемая вероятность оказывает чрезвычайное каталитическое воздействие, выстреливая сознание в неведомые до тех пор области. Изменения в сознании зависят от форм матрицы, в которой силы воображения пребывали в момент перехода, преобразования. Этот метод в корне отличается от обычных описаний действия молитвы, убеждения и даже медитации, и принадлежит к настоящим колдовским, эзотерическим «тайнам», донесенным до нас родной традицией. Понимание этой схемы действия человеческого сознания, этого метода преобразования, позволило раннехристианским деятелям очень глубоко укоренить в коллективном сознании некоторые инструменты влияния, посредством выдавливания силы имеющихся символов расовой души в намеренно искаженные русла.

Итак, генетика утверждает существование набора координат, передаваемого от предков потомкам и определяющего телесный облик; современная психология (скрытно позаимствовав эту идею из философии древних) предполагает существование глубокого пласта коллективной или расовой памяти. В таком случае, как мы можем пробудить это знание, мудрость и понимание, присутствующее физически в клетках нашего тела, и информационно — в недоступных участках сознания? Разве не могут эти глубочайшие, доличностные воспоминания и телесные структуры быть одним и тем же явлением?

Магическая традиция говорит об этом без тени сомнения, и предлагает полноценный и действенный метод подобного пробуждения.

Народная традиция подкрепляет эту уверенность свидетельствами об определенных персонах, совершавших путешествия в иномирье в своем телесном обличье. Некоторые из них возвращались провидцами или провидицами, а другие оказывались потерянными — но не умершими. Типичный пример магического исчезновения подобного рода — история преподобного Роберта Кирка из Аберфойла (1644—?), первого переводчика Библии на гаэльский и собирателя древних историй о феях и ясновидении. В народе вплоть до предыдущего поколения продолжали бытовать попытки вызволить Кирка из мира фей — таковы были отголоски просуществовавшей почти три сотни лет региональной традиции.

В христианской традиции имеется пример Еноха, ходившего с Богом и взятого на небо, а также более близкий контексту Грааля догмат римокатоличества о небовзятии Девы Марии.

Подобные примеры можно перечислять долго; для нашего суждения важно то, что подобные верования британской или кельтской традиции применялись к конкретным историческим личностям, таким, как Кирк, Томас Лермонт из Эркельдуна и другим. Требование осязаемого физического воплощения (или, возможно, следует сказать «развоплощения»?) как раз и является определяющей чертой, сердцевинной магии Запада; то же глубокое предубеждение, будто божественные силы *должны* ощутимо течь через тело, вызывало в прошедшие века распространенные заблуждения касательно работ алхимиков, магов и метафизиков. Оно же порождает и известные жалобы на то, что «магия не работает» — экспериментатор не видит, не ощущает никаких телесных изменений.

Это не каприз материалистов — требование проявления магических действий на плане физической реальности имеет древние и глубокие корни, являясь, в конечном итоге, плодом наипрячайшей коллективной интуиции касательно очевидной реальности: мы догадываемся, ощущаем, мечтаем о том, что реальность может быть изменена намерением воли.

Энергичные попытки сочетать идеи магической силы, кровного наследования и мирской власти в истории возникали часто: так был учрежден, например, Орден подвязки, основанный на символизме Грааля. Но, организации такого толка, опирающиеся на иерархии, скопированные с церковных канонов, неизбежно терпят неудачу.

Истинная ценность обрисованных мною выше традиций состоит в безостаточном принятии их символизма, и его последующего задействования, результатом чего становится переворот в сознании. Изменение сознания не ограничивается искусственно выделенными сферами «политики», «религии» или даже работой ума конкретной «изменившейся» личности — оно проникает все стороны человеческого существа, проявляясь в способах действия физического тела, полностью преображая их. Никакой иерархический авторитет, никакая

власть не может существовать вопреки велению освобожденного духа, ничто не может ему противодействовать.

Потому кажется неизбежным последний вывод: последовавшее за приключением поражение Артура и его рыцарей, разрушение королевства, сами по себе также являются плодами Приключения Грааля. Едва ли стоит удивляться тому, что разрушение причиняется собственным семенем Артура — магически вдохновенным ребенком кровосмешительной связи; положения генетической магии нам уже известны.

Волевое преследование власти духа приносит изменения катастрофические («Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его», Мф 10,34–36). В самом раннем изложении Приключения Грааля, этот сосуд похищен из подземного мира — царства бурлящей, постоянно изменчивой энергии. И если этой энергии во внешнем мире не придано состояние идеального равновесия и чистоты — единственным способом проявиться для нее будут циклы творения и разрушения. Эта возобновляющаяся, циклическая схема древней традиции раз за разом выражает себя в легендах о Граале, вопреки предлагаемому Спасителем высшему порядку окончательного искупления.

Однако нам завещано, что Артур не мертв, но только спит, ожидает в иномирье должного часа — чтобы возвратиться. Поистине, нет мудрости в том, чтобы искать могилу любого истинного короля, девы или героя — они живут во всех и в каждом из нас, ожидая пробуждения властью духа, возрождением, которое дарует нам Святой Грааль.

Долорес Эшкрофт–Новицкая «Путь к Граалю»

Внутреннее путешествие души в поисках мудрости — принципиально одиночное, в глубочайшей степени личное. Искатель Грааля «навсегда отделен от тех, кому служит». Само по себе знакомство с текстами Грааля может оказаться значительным переживанием, но это только начало. Реальность слов и образов намного шире, чем их звучание и облик. Нижеследующий текст — предложение тем, кто желает узнать о Граале больше, получить личный практический опыт встречи с ним. Здесь и далее в этой книге печатное слово раскрывается в новом измерении, предоставляя другой способ мироощущения: наблюдение за своим продвижением во внутреннем путешествии.

В мгновение, когда человек отворачивается от Бога, он вместе с тем пускается и в долгий обратный путь к Нему. Человек окружен Богом, а значит — в какую бы сторону он не уходил, пытаясь удалиться от животворящего источника божественности, рано или поздно неизбежно вновь окажется пред Его ликом. В этом суть Приключения Грааля. Это путешествие расового героя, приключение вдовьего сына, вечная волшебная сказка, отыскание золотого руна. Под любым из названий, это — возвращение к истоку, из которого мы вышли, и в котором находим обновление. Все мы должны участвовать в этом извечном танце, по собственной воле или вопреки ей: наше упрямство лишь чуть затянет сроки.

Приключение Грааля — один из многих путей к тому, что Восток называет духовным просветлением. Каждая традиция указывает собственный путь, не хуже прочих. Для тех людей Запада, чьи расовые герои — король Артур и рыцари круглого стола, Грааль особенно значим. Он — исходный символ английской породы, и всего того, что ею порождено.

Приключение Грааля, как и все предметы этого космоса, исполняется сообразно великому замыслу, рисунку, последовательности движений великого танца — не следовать им можно только во вред себе. Школы, обучающие таинствам, точно следуют заданной схеме, и ученик действительно становится героем, искателем — процесс обучения отправляет его во внутреннее путешествие, ведущее дорогой древнего замысла. Благодаря единообразию опыта всех учеников, каждый в отдельности сгущает опыт множества жизней в одну, свою собственную, и куда быстрее впитывает знание, приносимое этим опытом. Однако успех зависит от личной способности держаться пути, правильно выбирать направление на распутье, и, прежде всего — задавать нужные вопросы в точное время.

В этом серьезному ученику помогает наставник, своего рода личный Мерлин, уже прошедший этим путем и возвратившийся —

возвращение, на самом деле, важнейшая часть всего Приключения. Необходимо ясно понимать: искатель отправляется в Приключение не только ради себя, но для собственной расы, и ради всех тех, кто не смог пойти сам — ради тех, чье время еще не пришло.

Предпринимаемое путешествие парадоксально: с одной стороны, оно втягивает разум вовнутрь, к центру сердца, залу Круглого стола, за которым сидят многие аспекты—личности, в которые искатель вживался за долгие годы. С другой стороны, оно проецирует разум наружу, желая вернуть повседневному миру понимание того, что переживается внутри, разделить опыт с теми, кто отринул странствие.

Ищущий обретает — и возвращается, уподобляясь Янусу, стоящему на пороге множества возможных миров. От других людей его отличают глаза: они смотрят глубже, сияют большей мудростью и рыдают горестней. Он навеки отделен от тех, кому служит — таков его выбор. Чтобы служить верно, вначале нужно выучиться одиноко стоять в стороне и незаметно наблюдать.

Приключение проходит в три этапа:

1) Отделение от всего, что известно и дорого. В мифах и сказках этот этап отражен в отлучении молодого героя или героини от дома и семьи; обычно, это расставание с горюющим пожилым родителем. В реальной жизни это момент, когда душа слышит внутренний зов и осознаёт необходимость поиска его источника, перерождения в Граале Граалей.

2) Путешествие, опасности, чудо, преобразование души в опыте действия, обретение себя. Для ученика это время упражнений и обучения, а также суровых испытаний в реальной жизни.

3) Важнейшее возвращение с даром в сердцевине сердца. Этот дар — преображенный Круглый стол, ставший вогнутым и сделавшийся личным Граалем. Он наполнен сущностью любви, понимания и мудрости, которая получена перегонкой знания, накопленного всеми многочисленными аспектами—личностями, испарением и осаждением опыта мириад жизней. Такой Грааль возникает с единственной целью — позволить испить из него *всем, кто на то способен*. Но сам носитель такого Грааля не может испить из собственного сосуда, и должен искать другого — того, кто напоит его из чаши своего сердца.

Вино этого кубка может быть и горьким и сладким — не попробовав, не узнать. Но посвященный в истину пьет и горечь и сладость с равной радостью.

Грааль можно искать и находить и сегодня. Каждый мужчина может быть Артуром: мудрым, любящим, знающим свою уязвимость. Каждый мужчина может быть Ланселотом — храбрым и сильным, но ведомым чужим мнением. Завершив приключение, всякий мужчина станет Галахадом: совместит все положительные стороны, во всё большей степени очищая отрицательные.

Каждая женщина может быть Гвиневой, сбившейся с пути королевой, или Нимуэ, бессердечной чаровницей — но к Опасной часовой всякая придет Илэйнрой, Девой Грааля.

В повседневности мы также отправляемся в соответствующие приключения — но, чтобы сознательно войти во внутреннее путешествие в реальном мире, мы должны достичь момента, когда становится жизненно необходимо Искать, Сметь, Знать и Молчать. Обучающие таинства школы обладают ключами к отворению таких путешествий разума и души. В древности школам были вверены секреты, должны сохраняться во все времена, — до тех пор, пока человек не сможет открыто выдержать тяжесть осознания собственной божественности. Ключи эти сохранялись с терпением и смелостью, вопреки великим потрясениям. И всё же, сегодня они во многих отношениях утратили значимость. Последний век стал свидетелем стремительного роста человека, стократно возросла его способность понимать собственные внутренние планы. Наследие школ таинств по-прежнему пригодится тем, кто юн душой, и тем, кто, обладая опытом, нуждается в тщательной подготовке. Но сегодня есть и те, кто с небольшой помощью способен найти путь самостоятельно. И если это мое мнение верно, то мы, хранившие ключи так долго — теперь должны явить их.

На протяжении веков одним из этих ключей обладали поэты, художники, музыканты и мечтатели. Этот ключ — важная составляющая в обучении любого барда кельтских земель. Чосеру и Шекспиру, а с ними и Джону Донну было известно, как использовать этот ключ. Его сияние заметно в работах Кольриджа, Вордсворта, Теннисона и Уитмана, его светом пропитаны картины Микеланджело, да Винчи, Тёрнера и Констебла, он настигает нас в звучании музыки той горстки мужчин и женщин, что отдают себя воспроизведению традиционных стихов и песен древнего наследия.

Всякий ребенок, играющий щепкой в потоке ручья, или глядящий в окно в пасмурный полдень, обладает тем ключом, который необходим нам для отыскания внутреннего Грааля. Мы называем его «творящим воображением». Ключ кажется чрезвычайно простым — но без него человек не видит, не мечтает, чувствует себя только случайной, бессмысленной пылинкой. А с ним человек становится господином своего внутреннего царства, и его восхождение на внутренний трон рождает ощущение достижения могущества — которое излучается в каждодневный мир, неся истинную магию знания себя. Всякий предмет берет начало во внутренних уровнях бытия, а потом распространяется наружу. И Бог также помещает Себя одновременно и в центре, и на периферии, — и, когда мы в состоянии духовного разочарования чувствуем желание сбежать от всего, чем Он, по нашему мнению, является — мы всё равно в действительности двигаемся прямо Ему навстречу. Наш поиск ведет нас из сокровеннейшего центра круга творения наружу. И окружность, периферия, последовательно сменяет формы: вначале это первая наша

попытка расширить границы сознания, затем Круглый стол, за которым мы находим себе место, и, наконец, Грааль — возникающий в нашей сердцевине. В конечном счёте, Бог и есть Грааль; Он — то, что содержит космос внутри Сущности, выходящей за пределы титулов Бога или Богини, половой принадлежности. «Оно» — матрица творения, вместилище жизни, Грааль Космоса. Человек и его жизнь превращают себя в то вино, что наполняет Грааль Граалей.

Как и повсюду, здесь присутствует иерархия священных чаш, каждая из которых действенна, значима и является частью единой Первичной Чаши. Всякий желающий обрести посвящение, надеется вначале достичь личного Грааля, затем Грааля своей расы и, наконец, Грааля Мира. Далее отважится пойти только лично призванный, окликнутый по имени. Для обучающихся в школе таинств такой путь равен годам обучения и тренировок, что не всегда способны оценить те, кто желает получить древнюю мудрость на блюде с голубой каемочкой, так, чтобы им оставалось лишь уделить ей чуточку своего рассеянного внимания.

Но многие скованы обязанностями каждодневных трудов, нехваткой времени, отсутствием учителя; некоторые даже не знают о существовании тех, кто мог бы наставить их. При этом им тоже есть что сказать, и тяготы мира не должны препятствовать им хотя бы начать Приключение. Для них есть ключ, способный открыть множество дверей; некоторый способ действия творящего ума — в оккультной терминологии называемый вышиванием путей⁹². Несмотря на то, что обычно он служит как метод обучения одаренных и опытных учеников, им может воспользоваться и тот, кто лишь начинает открывать мир внутри себя. Вышивание путей может стать для любой искренней личности действительным средством обретения Грааля своего сердца.

Необходимо дать некоторые пояснения о техниках вышивания путей и их воздействию на личность, которое может быть весьма существенным. Вышивание путей известно тем, что способно совершенно изменить жизнь практикующего, хотя чрезвычайность оказываемого влияния и не является для него обычной. В любом случае, некоторые перемены неизбежны: в идеях, способах мышления, способах жизни, в отношении к любви и в толковании вещей. Без перемен невозможно обрести Грааль — он и сам постоянно меняется: камень, блюдо, копье, чаша и, наконец, Божественное Дитя. И каждая перемена оказывает на посвящаемого двойственное, противоречивое влияние. Обретая Грааль как ограниченный и полированный камень, посвященный осознает, что и сам должен обрести форму, наиболее соответствующую целям тех, кто направляет его судьбу. Обретая Грааль как блюдо, он научается нести должное, подобно тому, как блюдо несет дары причастия. Урок Грааля-копья учит боли: чтобы пронзать, вна-

⁹² «Pathworking».

чале должно быть самому пронзенным, должно выстрадать и истечь кровью. Это страдание приближает обретение Грааля—чаши — посвященный отдает себя другим, не получая даров. Тогда достигается последняя перемена Грааля, и перед ликом Солнечного Дитя искатель становится Господином собственной внутренней Твердыни.

Вышивание путей к Граалю может принести все эти плоды. Но открывать пути неиспытанным умам немудро и жестоко. Конечно, всегда находятся такие, кто благодаря личным умственным способностям может глубже видеть лежащие в основе всего истины. Но в Приключении нужна не острота ума. Умник однажды просто упрется в препятствие, обойти которое не сможет — и окажется скован и огорчен. Тот, кто обладает меньшим знанием, но большим чувством, вначале будет шагать радостно, а потом, не сумев постичь символы всё большей глубины — сделается безразличен. Этим препятствиям можно бросить вызов и преодолеть, будучи вовлеченным в эгрегор школы таинств, или с руководством наставника; но для одиночки, которому неоткуда ждать поддержки, такая задача может стать сокрушительной. Потому, излагая принципы работы с вышиванием путей, я попыталась держаться середины: давая путнику ощущение совершаемого чуда и достижения, но и окутывая туманом те глубины происходящего, что могут показаться чрезмерными. Но тот один из тысячи, для кого работа с вышиванием путей будет прямым призывом, раскроет все тайны сам. Регулярные упражнения развивают способность проникать всё более глубокие истины, а все вышитые пути со временем допустят к своим тайнам настойчивых и наблюдательных учеников.

Исполнение вышивания путей подобно спокойному фантазированию, будто сновидению наяву, с одним важным отличием: такая фантазия руководствуется собранным разумом, преследующим конкретную цель. При отсутствии ведущей роли ума упражнение станет просто невероятно раздутым мечтанием. Ученики в школах таинств тренируют свой ум ежедневными упражнениями. Хорошо было бы для начала посвятить неделю усиленным подготовительным упражнениям — это углубит получаемый опыт и общее воздействие. Зная природу современного человека, я предположу, что многие наверняка захотят немедленно попробовать себя в вышивании путей, но кто-то может пожелать вначале приготовить себя упражнениями — и для них я предложу каждодневные практики, рассчитанные на недельный срок.

1) Утром, прежде чем подниматься с постели, в течение пяти минут старайтесь как можно яснее представить себе помещение своего первого класса в школе. Не торопитесь, пусть ум дорисовывает детали постепенно, добавляйте их понемногу каждый день. Можно выбрать и любое другое значимое и хорошо знакомое помещение из детства.

2) Выберите знак, имеющий для вас смысл, или не слишком сложное изображение. В течении пяти—десяти минут (не дольше) каждый полдень рассматривайте эту картинку — старайтесь впечатать ее

в память. После закройте глаза, и позвольте внутреннему зрению восстановиться изображение. Когда оно появится, сотрите его, и пусть картинка появляется заново. Продолжайте, пока не сможете вспоминать картинку с абсолютной ясностью за долю секунды.

3) Вечером или перед засыпанием попробуйте в уме пройти путем, который вам хорошо знаком: будь то дорога на работу или к дому друга, любимый прогулочный маршрут или изученная в детстве тропинка. Идите не спеша, рассматривайте окружение настолько подробно, насколько сможете. Попытайтесь вспомнить не только видимые образы, но и звуки, запахи, прикосновения. Чем более достоверное окружение вы сможете воссоздать, тем больших успехов достигнете в вышивании путей. Ничего страшного, если вы уснете, занимаясь этим — подобные упражнения даже лучше работают в полудреме и во сне. Фактически, выполняя их, оккультист не просто «видит сны», то есть — наблюдает образы, предлагаемые подсознанием, — а научается управлять сновидениями.

Эти три простых упражнения чрезвычайно углубят ваши переживания в последующем Приключении. Может быть, вы пропустите их, и захотите сразу приступить к работе. Может быть, вам захочется обратиться к подготовительным упражнениям позже, а затем вернуться к вышиванию путей — и тогда разница в ощущениях вас восхитит.

Вышиванием путей всегда следует заниматься в спокойствии, исключив возможность любых помех. Внезапное вторжение детей или домашних животных не способствует благоприятному опыту — это подобно пробуждению среди ночи от того, что кто-то ходит по комнате: бешеный пульс, прерывистое частое дыхание, несколько минут разум пытается восстановить координацию, возобновляя понимание того, где вы находитесь, где находились и где должны быть.

Не применяйте вышивание путей чаще двух раз в неделю. Это занятие может казаться безобидными грезами наяву, но оно серьезно влияет на личность. С каждым успешным погружением вы будете обнаруживать углубление вашей способности понимать обретенный опыт и перерабатывать его себе на пользу. Успехи помогут вам развеять сомнения, тревога и противоречия покинут ум, проявляясь только во снах. Но это будет началом: тогда вступят в действие любопытные законы синхронии. В вашу жизнь «как раз кстати» станут вкрапляться книги, идеи, изображения, разговоры и встречи с людьми — указывая путь и давая подсказки в вашем Приключении Грааля. И весьма мудро будет вести как можно более подробные записи событий и своего умонастроения: до, во время и после каждой работы.

Наконец, работа с вышиванием путей изгладится из вашей памяти, возможно, на многие годы; но память вернется в самый неожиданный момент, возвещая грядущую коренную перемену в жизни. Вот тогда вы сможете в полноте оценить силу воздействия этих упражнений на вашу судьбу.

Вышивание путей — не та «магия», какую нам показывают в мультфильмах; оно магично только в смысле указания путей, ведущих к неисследованным областям собственного разума. Вышивание путей может быть использовано и в картографии внутренних ландшафтов. Тех, кто проявляет неосторожность, это занятие встретит ловушками, а поверхностных — обидными отражениями в зеркале, с самыми серьезными последствиями и переменами. Эти практики — не забавки, и относиться к ним нужно серьезно.

Теперь перейдем к деланию Грааля. Если вы воспользовались советами предыдущих страниц, уже в первой попытке достигнете немалых успехов, и будете углублять полезные результаты с каждой последующей. Помните о ведении записей: поскольку вы работаете в измененном состоянии сознания — записи просто необходимы вам, чтобы суметь вспомнить и оценить проделанную работу, когда вы вернетесь в обычное состояние. Не торопитесь, выстраивайте образы тщательно и с наибольшей ясностью. Продолжайте старания, если что-то не будет получаться сразу. Может быть, какой-то предмет вам будет сложно вообразить: отправляйтесь в музей и рассмотрите его, после попробуйте снова — так будет проще.

Странствие к Замку Грааля

Чтобы обеспечить наибольшую полноту опыта, следует обеспечить себе ряд условий: максимально спокойную обстановку, невозможность стороннего вмешательства и регулярность. Все ритуальные и околоритуальные практики задают ритм, поднимаясь и распространяясь будто волны в море сознания — приливы и отливы сменяют друг друга по внутреннему расписанию. Потому, выбрав время для упражнений, старайтесь точно придерживаться его день за днем; разброс не должен превышать нескольких минут. Удобный стул с жесткой спинкой и приглушенный свет — вот и всё необходимое оборудование.

Важно уметь расслаблять тело: от степени расслабленности зависит то, насколько просто вам будет изменить состояние сознания. Начинайте с ног и двигайтесь к голове, уделяя особое внимание местам, о которых легко забыть: например, маленьким мышцам за ушами или точке между бровями.

Вдохи чуть глубже обычных по схеме 4–2–4–2 помогут вам замедлить и расслабить ритмы ума. Даже если вы никогда не продвинетесь дальше этого — польза уже будет весьма велика! Думайте о путешествии, в которые сейчас отправитесь, странствие к Замку Грааля — вспомните о том, что вы уже узнали о Святой Чаше.

Теперь ваш ум должным образом расслаблен. Позвольте ему показать вам ряд образов, становящихся всё яснее и яснее, пока они не втянут вас в себя, сделавшись совсем реальными. Итак, берег стремительной реки, поток выглядит глубоким и холодным. На другом берегу

— темный лес, полный шумов и колыхания. Вы вспоминаете частые предостережения: не смотри через реку, не ходи в тот лес. Но от него всегда манил вас, а сейчас внутренний голос призывает пренебречь опасениями.

Сегодняшний день будет особенным, непохожим на все другие — голос сердца сегодня звучит отчетливо, как никогда! Перебраться через реку и войти в лес хочется так остро, что вас уже никак не остановить. Зашагав вниз по течению, вы ищите брод. По дороге встречаются друзья и родственники, интересуются, куда вы идете, а услышав ответ: «через реку и в лес», — пугаются, их лица искажает ужас, они умоляют не ходить и остаться в безопасности, рядом с ними. Лес полон странностями и кошмарами, вас наверняка растерзают чудовища, а нет — так демоны похитят душу. «Подумай о семье», — говорят они, — «останься в деревне».

Но ко всем их увещаниям вы остаетесь глухи, и уверенно продолжаете спускаться вдоль берега. Вот все остались позади, и в разлившемся безмолвии появляются беспокойные мысли: может быть, друзья правы, и лучше вернуться? Тогда внутренний голос шепотом заговаривает о таинствах и чести, — о том заповедном, что обретается за темным лесом. Замерев, бросаете взгляд через плечо вдаль, на деревню. В глубине души зная, что даже вернувшись сейчас, не вернете прошлого — вы переменились, прорвав границы известного и выйдя в незнакомое. Теперь вы чужак, пришлый Извне.

Снова вниз. Никогда прежде не были здесь — родные поля остались далеко позади. Накатывает счастье, на сердце легко, с плеч будто исчезла тяжкая ноша. По спине сбегает мурашки восторга, и шаг всё скорее, стремительней.

Солнце приближается к зениту, и впереди появляется мост — сияет огнем, и солнечный свет играет в нём радужными бликами. С виду как любой другой мост — но им соединены не просто два берега реки. Он проводит связь между человечеством и... чем-то иным, что пока невозможно определить.

Вблизи видно, что мост стеклянный, прозрачней чистейшего хрусталя. Солнечные лучи раскрашивают его сияющим пламенем славы. Пройти по нему страшно — но вы знаете, что должны: внутренний голос настойчиво побуждает стремиться вперед.

Подойдя совсем близко, вдруг замечаете фигуру, стоящую рядом с мерцающей стеклянной дугой: человек закутан в черный плащ, голова скрыта за капюшоном, рука опирается на яблоневый посох. Навершие посоха — искусно вырезанная деревянная ладонь, и она сжимает ярко-зеленый камень.

Это женщина. Откинув капюшон, она открывает странный, невероятный лик: вначале кажется старухой, но черты лица беспрерывно текут, изменяясь, и вы узнаете мать, потом сестру, потом свое собст-

венное лицо/лицо оставленной в деревне возлюбленной⁹³. Она молода и стара, прекрасна и уродлива, то бела как фарфор, то черна как уголь, то светится золотом как налитый солнцем персик, то тускнеет старой слоновой костью. Перемены не прекращаются ни на миг, и вы отшатываетесь, прикрыв ладонью глаза.

Она приближается, голос ее суров, хотя за жесткостью слышатся нотки ласки. Подняв взгляд, вы видите женщину старше себя, ровесницу ваших родителей — и она улыбается. Поразительные перемены остались в прошлом, теперь она вполне обычна, но стать и достоинство делают ее облик очень выразительным. Она спрашивает, как вы забрели так далеко от дома; вы рассказываете о голосе, что призывает пересечь реку и войти в лес.

Дама интересуется: «Чего вы ищете на другом берегу?». Тщательно взвесьте ответ. Чего вы *на самом деле ожидаете* от этого путешествия? Обдумав, ответьте — но искренне.

Дама просит вас отнести подарок для ее сына, в далекий замок на другом краю леса. В награду он, благородный властелин, может призвать вас на службу, или поможет в вашем пути и поиске.

Вы соглашаетесь выполнить поручение, и дама вынимает из плаща кожаный мешочек. Из завершия посоха извлекает изумруд, кладет в мешочек и также передает вам. Потом вручает и посох, сообщив, что тот обладает силами, которые придут на помощь — если, сделав всё возможное, вы всё же не преуспеее. Сказав это, она отступает в сторону, показывая, что путь открыт. Вы поднимаетесь на мост, и делаете несколько шагов, а повернувшись, чтобы попрощаться, видите, что древняя госпожа исчезла. Не стало и берега, и самой реки — только клубящийся туман. Вы понимаете: последний шаг окончателен — решение принято, и теперь можно *идти только вперед*.

Хоть мост и стеклянный, он надежен и прочен. Под его прозрачными пролетами радуется глаз игра солнечных лучей в клубящемся тумане. Впереди расстилается темная, угрожающая зелень леса, с каждым шагом всё ближе. Память о прожитой жизни тает, только с большим трудом можно вспомнить родную деревню, даже собственное имя кажется незнакомым, и, сделав последний шаг, оказавшись на другом берегу, вы уже забыли всё. Прошлого нет, а будущее ещё не создано — важен только момент настоящего.

Вы на другой стороне. Деревья расступаются, и тут же смыкаются кругом; осталась только река за спиной и простой каменный мост, дремлющий в солнечном свете. Может быть, вы и вовсе не существовали до этого момента.

Вначале лес кажется черным как ночь, но мало-помалу глаза приучаются улавливать едва заметный свет, и теперь можно разли-

⁹³ В зависимости от пола практикующего: для женщины или мужчины соответственно.

чить, что вокруг. Всё будто под водой, смазано, забрано зеленоватой пеленой. Вы идете вперед, озираясь; деревья растут очень густо, как строй могучих солдат. Порой от ветки к ветке срывается птица, вспыхивая всполохом неожиданных красок. Плотный подлесок полон шорохов невидимых зверушек, заметны только мерцающие бусинки глаз.

В густой зелени появляются приметы тропки. Она узка и выглядит древней, будто проложена одинокими странниками, ходившими здесь долгое время. Упорно следуя ее извивам меж деревьев, устаете, и, наконец, останавливаетесь передохнуть. В животе пусто, а горло совсем пересохло. Хочется прилечь отдохнуть, но голод и жажда не дают расслабиться.

Вы сидите, почти не шевелясь от усталости, посох вот-вот выскользнет из руки. Не поискать ли ручей, или, может быть, собрать каких-нибудь ягод? Вдруг посох зашевелился в руке, будто тянет, призывая встать. Тяжело поднимаясь на ноги, вспоминаете, что было сказано о его силах. Посох рвется всё энергичнее, будто в нетерпении — и вы следуете его указаниям, сворачивая то в одну, то в другую сторону, пробираетесь меж деревьев, и, наконец, выходите на полянку. В середине стоит яблоня со спелыми красными плодами, под ней шелестит чистый ручеек.

Вначале вы решаете напиться; вода очень холодная и здорово освежает. Потом протягивается руку к яблоку — но ветвь изгибается, не давая вам дотянуться. На мгновение вы застываете в растерянности... потом протягиваете руку снова, но ветка также уклоняется. Как ни старайся, дерево не даст яблока. Жгучий голод заставляет сердиться. Вы намерены сбить яблоко посохом — а деревянная ладонь на его верхушке раскрывается и хватает плод, срывая его с ветки. Всякий раз, как вы поднимаете посох, он срывает по яблоку. Это мило и забавно, и теперь можно поесть и отдохнуть. Посох спокойно лежит рядом; очевидно, он обладает не только силой, но и собственным сознанием. Это приятно — можно сказать, теперь он ваш друг и попутчик в долгом путешествии. Взявшись за деревянную ладонь, чувствуете, как он дружелюбно пожимает ваши пальцы.

Положив несколько яблок в суму, благодарите посох и дерево за помощь: зарываете семечки съеденных плодов немного поодаль от яблони. Может быть, они прорастут и однажды одарят яблоком другого путника. Ваша личность переменялась; вы начинаете ощущать себя неотделимым от всего, что вас окружает, и еще важнее — теперь вы часть всех временных эпох, вы связаны даже с тем, что далеко выходит за сроки вашей жизни; с тем что было и что будет. Отдохнув и освежившись, подняв посох, вновь ныряете в сгустившиеся сумерки.

Вскоре делается совсем темно, луна не восходит, постоянно спотыкаясь, вы часто падаете, но полны решимости продвигаться вперед. Упав в очередной раз, роняете посох, и теперь неизвестно, где он. Ищете наощупь. Нашарив деревянную ладонь, чувствуете, как она

толкает вас в руку, тянет за ремешок сумы. Наверное, посох знает, что делает — однажды его помощь уже пригодилась, так что вы открываете суму. Разливается сияющий зеленый свет, освещая деревья вокруг. Вы достаете Камень, и посох хватает его, и держит в ладони — теперь он такой же, каким вы видели его впервые в руках древней дамы. Встав, поднимаете посох. Теперь тропа хорошо освещена, идти по ней легко и не опасно.

Всё вперед и вперед через чашу; вновь, несмотря на свет Камня, возвращаются волнение и тревога. Повсюду вокруг шорохи и странные звуки, волосы на затылке поднимаются дыбом. Но вы твердите себе: посох и Камень проведут сквозь тьму, не поддаваясь панике, нужно пройти указанным ими путем.

Продолжая шагать, вы снова слышите голос, уже бывший где-то поблизости долгое время; кажется, это говорит Изумруд в деревянной ладони посоха. Теперь это не кажется странным, и вы сосредоточенно слушаете. Камень говорит о храбрости и вере, решимости и понимании. Он говорит о великих свершениях и тех героях, что оказались способны на подвиг во времена юности мира. Обретя уверенность, вы устремляетесь через лес, посох откликается теплом на вашу хватку, Камень направляет ноги и разум.

Мягко приходит рассвет, заросли леса истончаются. Вы не спали всю ночь, но совсем не устали, будто Камень поддерживал ваши силы. Остановившись у пруда, пьете воду и едите яблоки. Нагнувшись к воде, видите отражение и едва можете себя узнать: больше нет нерешительности, недостатка целеустремленности — глаза спокойны, в их глубинах живет изумрудный отблеск.

Днем свет Камня вам не нужен, вы берете его из деревянной руки и возвращаете в суму. Взяв посох, выходите из леса.

Перед вами — высокая гора со снежной шапкой на вершине. Кажется, взобраться на нее почти невозможно — но как раз это и нужно сделать, чтобы исполнить свое приключение. На мгновение сердце сбивается с ритма, исчезает решимость, хочется сбежать, отступить — но посох всё так же греет руку. Вытянув палец, он указывает вверх.

Поначалу подъем нетруден, но спустя несколько часов делается невыносимым. Прижимаясь к невероятно узким уступам, мучительно продвигаетесь пядь за пядью. Посох, прежде пристегнутый за спиной, теперь рвется помочь вам: он достает до далеких опор, крепко хватаясь, помогает подтянуться на еще один бесценный локоть.

Стужа становится жестокой, порывы ветра угрожают сбросить вниз. Пальцы так онемели, что почти уже не держат, руки и ноги бессильно дрожат. Последним рывком взобравшись на широкий уступ прямо под вершиной, сворачиваетесь клубком; усталость не дает вспомнить о путешествии, а холод пронзает отовсюду.

Вдруг вспоминаете о том, как прежде помогал камень — может быть, спасет и сейчас? Ведь вы действительно сделали всё, что могли

— но помощь сейчас необходима. Негнущимися пальцами развязывается ремешок сумы — но внутри не Камень, а простое серебряное Блюдо. Слёзы отчаяния вырываются сами собой. Вы так надеялись на помощь, а теперь ждать ее неоткуда. Горячие струи слез мгновенно превращаются в льдинки. Высокое солнце окутывает золотисто-оранжевым светом заснеженный пик, но красота уже не трогает.

Посох вытягивает деревянную ладонь и принимает блюдо из ваших рук, а тогда поворачивает его к солнечным лучам. Отраженные и усиленные, они светят в лицо, принося тепло и рождение новой надежды. Но, чтобы выжить здесь, нужен настоящий жар. Посох направляет пучок солнечных лучей на себя, и, прежде чем вы успеваете что-то сделать, вспыхивает. Жар пламени греет руки и ноги, возвращает подвижность. Но — больше нет друга и спутника, к слезам отчаяния прибавляются слезы горя. Посох был будто частью вас, и теперь навсегда утрачен. Единство, которое вы стали ощущать с ним и с Камнем, открывает великую истину единства всего сущего, будь то дерево или кристалл из пульсирующего сердца земли.

Но любовь и жертва деревянного друга не должны оказаться напрасными! Подобрал блюдо и уложив в суму, оглядываетесь. У края уступа видна пещера — которая оказывается тоннелем на другую сторону горы! Вы проходите вершину насквозь, оказавшись у разбитой и неверной тропки, ведущей вниз, в голую пустыню.

Карабкаетесь вниз, ощущая в ладони, где раньше был посох, неприятную пустоту, но чувствуете, что снова изменились — теперь вам понятен внутренний смысл горя и боли. Вы гадаете, что еще может ждать впереди. Спустившись к пустыне, без колебаний пускаетесь через нее, инстинкт ведет вас к неясной темной тени на горизонте. Бредя по пескам, съедаете последние лесные яблоки; свежесть их сочной мякоти вскоре вновь сменяется жаркой сухостью языка, и снежные шапки гор уже вспоминаются с тоской. Жар, кажется, растет с каждым шагом. Затуманенным от духоты взором замечаете невдалеке груды камней. Вам слышится дивный плеск струящейся воды, это кажется чудом! Но, увидев фонтан, вы видите и стоящего перед ним стражника с оголенным мечом.

На его лице жадность и гнев, он не уступит даже тому, кто отчаянно нуждается. Вид его странно знаком, но думать некогда, жажда подстрекает просить, умолять, хитростью или силой добыть воду. Проносится внезапная мысль: что скажет сын старой женщины, когда увидит, что нужный ему Камень превратился в серебряное Блюдо? Потом вы вспоминаете, как Блюдо отражало солнечные лучи — может быть, оно поможет и теперь. Может, удастся ослепить стражника и успеть напиться воды, чтобы продолжить путь.

Вы ищете в суме блюдо — но вместо него в вашей руке оказывается крошечный дротик. Пораженно замерев на мгновение, видите, как оружие принимается расти — и вот уже в руке полноценное боевое

копье. Сердце обрывается, когда вы понимаете, что это значит: придется лишиться стражника жизни.

Поначалу вы только отражаете нападение стража, но вскоре острая жажда не оставляет выбора, толкая на решительные действия. Ваш удар выверен и неотразим, но, пронзая острием тело врага — и сами чувствуете чудовищную боль. Враг повержен и лежит без движения, а переживание боли и агонии досталось вам. Хотя тело цело, и не видно крови, боль не проходит. Некая часть внутри вас умирает — должна умереть, чтобы произошло преобразование. Вы бросаетесь к фонтану, роняя копье, оно падает в песок. Вода сладкая и прохладная, вы пьете вельсть. Упав ничком на песок и стараясь собраться с силами, думаете: может быть, страж еще жив. Милосердно было бы напоить его. Вы ищете, во что бы набрать воды. Там, где лежало копье, теперь серебряная Чаша.

Перемены уже не удивляют; наполнив чашу до краев, подносите павшему противнику. Приподняв его пыльную голову, заглядываете в лицо — и узнаете себя. Ваши собственные глаза застывают, увидев смерть, в собственный рот вы осторожно вливаете воду. Вы держите умирающего на руках, пока его глаза не перестают видеть, а тогда закрываете их и засыпаете тело галькой. Сделав так, поднимаете чашу и направляетесь к отвесному гранитному утесу — теперь до него совсем недалеко.

В пути вам слышится чистый серебристый звук, подобный прежнему голосу камня. Он исходит из чаши... вы понимаете, что бросили в пыли суму, но чаша и так прекрасно лежит в руке. Голос искристо поет, повествуя о том, кто в одиночку осмелился на долгое путешествие, и о том, как из боли и горестей может восстать новая жизнь. Вы оплакиваете посох и того себя, которого пришлось убить.

Чаша всё тяжелеет, вес делается невыносимым — но вы стойко продолжаете путь, во внутренней борьбе совершаете шаг за шагом, одна нога оставляет позади другую... Измучившись, и изведав усталость нечеловеческую, наконец, добираетесь до утеса. Голос чаши превращается в победный гимн радости, наполняя вас чувством принадлежности к чему-то неизмеримому и чудесному, чему-то, что не вмещается ни в какие слова.

От подножия утеса вверх извивается крутая дорога, и, начав восхождение, боитесь, что можете и не добраться до вершины. Упорно бредете вперед, а чаша гудит приветственным любовным призывом. Другой голос вторит ей, совсем рядом — знакомая дама шагает рядом. Теперь она не стара, и прежний мрачный плащ сменился богатым платьем роскошного бархата и парчи, голубой шелковый плащ, подбитый белым, падает с плеч. Она шагает вместе с вами, вдохновляя на последние шаги к вершине.

Чаша теперь предельно тяжела... но на вершине, у конца дороги, четверо силачей держат паланкин. Женщина велит поставить Чашу

на него — и тогда процессия отправляется к замку, уже заметному за деревьями прекрасного сада. Вы приближаетесь, и ворота распахиваются — множество людей встречают вас, и тех, кто пришел с вами.

Вы входите в замок, в его сердцевинный чертог. У него шесть стен и шесть углов, с каждой стороны хрустальные окна. Паланкин опускают на пол в центре зала, у начала ступеней, ведущих к золотому трону. Дама проходит вперед и замирает у Чаши, свет и сияние которой пульсируют так ярко, что вы не видите за ним ничего. Когда свет угасает, Чаши нет — а вместо нее мальчик, лик Его ярче солнца.

Дама оборачивается к вам, вновь переменившись — теперь она молода и прекрасна. Она благодарит за то, что вы исполнили обещание и принесли дар ее сыну. Это не понятно; ведь дар много раз менялся, и, наконец, стал Самим Сыном. Дама смеется, а мальчик подходит и берет вас за руку. Улыбнувшись, Он говорит: *«Ты — и есть тот дар, что мать послала мне»*. Он поднимается к трону, обретая зрелость, и уже мужчина спрашивает вас: желаете служить Ему или продолжить личный поиск? Ответить можете только вы сами.

Вы спрашиваете о тех вещах, что так озадачили вас: о посохе и яблоне, о страже фонтана. Дама рассказывает, что яблоня и посох — ваши же части, хотя обычно вы не осознаете их своими. Они хотят лишь служить с преданностью пса, взамен прося лишь немного заботы и внимания к их потребностям. Иногда они будто мешают вам (как тогда, когда вы хотели сорвать яблоко) — но, поразмыслив, можно убедить их дать необходимое. Это также та ваша часть, что принадлежит органической жизни планеты — став к ней ближе, вы смогли получить ее помощь. Усилием воли она меняет облик, чтобы служить вам — как и вы меняли себя, чтобы послужить Королю.

Страж был Обитателем Порога — всем, что не должно было стать частью вашей новой сущности. Его «убийство» стало причиной преобразования, а узнав его и оставшись с ним, вы дали ему возможность восстановиться в вас в новом виде. Теперь вы будете осознавать присутствие в одном теле множества сущностей. Всеми ими правит Внутренний Король, но вы должны подчиняться Божественному Королю — тому, кто на троне перед вами.

Яблоня, чьи плоды вы несли с собой — это знание; Посох, что вел и грел вас — понимание; Страж — мудрость преобразования. Все они теперь живут в вас.

Дама приносит Сыну серебряную чашу, Король призывает вас подойти и опуститься на колени у Его ног. Он предлагает вам Чашу Чаш, и Он Сам внутри нее. Вы испиваете будто чистый свет, он заполняет и пропитывает вас насквозь; знание, понимание и мудрость внутри сливаются с Любовью. Свет всё ярче — и теперь нет ни короля, ни дамы, ни замка, ни чаши. Вы стоите у каменного моста через быструю и глубокую реку.

Прежние друзья подходят к вам, хвастаясь рыбацким уловом — будто ничего не произошло. Они зовут домой, ведут себя так, будто вы ни на миг не покидали деревню, а просто замечались по своему обыкновению. Но сами вы знаете, что выходили за пределы земли, и никогда не будете прежним.

Воспоминания ускользают, но вас это не тревожит — вы знаете, что они вернутся, когда будет нужно. А у вас есть кое-что, что поможет вспомнить. Вы поднимаете с земли яблоневый посох — сегоднешний вечер вы посвятите тому, чтобы вырезать руку на его верхушке, слушая побасенки одного из здешних рассказчиков. Однажды и вы станете рассказывать сказки — и в них будет мудрость, которой вы научились во внутреннем путешествии, давным-давно. Может быть, вам и встретиться кто-то, кому можно рассказать, как всё было на самом деле. Может быть, они тоже отправятся той дорогой, что ведет по стеклянному мосту в темный лес. И вы знаете, что в нужное время вновь найдете тот мост — но тогда вам уже не нужно будет возвращаться.

Питер Лэмборн Уилсон «Глатиссант и Грааль»

Повсюду в этой книге мы наблюдали силу образов Грааля, его способность вызывать внутренние и внешние изменения. Поэтому уместно завершить книгу, ступив еще на шаг дальше: начать алхимическое делание, творение нового тела символов из старых — или, скорее, воссоздания из фрагментов былого. И здесь мы также сумеем научиться чему-то новому — если, оставшись бодрствовать вместе с рыцарями, устремимся на поиск источника нашего собственного приключения. Раскол Круглого Стола причинен поиском «высших обрядов и низших предательств» — опасностей, по-прежнему грозящих искателям Грааля. Читая между строк, мы узнаём, что хоть Грааль и принимает множество форм, его сущность не сводится ни к одной из них, или присутствует сразу во всех — так что искатель должен суметь отыскать тропинку меж таинств, пройдя ко всеобщему Таинству. В этих мнимых парадоксах выявляется сущность мифа Грааля. Противоположности разрешаются гармонией, искатели Грааля ищут равновесия всех истин в единственной Истине. Намерение этой книги — расставить межсезонные камни, указатели на дороге к цели. О степени успеха нашего предприятия надлежит узнать читателю.

В чём величие Мэлори, и почему его «Смерть Артура» — не вычурный литературный курьез, а поэзия сокровеннейших созвучий, играющая эхом острейших отголосков? В первую очередь, Мэлори, подобно Гомеру и Овидию, дает литературное выражение традиционному эпосу — впитав народный текстовый материал, Мэлори сработал из массы устных и письменных свидетельств такой оркестр, — со страстью, если не сказать, идеальностью, — что его произведения оказались для потомков золотоносной жилой архетипов. Имеет значение и стиль: ради того, чтобы форма наилучшим образом отвечала содержанию, Мэлори разработал особую орфографию и пунктуацию, его текст — концентрированная, ритмичная проза, повествовательный «белый стих», не дающий объяснений, но усиливающий образы уточняющими сравнениями. Взятый тон строгой и прямолинейной музыкальности исключает возможность прямого вмешательства автора; все его психологические и духовные озарения вплетены в сюжет, в ткань его искусства — в стиль и замысел; любые несовершенства его материала в таком свете выглядят несовершенствами самой жизни — жизнь всегда разорвана вмешательством нелогичного, появлением вопросов, на которые нет ответов. «Смерть Артура» распространяется, покрывая собой огромные пространства.

Прекрасно обрисованный и сложный персонаж рыцаря-сарацина Паламида для меня всегда служил, по-крайней мере, эмбле-

мой вклада Востока в артурианский цикл. К сожалению, «Паламид», любимый роман Фредерика II и Ариосто, приписываемый Эли де Борон (спутнику Робера де Борона, одного из наиболее мистически настроенных авторов рыцарских романов), так и не был переведен; нет и английского варианта сочинений пизанца Рустикано, сокамерника и секретаря Марко Поло (поскольку я использую мотив исмаилитов в своем тексте, мне кажется любопытным, что Марко Поло собственными глазами видел исмаилитов или «ассасинов» Аламута. Его рассказ об ассасинах, может быть, не вполне достоверен, но весьма разумен с точки зрения символов. Также интересно отметить, что ассасины были известны трубадурам и жонглерам — их делали поэтическими эмблемами фанатичных любовников).

В любом случае, научный анализ персидского и арабского влияния на европейский рыцарский роман затрудняется тем, что европейские рассказчики обыкновенно полностью преображали сюжеты и скрывали заимствованные выразительные средства. Присваивая нечто, принадлежащее противнику, Запад надевал шоры, чтобы не замечать «кражи» и не давать себе повода сомневаться в собственном превосходстве. Расплетение восточных и западных сюжетных нитей требует скорее интуиции, нежели фактического знания текстов и истории.

И, когда меня попросили развить тему восточных влияний в сочинении, я позволил себе осуществить план, который обдумывал много лет: с тех дней, когда, будучи в Персии, занимаясь изучением суфизма и эзотерики исмаилитов, я перечитал Мэлори. Тогда я задумал написать несколько связанных стихотворений в прозе, или сжатых ритмичных текстов, вращающихся вокруг персонажа сарацина; тексты эти составили бы своего рода осколок романа о Паламиде (подобный специально выстроенным в XVIII веке «древним» руинам). Прямая привязка моей задумки к мотиву Грааля предоставила недостающие каркас и точку фокуса. Некоторые части я скопировал у Мэлори, разбив отдельные моменты, на которые он только намекает, и добавил элементы других текстов Грааля, например, из сочинений фон Эшенбаха, а также «Тристрама» в изложении Бедье (современного шедевра компилирования романов) и «Мабиногиона».

Поверх я наложил систему координат суфийских и исмаилитских образов и мифов, которые, по моему мнению, составляют часть наследия сарацина Паламида. В сносках я объяснил некоторые исторические и доктринальные положения Востока — элементы, с которыми рядовой читатель на Западе, скорее всего, не знаком, и добавил непоместившиеся в текст реально-исторические и воображаемые сведения.

От читателя же я ожидаю хотя бы смутного представления о тексте Мэлори, — потому не сообщаю никаких подробностей о тех персонажах, что фактически позаимствованы из «Смерти Артура». Я пытаюсь пересказать некоторые тексты Мэлори с точки зрения сара-

цина и довести брошенные Мэлори нити повествования до эстетического и логического завершения.

I

Сэр Персеваль, сэр Галахад и сэр Борс, терпящие крайнюю неудачу в поисках Грааля, случайно встречаются с сэром Паламидом: сарацином, некогда входившим во двор Артура, но пропавшим много лет назад.

Неделями они ехали верхом, не встречая никого, и вот, в один из полдней, наугад двигаясь вдоль речушки, набрали на поляну — далеко от Логра и так же далеко от Мунсальваша, столь ослепленные душным жаром лесных зарослей, что не заметили, что опушка уже занята: рыцарь оперся спиной на густо поросший мхом тенистый дуб и чистил меч; одетый в побитый черный плащ странного вида, будто монашеская ряса, черные сапоги подвязаны на коленях сложными золотыми поясками; подле него в траве шлем и доспехи, выкрашенные черным и украшенные позолотой; кожа слишком темна, чтобы считать его бриттом, блестящие черные глаза, борода спадает на грудь двумя длинными ключьями, будто крылья сердитого ворона.

Все натянули поводья, останавливая лошадей, а рыцарь уже вскочил на ноги, сжимая меч; паж, в костюме мягкой малиновой кожи опротясь бросился к привязанному крупному черному коню, и щиту, что был прислонен к расщепленному молнией пню; мальчику не по силам было поднять щит, столь он был тяжел, так что он потащил его волоком к господину; эмблемой на щите была золотая рука в черном поле⁹⁴.

Персеваль тут же воскликнул так: «Сэр, мы не желаем вам зла. Я узнаю ваш герб, хоть и не видел его с детства. Если вы не присвоили себе чужие цвета, то вы — сэр Паламид, которого Ланселот называл величайшим рыцарем во всей Британии и Арморике, за исключением только себя и сэра Тристрама».

«Это так, сэр», — отвечал темный воин; «однако боюсь, что не могу ответить вам той же любезностью и приветствовать вас и ваших спутников по имени, ибо я не узнаю никого из вас, и не знаю значения того герба, что вы носите»⁹⁵.

Когда Персеваль представил себя и своих спутников, старший из рыцарей, Паламид, ответил: «Я помню тебя, Персеваль — дитя, чья изрядная глупость скрывала твою сверхъестественную благодетель не только от прочих, но и от тебя самого», — и три молодых рыцаря бы-

⁹⁴ Рука Фатимы, эмблема династии Фатимидов из Каира (или «Вавилона»), где располагался земельный надел отца сэра Паламида. Пять пальцев обозначают Пятерых Чистых, семью Пророка, а указывающая вниз рука обозначает их потомков — имамов. Черный и золотой, или черный и зелено-золотой — цвета двух заключительных кругов рая, и последних двух стадий алхимического делания.

⁹⁵ В белом поле красные кресты, с золотым Граалем в середине.

ли ошеломлены такими словами. «Мне нечего вам предложить, кроме краюхи хлеба и глотка вина, но прошу вас, примите их; многие годы я не получал никаких известий от Двора, и я вижу, вы измучены ездой и задыхаетесь от жары. Почему бы не освежиться в этом ручье, а затем выпить, рассказав друг другу о наших приключениях; и я хочу узнать о короле Артуре, имени которого я всегда буду верен».

Путникам показалось, что прежде им не предлагали подобной любезности в жаркие времена года, и они тайком дивились на Паламида: при Дворе он выглядел диким чужаком из-за темной кожи, а в этом глухом лесу его словами был сплетен круг любезных манер. Такое противоречие показалось им волшебством — хотя у них не было повода отвергнуть его совет и гостеприимство. И, кроме того, они знали, что каждое случайное событие имеет важность для них, каждая встреча могла указать новый путь в их собственном приключении, — ведь, подобно листьям, упавшим в холодный поток, они доверились Граалю и его вестникам.

Освежившись и преломив хлеба с Паламидом и его оруженосцем, они рассказали ему о Логре, о Королеве и Ланселоте, о болезни Артура и мраке, нависшем над рыцарями Круглого Стола; от этих речей Паламид горько рыдал. Затем они говорили о проявлении Грааля, о своем приключении и неудачах; это заставило Паламиду возрадоваться, а затем какое-то время они молчали, он тоже ничего не говорил, поглаживая бороду и глядя на заходящее солнце, разлившееся янтарь на ветви деревьев и выжигавшее лужайку слепяще-голубыми тенями; птички находили себе ужин и ликовали; паж ушел за хворостом, а все ждали, пока заговорит Паламид.

«Давайте разведем костер и будем бдеть до утра», — сказал, наконец, сарацин — «ведь сейчас летнее солнцестояние, ночь силы, и мы можем употребить эти немногие часы до рассвета, отыскивая источник наших приключений и ища исцеления самих себя. Я не буду водить дружбу с заснувшим рыцарем».

Мне думается, что не все из нас, а может, и никто более не увидит Логра. Эпоха, которую подготовил Мерлин, и в которую правил Артур⁹⁶, подходит к концу, разделяясь в поиске высших обрядов и низших предательств⁹⁷. С полудня до заката вы говорили мне о Граале и невольно направили меня к нему. Теперь, от заката до рассвета, я

⁹⁶ Паламид предсказывает конец Круглого Стола.

⁹⁷ В оригинале «in search of higher rites and baser treacheries» — что можно было бы перевести и как «в поиске слияний на самых вершинах и расщеплений у самых оснований», толкуя как два «противоположных» образа духовного действия (пути правой и левой руки). С одной стороны — предписания традиционной обрядности, работающие на единение общины, слияние со Всем, с другой стороны — антидогматичное личное восстание, преследующее цели «расщепления», отделения от Всего и автономности, неусловленности «Я» — *прим. ред.*

буду говорить вам о собственном приключении, надеясь, что вы узнаете что-то полезное для себя».

И Паламид ударил сталью в камень, выбив искру, развел костерок и приказал мальчику разлить вино, смешав с прохладной водой из ручья; сарацин подстроил свой голос к цвету индиго: к гудению ночных насекомых и козодоев, соловьев и сов; тогда он заговорил.

II

Наставали нужные ночи, и калиф Вавилона, имам Хаким тайно покидал свой дворец, уплывая по Нилу. Он странствовал в одиночестве, на черной лошади и в черном плаще⁹⁸; под расщепленной луной, где пальмы росли всё реже, мимо изъеденных ветром руин, безликих каменных пней вернувшихся из мертвых фараонов, в самую пустыню, где, будто в море, он руководствовался только знанием звезд, ища приключения⁹⁹.

В одну из таких ночей он набрел на оазис, где жил клан моего отца¹⁰⁰; за воротами их укрепления увидел спящего юношу-стражника, и, ткнув его копьём, приказал распахнуть ворота, и дать воды его коню. Юноша, устыдившийся того, что оставил пост, отказал ему — и, когда Хаким хотел ворваться в оазис силой, нанес калифу сильный удар копьём. Тут же копьё будто вспыхнуло в его руках, и он отшвырнул его в испуге; поднялся страшный ветер, закрутивший песок вихрями, и из каждого вихря вышел снаряженный и готовый к сражению демон: с рогами оленя и облаченный в доспехи сияющего пламени.

Тогда юноша выхватил меч и снова бросился на Хакима, — но, не успев клинок и коснуться подставленного щита, как чернильно-черный конь взмыл в воздух, и оба — и конь, и всадник — окутались беспокойным зеленым огнем. Тогда появившийся джинн поборол юношу и обезоружил его; горящий конь вновь опустился на землю и Хаким сказал: «Назови свое имя, страж ворот». Юноша ответил, что его зовут Эсклабор. «Ты был так храбр», — сказал Хаким, «против колдовства, что я прощаю тебе твой сон в дозоре, и прошу тебя любез-

⁹⁸ Плащ был похож на тот, что носил Паламид, но из чернейшего шелка.

⁹⁹ Пустыня, как и лес, вмещает в себя мир невидимого.

¹⁰⁰ Что касается отца сэра Паламида, члена благородной династии Фатимидов: калифы Фатимиды также были имамами исмаилитов, а значит — противниками багдадских калифов-суннитов, и ортодоксальных имамов-шиитов. Фатимиды правили Сирией, Северной Африкой, Сицилией и даже недолгое время Генуей, а Египтом в течение двух столетий, пока не были низвергнуты Саладином. Терпимые, покровительствовавшие искусствам Фатимиды затмили своим великолепием весь исламский мир. Исмаилиты-низариты или «ассасины» откололись от Фатимидов из-за вопроса наследования, но обе ветви исмаилизма проповедовали полное подчинение эзотеризму, и, в определенные времена, пренебрежение законами ислама.

но дать мне воды, которой любое пустынное племя должно поделиться со скитающимся рыцарем».

Хоть его держали два клыкастых пятнистых чудища, юноша возразил: пусть сперва рыцарь назовется сам. Тогда калиф рассмеялся, изумрудное пламя потухло, мертвецкие страшилища отступили в тень и пропали. «Будь я колдуном, я бы никогда не назвал своего имени», — молвил Хаким, «но раз я не колдун, знай, что меня зовут имамом Хакимом Биллахом аль-Фатими, я седьмой калиф Вавилона».

Услышав это, юноша рухнул лицом в пыль и умолял о прощении — калиф же снова рассмеялся, спустился с коня и поднял Эсклабора на ноги. Остаток ночи они просидели перед воротами, усевшись на конскую попону, и калиф научал юношу тайнам Пятерых Чистых и имамов. Долгое время они говорили об известном чудище, что появилось в бескрайних лесах Гипербореи; обличье его таково: змеиная голова, леопарду подобное тело, львиный круп и ноги оленя; из тела вырывается шум, будто лают, ища следа, гончие, числом тридцать¹⁰¹; его звали Глатиссантом, Зверем Рыскающим.

А потом, в час перед рассветом, когда тем, кто следует внешней вере, внушают, что молитва лучше сна — калиф посвятил Эсклабора в рыцари; потом наведаясь к роднику, напился сам и напоил коня, вновь надел на него сбрую, оседлал, и тихо исчез в темноте пустыни.

После, когда Хаким исчез (или был предан), сэр Эсклабор уже не мог оставаться в Вавилоне, но стал скитающимся рыцарем, его сопровождали немногие рыцари-магометане. В странствиях он добрался до Рима, и здесь сражался за императора; затем оказался в Галлии. Здешний король воевал против Утера Пендрагона (союзника Мелиада Лионского — отца сэра Тристрама).

Служа Пендрагону, сэр Эсклабор женился на девушке-христианке, и она родила ему троих детей, младшим из которых стал Паламид; Эсклабор был убит в бою перед рождением Паламида; вдова возвратилась в свое имение близ болот между Уэльсом и Логром, посреди глухого и безлюдного леса, забрав сыновей с собой¹⁰².

III

Артур и Зверь Рыскающий

Однажды жена короля Лота Оркнейского посетила молодого короля Артура в Керлионе; она приехала, чтобы шпионить за Артуром, — но тот счел ее прекрасной и спал с ней. Артур тогда еще не знал своих настоящих родителей, и потому не понимал, что вступил в кровосмесительный союз с собственной сестрой, Морганой ла Фей. Месяц спустя она возвратилась на Оркнейские острова, а Артур в ту ночь видел кош-

¹⁰¹ Число лунных дней.

¹⁰² Другие сыновья сэра Эсклабора лѐ Месконѐ — Сегварид и Сафир.

мар — дикое изменчивое переплетение грифонов и гадов. На утро, чтобы развеять наваждение, он приказал отправляться на охоту.

Артур выследил оленя и прищипывал коня, загоняя добычу — и многие часы олень скакал чуть впереди, но так, что его нельзя было достать; и вот, наконец, королевский конь упал замертво, а дичь сбежала. Артур блуждал, пока возле родника не набрел на углежога, которому приказал привести свежего коня. А после, разморенный теплым днем, прилег на мху и заснул под бурление воды.

Его разбудил шум лая и визга тридцати гончих; будто в видении ему явился престраннейший в мире зверь, вырвавшийся на поляну, будто за ним гнались — зверя этого король уже видел во сне минувшей ночью. Артур понял, что собачий лай вырывается из брюха зверя. Чудовище подошло к колодцу, не обращая внимания на короля, и жадно пило — и на то время лай и визг прекратились, но после вновь зазвучал чудовишный беспорядок. Затем зверь сбежал в лес.

Хотя и чувствуя неподдельный ужас, Артур наполовину верит, что по-прежнему спит; дрожа, снова опускается на мох, и вскоре действительно засыпает.

Спустя несколько часов на поляну вывалился пеший рыцарь. Увидев спящего Артура, он ткнул его древком копья. «Ты видел здесь странного зверя?», — ошеломленный Артур ответил, что зверь здесь действительно был. «Я насмерть загнал коня, преследуя его», — сказал незнакомый рыцарь. «Есть у тебя конь? Если есть, сейчас же дай его мне».

«И мой конь пал, когда я гнался за оленем», — сказал Артур. «Но скажи мне об этом звере — и кто ты такой?»¹⁰³.

«Меня зовут Пеллинор», — ответил рыцарь, «а зверя порой называют Глатиссантом. Таково мое приключение: я выслежу его, или погибну».

Тут как раз возвратились углежог и один из загонщиков Артура, приведя коня. Артур сказал: «Позволь мне предпринять твое приключение на один год, а если меня постигнет неудача, ты продолжишь». Тогда Пеллинор впал в ярость и назвал Артура дураком; он забрал себе коня, оседлал его и усакал вслед за зверем, вновь оставив молодого короля без коня. Рассерженный Артур еще раз отправил своего слугу на поиски коня, и присел у родника в ожидании.

Немного погодя к нему подошел ребенок, зеленоглазый мальчик лет четырнадцати, одетый в мантию цвета полночных небес, украшенную звездами и лунами. «Что ты думаешь о Звере Рыскающем?», — спросил он.

Артур, по-прежнему слишком расстроенный, чтобы обдумать свои слова, ответил так: «Я хотел бы, чтобы это приключение было моим».

¹⁰³ Король Пеллинор, отец сэра Ламорака Уэльского, который позже стал ближайшим другом Паламида, а затем был подло убит Мордредом. Пеллинор также усыновил сэра Персваля.

В ответ мальчик рассмеялся: «Не тебе, Артур, и никакому христианскому рыцарю не добыть зверя Глатиссанта. Его таинство принадлежит старым язычникам: мне или Пеллинору, или сарацину; на самом деле, однажды его схватит рыцарь вавилонского рода. Тебе уготована иная судьба».

Артур пришел в ярость: «Как ты, простой ребенок, притворяешься, будто знаешь такие вещи? И как ты смеешь обращаться ко мне по имени, будто знаешь меня?».

«Но я и вправду знаю тебя, Артур», — сказал мальчик. «Я знаю, что твой отец Утер Пендрагон, а твоя мать...».

«Моей матери не знает никто, даже я сам!» — выкрикнул король.

«...Твоя мать — Игрейна, она же и мать Морганы ла Фей, жены короля Лота Оркнейского, — той, с которой ты делил ложе всего две ночи тому назад, зачав ей ребенка. Она твоя сестра, Артур»¹⁰⁴.

Артур выхватил меч и зарубил бы мальчика, но тот кинулся бежать в лес и пропал из виду.

Наконец, вернулся слуга с лошадью для короля. Артур оседлал ее и уже собирался возвращаться в Керлион, когда услышал, как другой голос зовет его. Обернувшись, король увидел в глубокой тени у темного источника старика.

«Мерлин!» — крикнул Артур, — «это ты?».

«Теперь ты узнал меня? Поначалу ты не был столь остроглаз». И Артур заметил, что на колдуне черно-синий плащ, испещренный астрологическими формулами. И после этого Мерлин также исчез.

IV

Юность Паламида: он находит тайные книги отца. Мать Паламида, истовая христианка из бриттов, выражает тайную ненависть к своему полу-черному сыну.

На самом краю, на узкой меже, отделявшей земли его матери от неизмеримого леса, на пороге границ, под изменчивой завесой туманов между мирами, громоздились обломки башни; раньше в ней, вероятно, было восемь этажей, теперь оставалось два. Камень кутался ярью плюща, серые атомы стен разносились в округе влажными вечерами. По одну сторону лежали погребца поместья, к тому времени осевшего и переставшего существовать. Осталась только башня, похожая на заселенную совами печную трубу — разрывы в земле, оседающие сады сорняков и мальвы, изобильные заросли вяжущих трав, жабы в лужах, неумолчный стрекот насекомых, шорох ящериц, неухоженные одичавшие

¹⁰⁴ Плодом этого инцеста станет Мордред, который впоследствии причинит Артуру рану, заставившую его отбыть в Авалон — а вместе с тем Британия падет перед саксами.

розы, распаренные бездыханным жаром. По другую сторону стояло озерцо, в ряске, водорослях, камышах и слипшихся лилиях, среди которых исчезали древние каменные ступени, а за этим разъединенным зеркалом воды, в сотнях оттенков зеленого, раскинулась гиле, силванская *materia prima*: умирающий и возрождающийся лес.

Здесь Паламид таил свои книги, рукописи черных и золотых огненных букв, которые его отец сэр Эсклабор лё Месконё привез из Вавилона. Последний из прежних слуг умершего рыцаря¹⁰⁵ научил мальчика читать эти письма — благочестие веры стареющего благородного мужа было лишь показным, и он совратил Паламида на тропу безумного калифа Хакима, исчезнувшего в песках за Нилом. В потрескавшемся перегонном кубе в башне Паламид оплатил эти тексты тем огнем, который другой расцветающий бриллиант четырнадцати лет мог растратить в руке, расплескав по пронзенному солнцем воздуху¹⁰⁶ или же придворные пажи растратили бы его в подражании войне — свой первый эрос он отдал тому запрещенному знанию, ереси даже среди сарацинов, — и, столь чуждающийся людей, был совершенно им захвачен — книги выпорхнули будто птицей—удодом из восточной половины его кровного наследия, намекая на смутные райские кущи, рассветные сады, ожидая, чтобы он разбил прутья клетки; пока, однажды вечером, околдованный юностью дня и преобразованиями света, наблюдая за тем, как стрекозы ткали углы теорем в видимом колыпании испарений, вздымавшихся сладким запахом пота над южной заводью, стоя на каменных ступенях одетый в бархат Паламид, глаза его будто ягоды черники и сарацинские волосы цвета глубочайшего антрацита — громоздил друг на друга грезы, пока все встречные потоки мечтаний не угасили друг друга, оставив лишь неподвижную и неестественную геометрию спокойствия в сплетении часов; скорее ощущал, чем видел или слышал где-то меж неизъяснимых нефритовых извивов дуба и вяза, папоротников и терна, *ничто*, подобное полуденному собранию всех темных духов — постук копыт козлоногих, лишь тончайшему собачьему уху различимый, бесшумный топоток совершенной Паники — столь беспримесной, что после, в воспоминаниях, она казалась экстазом, раздвоением, выходом за пределы себя, достижимым только полным бездействием разума; а с другой стороны неверной перспективы оливкового пруда безвременные деревья—дриады то сгибались, то застывали в замедленном ужасе, будто стараясь уклониться от чьего-то присутствия, бездвижный вихрь то заглатывал листья, то исторгал их наружу, Зверь лаял в сводах черепа, как пары

¹⁰⁵ Старый слуга — сэр Гирон Вавилонский; лишь он дружит с мальчиком, обучает его сарацинским искусствам сложения стихов и игры на лютне, а также чтению арабских текстов.

¹⁰⁶ Обращению с мечом и использованию копья в конном бою Паламида учил настоящий мастер, который настолько ненавидел мальчика, что ненарочно сделал его могучим и коварным воином (см. тексты «Рассказ об изгнании на запад» и «Гимн жемчужины» Сохраварди, мученика из Алеппо).

ультразвуковых рыщущих гончих, преследующих некую анакреонтову дичь, давным-давно (уж многие века!) скрывшуюся в тайниках рассудка, спрятавшуюся за лакированной черной броней ряда последовательных ложных самостей, в самых спиралях памяти крови, затаившуюся в костном мозге самой мысли.

К тому моменту Паламид познал свой вирд, Зверя Рыскающего, описанного в текстах Фатимидов и в сочинениях персидского алхимика Остана: составленной из зверзости химере, оседлать которую может лишь ангел. Он предположил, что именно зверь сманил его отца из Вавилона в этот Логр, непостижимое средоточие леса; Зверь вёл Эсклабора темным танцем сквозь здешние лабиринты, пока тот не умер, а затем, будто согласно дополнительному распоряжению в завещании, ожидал перехода наследнику — темнокожему мальчику, недвижно застывшему в страхе под сенью башни, будто незрячими глазами смотревшему на другой берег пруда, над водой цвета бронзовеющей гнили, на незримо блистающее переменчивое зверомножество, возвещавшее о себе оглушающим ударом ужаса и заиндевлением в груди — оно ломилось сквозь подлесок, распространяя шум будто восстания из небесных могил: треск, удары ступней и тишина; обморочный испуг настигал даже и воронов, падавших на спины, закатив серебристые глазки; Паламид же начинал трепетать, снедаемый страстью.

IV

Один случай из странствий Паламиды, еще не ставшего в ту пору членом Круглого Стола ради сэра Тристрама Лионского.

Галахальт, Высокородный Принц Сурлузы, однажды устроил турнир, который не смог посетить Артур — так что он проходил под водительством Ланселота и Гвиневеры. Прибывшему в Сурлузу Паламиду оказала радушный прием его тетка, сарацинская дама, с которой жила прекрасная молодая дочь. Эта девушка умоляла Паламиду вступить в турнир под ее цветами, и он согласился, руководствуясь принципами благородства¹⁰⁷. Она была столь изящна, что в первый день турнира сам Галахальт вынудил Паламиду защищать ее честь, угрожая похитить ее невинность, если Паламид проиграет.

Паламид с легкостью отразил эту угрозу, и в ту ночь, когда кузина предложила ему незрелый плод своего тела, подобный сладкой, но твердой груше, он и не подумал отказаться.

А на следующий день девушка тайно встретила с местным рыцарем-сарацином по имени Корсабрин и обещала стать его женой, если он победит и убьет Паламиду.

¹⁰⁷ В этом турнире Паламид участвовал с эмблемой Зверя Рыскающего на щите и конской сбруе.

И вот, как только Паламид увердил свой герб перед шатром королевы, вонзив копьё в землю — сэр Корсабрин вызвал его на поединок. Они поскакали друг на друга, и копыта обоих разбились о щиты. Прежде чем принесли вторую пару, Корсабрин вытащил меч и напал на Паламида, который закрылся щитом, обнажая клинок. Но Корсабрин обрушил удар на шею вороного коня противника, разрубив кости и вены — кровь хлынула на сияющие доспехи рыцарей, и конь пал. Не дав Паламиду возможности найти себе другую лошадь, Корсабрин направил своего закованного в доспехи скакуна прямо на упавшего рыцаря, угрожая затоптать его насмерть.

В холодной ярости Паламид вскочил, и, перехватив поводья, одним могучим рывком свалил коня Корсабрина, вызвав лязг и грохот. Взял щит и меч наизготовку, ожидая, пока противник поднимется на ноги. Каждый удар извергал в воздух металлические щепки, будто искры от ударов кузнечного молота — в считанные минуты оба покрылись бесчисленными кровоточащими ранами.

Но сила Корсабрина стала прирастать, и он стал теснить противника; торжествуя, он прокричал Паламиду: «Я убью тебя, и твоя шлюха-кузина даст мне то, что давала тебе!». Услышав такое, Паламид бросился на него и так ударил в шлем, что тот отлетел прочь, отскочил от земли и укатился к ногам зрителей. «Сдавайся!» — приказал Паламид, но Корсабрин лишь огрызнулся и плюнул ему в лицо. Тогда одним взмахом Паламид отсек его голову — и она также отскочила и покатилась под ноги толпы, будто живая. Когда безжизненное тело рухнуло на колени, тут же поднялся склепный смрад, упав навзничь, труп моментально начал разлагаться, будто пожираемый изнутри. Когда слугам приказали утащить тело с турнирного поля и предать его глубинам неосвященной земли, белые черви уже полезли сквозь сочленения латных доспехов.

Ланселот и Гвиневера были одинаково поражены доблестью Паламида и страшным чудом разложения тела Корсабрина. Они настояли на немедленном крещении рыцаря-сарацина. «Ведь», — сказали они — «ты сам видел, какова смерть вне лона церкви: дьяволы слетаются, чтобы овладеть душой и пожрать плоть, таково предвкушение ада».

Паламид, знавший и помнивший многих сарацинов и язычников, умерших лучше, нежели иной назареянин, всё же выразил притворное согласие. Он заявил, что примет крещение после того, как победит в семи настоящих битвах — потому что понял, что сделался дальше от цели своего приключения. Кроме того, он предал любовь к Изольде — и семью битвами назвал семь этапов того пути, на который вступал в тот момент.

Испытывая отвращение к произошедшему, Паламид поспешил приобрести новую лошадь и тотчас покинул Суллузу, хоть и был тяжело изранен. Это не укрылось от глаз сэра Мордредра, собравшего шестерых ближайших соратников, и предложившего поступить с сарацином, так же, как и прежде с сэром Ламораком. Заговорщиками были сэр Дагонет, сэр Брандель, сэр Ивейн, сэр Озанна, сэр Гриффлет и сэр Агравейн.

Несколько дней они выслеживали Паламида и, наконец, устроили засаду. Они напали все сразу и исподтишка — но Паламид сумел сбить с коней четверых, а двоих убить на месте (Озанну и Грифлета). Мордред, ожидавший удобного момента, чтобы ударить сарацина в спину копьем (как то было с сэром Ламораком), счел за лучшее оставить затею и бежать.

В этой битве Паламид получил еще более тяжкие раны. Заблудившись в лесу, упал с лошади, не имея больше сил держаться в седле, и, обескровленный, потерял сознание. Таким его нашли два крестьянина, которые спешно побежали к ближайшему поместью и стали умолять хозяйку помочь раненому рыцарю. «Каков его герб?», — спросила та. Крестьяне описали побитый щит с изображением странного мифического зверя. «Это Глатиссант, Зверь Рыскающий», — сказала она, — «а рыцарь — мой сын Паламид. Он по-прежнему носит свой герб, а значит, как и прежде предан безверию и ереси: магометанин, как и его проклятый отец. Я не сделаю ничего ради его спасения, пусть ищет милосердия в другом месте».

Однако слуги в поместье ненавидели эту противоестественную женщину, опасаясь, что ее греховность погубит и их. И тогда они тайне послали помощь, лекарства, мясо и вино своему странствующему господину — и скоро он поправился.

Именно тогда Паламид обратил всю свою страсть к Изольде, жене короля Марка Корнуэльского.

VI

Паламид повествует о своей несчастной любви к корнуэльской королеве Изольде, а также сложных отношениях дружбы и вражды с сэром Тристрамом Лионским.

Отчего не могу я ненавидеть Изольду дневного света, свою противоположность — я, кого Артур уподобил леопарду, я, уже похитивший ее однажды, я, паладин, убивший слишком многих, чтобы упомянуть, сбивший с коня и обезоруживший столь многих, что не счесть — всё в честь воспоминания об одной улыбке, крови на сверкающем металле?

Невозможно служить двум зверям: Глатиссанту и Изольде. Я мог бы облачиться почетом анахорета, изобразить в женском образе весь мир, вырезать клеймо в своей коже, попусту болтать, что инцест и прелюбодеяния опрокинут Артурово благоденствие — но нет, Тристан, Изольда и я вращались подобно планетам, отравленным ядом влечения ангелам, вихрящимся в разуме архангела — херувимы могут сойти с ума, но согрешить не способны. Эти двое были приключением друг для друга, и вместе, они удвоили себя. Я же разделил себя пополам.

Мы с Тристрамом сошлись в последнем поединке близ каменной могилы Мерлина в тот самый день, когда Галахад занял Погибительное Сидение, в тот самый день, когда началось Приключение Грааля. В тот день я очистил себя от зависти и продолжил собственное приключение,

преследование Зверя. Пусть я не могу ненавидеть Изольду, но почему не возненавидеть хотя бы Тристрама? Они были единым существом, гермафродитом — ни одного из них я не любил так, как любил их любовь. Когда он, потеряв рассудок, бежал нагим в лес, я искал его так же, как желал её, с той же страстью, какая известна алхимику, наблюдавшему за тем, как Гермес и Лъвица совокупаются в атаноре.

Ведь, несмотря на всё щедрое буйство ваших волос, Королева, масла золота, пчелиного эликсира — вы не дали мне ничего: ни буйства полной разлуки, ни белого мёда вашей слюны; за колодезем, укрытым в непроходимых лесах противорая, я рыдал и играл на лютне, вавилонском инструменте, подаренном этой стране моим отцом во времена Утера Пендрагона, думая всё о том же: на весь этот варварский край лишь я и Тристрам могут исполнить действительно волнующий плач.

Мои собственные глаза были причиной моего горя, черные как драгоценные камни змеиноного черепа, — не ее глаза цвета зверя, цвета леса, и не его — конечно, голубые, будто смех ребенка на похоронах. Я позволил ему крестить меня в тот последний день, почему нет? Раз уж моя религия позволяет религиозное притворство¹⁰⁸, крещение стало подходящим символом, чтобы завершить нашу историю — они отплыли навстречу смерти, я должен был исчезнуть в лесу — но они, подобно мне, не были верными христианами — ими правил Дионис, и вместить их мог только сарацинский рай вечных хмельных ухаживаний, если такое место вообще способно существовать — всё Время, сгущенное в единственную судорогу высвобожденного желания.

Взглянув в колодец, я увидел собственный увядший лик, поклялся отдать эту жизнь ради любви, которой, возможно, никогда не достигну и не верну; я написал последнее и лучшее свое стихотворение, испытывая почти радость, будто музыка высосала яд из моих ран. Но в тот день Тристрам, охотясь за оленем или мной, подслушал мою песню, наблюдая из-за кружева майских листьев. Ленивец, я бы ничего не достиг, если бы они не ударили в меня, будто нож по точильному камню. Я сказал ему, что приму с равной охотой и смерть и жизнь — будто проводил таинство. «Красивыми словами ты выразил свое предательство», — ответил он. Я же сказал: «Любовь для всех свободна: ты и она купаетесь в радости вашей любви, но тебе не отгородить меня от ее боли».

И тогда он мог ответить мне лишь еще одним поединком, еще одним танцем мечей — он разыграл неуравновешенного ревнивого любовника, я же обрел будто изыщество пророка. Как мы втроем плясали, подобно ведьмам в роще, сплетая вокруг себя яйцо мерцающего шелка, спиральную пирамиду, заряженную молнией, будоражившей ночь, лучи, будто болотные огоньки, пронзали ветви — будто длящийся взрыв упавшего метеора.

¹⁰⁸ Такойя позволяет исмаилитам притворяться приверженцами любой религии: в любом случае, все они представляют только разные толкования единственной религии.

Паламид начинает тавил, устный возврат к истоку всех приключений, описанных на протяжении дня и ночи — его собственных и приключений рыцарей Грааля — герменевтическую экзегезу, разъяснение текста, призванного в мир воспоминаниями путников.

Ищущий зверя находит внешнюю форму Глатиссанта лишь одной из многих: каждый раз он приближается, находя сработавшую ловушку, видит следы, указывающие на то, как зверь сбежал, или даже успевает заметить, как тот исчезает в зарослях; и вот вновь меняется тон доносящихся слухов о звере, в каждом мгновении проявляется новый образ, порой просто разреженность воздуха, трепещущее брелчание еще неопределенных голосов, напряжение разлитого света, невидимый вихрь или поток готовых родиться вещей; порой это теорема хаоса, неожиданно находящая разрешение, вмести в свои вычисления все деревья, мхи и лишайники; свет, расщепляемый и изгибаемый ударом о бесформенные камни и сожженные молниями пни; призрак ландшафта, приобретающий четкость жуткой истории и эротического блаженства — щелк! — и вмиг охотник понимает: всё виденное *до сих пор* — только смазанная серость.

Видимый образ зверя также изменчив. Паламид часто видел его как чудовищного оленя, убить которого невозможно, как кабана кельтских кошмаров; ворона среди ливневых струй грозового неба. Иногда он раскрывался целой чередой событий, отрезком времени, в котором моменты связаны друг с другом узлами; иногда — обширнейшим переизбытком, чрезмерностью, будто невидимый за ближайшим утесом клокочет исток образов, изрыгая весь мир осязаемых предметов, схем движения мысли, ангелов, живых существ и элементарей.

Сердцевинная сущность зверя таится в действе охоты — охотник ослеплен инаковостью Глатиссанта, но в то же время теряет всякое ощущение различия или расстояния между тотемом (или добычей) и собой: он отступает за пределы этих двух сшибающихся скал — и созерцает изумленно, забыв свое намерение.

Однажды зверь явился ему стадом оленей: бросившись врассыпную от его черного силуэта кентавра, они превратились в юношей и дев, одетых в белое — обернувшись, они смеялись над ним, будто ироничный ливень золотых монеток, все эмблемы и даты на которых стерты без всякой возможности их прочесть. В другой раз он предстал ребенком, скачущим на олене, отростки рогов которого были украшены сетью подвешенных золотых цепей с гранатами и опалами; возможно, Изольда тоже была частью обширного богопроявления — если допустить, что такое всевмещение могло быть частью чего бы то ни было: Изольда, белая челом.

Паламид сказал: «Ночь в самом разгаре, а мы планеты близ звезды этого костерка». Он поворошил угли и подбросил еще дров, а три

рыцаря потянулись и проглотили последние капли вина. «Изольда потеряна, как и Эвридика», — сказал сарацин — «ее лицо всегда меркнет перед моим взором, устремляясь в подземный мир, который навеки стал моей ношей, органом моего тела. Камни и животные поют мне, бредущему в приключении, а я слушаю, я, читатель «Метаморфоз», наблюдающий за Протеем на египетском берегу». Паламид просил оруженосца¹⁰⁹ принести еще вина, но мальчик уснул, положив голову на черное эмалированное седло — в свете костра рыцари вспомнили, что волосы мальчика редчайшего цвета черно-красной мускусной розы, горящего черным багрянцем. Паламид разлил остатки вина по чашам, последние капли, падая, ярко блеснули во вздымающемся зареве.

«Язычники вроде Мерлина говорят о великом бездонном котле, никогда не пустеющем, безгранично множащем всенасыщающие еду и питье — и так один превращается во множество. В некоторых сильных местах среди лесов, пустынь или пещер внезапно появляются и исчезают подобные отверстия, шлюзы бесконечного потока бытия, стремящегося в наш мир: природа, дарующая столь щедро, что неосторожный наблюдатель захлебнется переизбытком образов»¹¹⁰.

Персы знают чашу Джамшида — обладающий ей может увидеть в вине отражение любого события, совершающегося в мире. Так, Чаша будто зеркало того Котла, что в свою очередь воплощает вечно переменяющееся мгновение длящегося творения. Волхвы учат, что око Чаши можно направить вовнутрь — чтобы созерцать видение единственного, а не спектакль множественности в изгибах времени. Возможно, если обратить поток Котла вспять, можно пройти в него как в открытую дверь, или спуститься вниз как в колодец, в царство единого.

Грааль, о котором вы говорите, дарует пищу, и он — та чаша, из которой распространяется грандиозное изобилие единого, — вихрь, который Янус зрит в двух отдельных землях. Я думаю, Грааль — христианское приключение, как и утверждал Мерлин, — ведь луч его бьет вверх, за пределы этого мира. Однако если бы можно было шагнуть сквозь эту прореху в ткани или сорвать вуаль, — что обнаружится по ту сторону? Может ли быть, что подлинное творение не едино, но их больше?

Глатиссант — поиск язычника, упомошательство сарацина, ведь это квинтэссенция всей природы, сама осязаемость всего, чего можно коснуться и что можно вкусить. Зверь и есть этот мир, но такой, каким я видел его в скитаниях — наполненный воспоминанием о фавнах и сатирах, дриадах, водных нимфах, Приапе и Селене, скачущих на пантерах амурах — мир становится *lapis exilii*¹¹¹, бальзамом,

¹⁰⁹ Оруженосца, как и брата сэра Паламида, звали Сафир.

¹¹⁰ О чаше Джамшида говорится в «Диване» Хафиза Ширази, которого зороастрийские эзотерики считают величайшим излагателем своего учения.

¹¹¹ Словами *lapis exilii* Грааль охарактеризовал Флегетанис — сарацин, на сведения которого Вольфрам опирался при написании «Парцифалья». Они могут значить «камень изгнания» или даже «камень, упавший на землю», и некоторые

который не меняет ничего, кроме того места, с которого охотник обзревает мир, а значит — преобразует всё до неузнаваемости. Ргуть переменчивости Глатиссанта должна быть уравновешена серой накаленной чуткости; в тот момент, когда преследователь шагает вперед, чтобы завершить приключение, он делает и шаг назад, — и вновь оказывается в лесу, совершенно обыкновенном, тихом и безлюдном; однако охотник и ландшафт одинаково насыщены некой таинственной силой, будто двое любовников переплелись в изощренных объятиях, или готовы обняться — объятия эти неведомы тем, кто равнодушно спит в ночь силы».

И тогда Паламид хлопнул в ладоши, и шум многократно повторился раскатами грома среди скрюченных столбов поглощенного чернотой леса; трое рыцарей встrepенулись и сели, будто птицы, напуганные приближением гончих; вырванный из сна Сафир озирался вокруг, потирая глаза. Паламид подал оруженосцу полупустую чашу и улыбнулся: «Я не буду водить дружбу со спящим рыцарем».

«В предрассветный час, когда сама земля зевает, а луна тонет в дремотной дымке, я пью лишь определенность, эликсир бдения, и, подобно Мерлину, прорицаю. Приключение Грааля и приключение Зверя — зеркальные отражения друг друга. Взглянув в ваше зеркало, я причастился новой сущности, я вдохнул аромат ваших сил. Теперь взгляните в мое, — и вы увидите образ карты. Грааль, который вы добудете на Монсальваше, — продолжение другого Грааля, более близкого к сердцевине, и кровь не вашего пророка пролилась в него первой¹¹². Город Саррас лежит на самом краю востока, это Йемен, где некогда принадлежавшие к моей вере раскольники скрывали похищенный черный камень Мекки, и где исчез последний из изгнанных фатимидских имамов — пропал подобно Мерлину, и подобно Артуру, который еще удалится в пещеру серебра и хрусталя.

И я отправлюсь на север в поисках зверя, где и зверь ищет меня — в Гиперборею, в землю нескончаемой кромешной тьмы. Там, на полюсе тьмы, я найду охраняемый ангелами колодец или родник, подобный единственной сияющей жемчужине, оправленной в огромный диск из черного дерева, оникса и гагата. Я омоюсь его водами и облачусь в зеленые одежды. И там начнется новый цикл семи. И там я начну танцевать».

говорят, что имеется в виду камень из короны Люцифера.

¹¹² Йемен называется источником «восточного знания» в «Толкователе желаний» Мухйиддина ибн Араби, а также в «Химической свадьбе Христиана Розенкрейца». Черный камень или метеорит Каабы в Мекке был похищен еретиками-карматами и несколько лет хранился в Йемене. Последний Фатимид (двадцать первый имам) Маула Сабил Ашхад аль-Тайиб был изгнан в Йемен и исчез в 1132 году. Многие ждут, что он снова появится в конце этого временного цикла подобно Артуру и Скрытому Иمامу ортодоксального шиизма.

Лучшие книги издательства "Ex Nord Lux", а также многие редкие книги теперь доступны в электронном виде!

Преимущества:

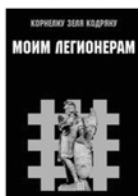
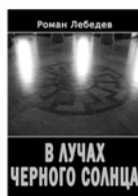
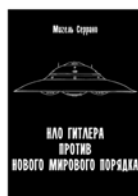
- Нужную книгу легко получить в любой момент в течение 5 минут
- Моментальная оплата и доставка
- Постоянное обновление каталога
- Удобство чтения электронных книг на мобильных устройствах

Жанры:

- Эзотерика
- Мифология
- История
- Философия
- Политика
- Мемуары

Форматы:

- PDF
- FB2
- RTF
- TXT
- ePub

© Электронное издательство "Ex Nord Lux DIGITAL"
<http://nordlux-digi.org>

